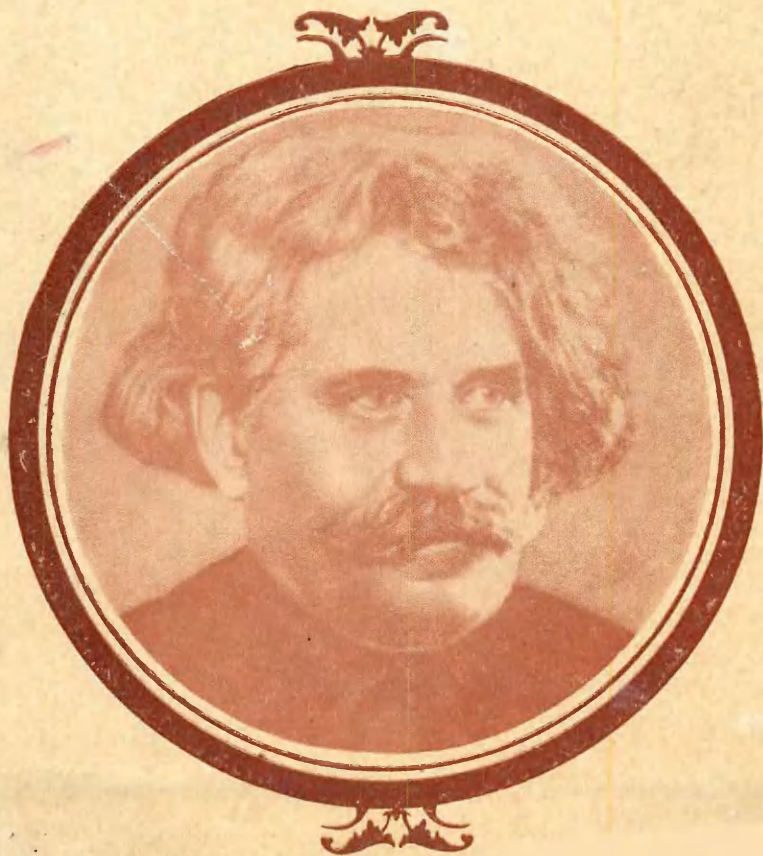


БИБЛИОТЕКА  
«ЛЮБИТЕЛЯМ»  
РОССИЙСКОЙ  
СЛОВЕСНОСТИ



ПЕТР ПЛУКШ  
С. Н. СЕРГЕЕВ-  
ЦЕНСКИЙ —  
ПИСАТЕЛЬ,  
ЧЕЛОВЕК



С. Н. СЕРГЕЕВ -  
ЦЕНСКИЙ -  
ПИСАТЕЛЬ.  
ЧЕЛОВЕК



МОСКВА . 1975

**П40** Плуکش П. И.  
Сергеев-Ценский — писатель, человек. М.,  
«Современник», 1975.  
237 с.

О жизни и творчестве старейшего советского писателя С. Н. Сергеева-Ценского, автора фундаментальных эпосов «Севастопольская страда» и «Преображение России», написано мало. А между тем многочисленные произведения писателя дают интересный материал для обстоятельного разговора о нем.

Книга литературного критика Петра Плуक्षा в значительной степени восполняет этот пробел. Написанная живым языком, с привлечением малоизвестных и неизвестных архивных материалов, она, мы уверены, заинтересует самого широкого читателя.

П 70202—174 БЗ—41—14—75  
М106(03)—75

8P2

## ВВЕДЕНИЕ

Творческая деятельность выдающегося русского писателя Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958) началась на рубеже двух столетий и проходила в период величайших социальных преобразований. Сложность и противоречивость этого времени не могли не отразиться на мировоззрении и творчестве С. Н. Сергеева-Ценского, который за свою долгую жизнь прошел вместе со страной, вместе с народом трудный и сложный путь.

Алексей Максимович Горький, всегда высоко ценивший творчество С. Н. Сергеева-Ценского, однажды отметил: «Литературная карьера Сергеева-Ценского была одной из труднейших карьер. В сущности таковой она остается и до сего дня». И хотя эти слова были написаны в 1927 году, они и до настоящего времени в какой-то мере остаются справедливыми. Творчество этого выдающегося мастера художественного слова, замечательного русского и советского

писателя до сих пор не получило еще должной оценки и признания в трудах наших исследователей и критиков, хотя его произведения широко известны и любимы многомиллионным советским, а также и зарубежным читателем.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский был старейшим среди советских литераторов писателем-реалистом, писателем-демократом. Он начал свой творческий путь в русле главного направления русской литературы — критического реализма, а к середине 30-х годов XX века уже прочно стал на позиции социалистического реализма и создал ряд выдающихся произведений.

Рассматривая творческую эволюцию писателя, следует на основании конкретных фактов и материалов биографии и творчества Сергеева-Ценского решительно отвергнуть утверждение дореволюционных и некоторых советских критиков 20-х—30-х годов о декадентстве Сергеева-Ценского, о его

творческом развитии от декадентства к реализму.

Конечно, Сергеев-Ценский, как и многие крупнейшие писатели, как человек ищущего, пытливого ума и искреннего чувства, не избежал ошибок и заблуждений как в своем мировоззрении, так и в творчестве. Но основная линия его творчества — верность действительности, верность реалистическому методу — оставалась неизменной на протяжении всей его долгой жизни.

С. Н. Сергеев-Ценский первыми же своими произведениями, опубликованными в конце XIX века, показал, что он стоит на реалистических позициях и ведущими в его творчестве являются социальные темы. В своих дореволюционных рассказах и повестях писатель нарисовал яркие картины тогдашней жизни и быта, проникнутые жалостью и любовью к угнетенному человеку, обличающие темные стороны самодержавно-буржуазной действительности, эксплуататорский общественный строй, и подводил читателей к осознанию необходимости изменения этой действительности.

Буржуазная критика замалчивала острую социальную направленность творчества Сергеева-Ценского и, создавая легенду о нем, как о писателе-декаденте, приводила в качестве примера лишь несколько неудачных произведений Ценского (рассказ «Береговое», отдельные главы из романа «Бабаев»), в которых писатель отдал дань общему поветрию, охватив-

шему русскую литературу в период реакции после поражения революции 1905—1907 годов. Но С. Н. Сергеев-Ценский верил в грядущие социальные перемены, и эта вера определяла и направляла идейные искания писателя. «Судьба писателя неотделима от судьбы народной», — подчеркивал Сергеев-Ценский.

Пользуясь марксистско-ленинским методом освещения исторических событий, Сергеев-Ценский создал после Октябрьской социалистической революции всемирно известные эпопеи «Севастопольская страда» и «Преображение России», в которых показал решающую роль народных масс в поворотные периоды истории родины.

Академики М. Шолохов, В. Виноградов, народный художник СССР Н. Томский и другие известные деятели советской культуры писали в начале 1960 года: «Эпопея «Преображение России» ... является одним из выдающихся произведений русской советской литературы XX века. Эпопея поражает как грандиозностью замысла, глубиной идейного содержания, так и художественным мастерством. В ней писатель правдиво и ярко нарисовал эпохальную картину жизни нашего народа в первую четверть XX века, показал исторические события, резко повлиявшие на судьбу России: три войны и три революции. Художник-богатырь написал гигантское полотно о том, как волею революционных народных масс, руководимых партией коммунистов и великим Лениным, была

преображена Россия монархическая в Россию социалистическую».

Противоречивый и сложный творческий путь С. Н. Сергеева-Ценского показывает, что писатель, кровно связанный с народом, советской действительностью, неизбежно приходит к социалистическому реализму — методу, который дает художнику подлинную свободу творчества и возможность осуществления самых грандиозных замыслов.

Все мысли и стремления старейшего русского писателя постоянно были направлены к любимой родине, народу. За несколько дней до смерти Сергеев-Ценский писал в статье «Жизнь писателя должна быть подвигом»: «С балкона моего дома я часто люблюсь полетом горного орла, устремляющего свой путь прямо к солнцу... Я думаю, что писатель своим мысленным взором всегда должен ви-

деть свое солнце. Это солнце каждого из нас — Родина, Советская Россия!»

В этой книге, созданной к столетию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского, читатель-любитель российской словесности найдет творческий портрет писателя. Факты биографии Сергеева-Ценского тесно связываются с его творчеством и объясняют многие его особенности. Читатель увидит, что жизнь писателя определялась двумя главными мотивами: любовью к Родине, народу и непрерывным литературным трудом. Вне этого писатель-патриот не мыслил себя как художника слова. Этими своими чертами он привлекает симпатии и любовь читателей и входит в наше сердце и сознание как «могучий русский талант», — слова М. А. Шолохова, которые хорошо определяют творческое лицо С. Н. Сергеева-Ценского.

## Глава I

# В НАЧАЛЕ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ

Человек — в мечтах... но придет время, и мечты будут делом.

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский родился 18 (30) сентября 1875 года в селе Бабине (Преображенском) Тамбовского уезда и той же губернии, в семье «временного жителя, кандидата в отставке», учителя земской школы Николая Сергеевича Сергеева.

Отец писателя, участник обороны Севастополя 1854—1855 годов, был унтер-офицером нестроевого разряда и вышел в отставку в чине кандидата. Для этого он должен был выслужить в нижнем звании полный срок действительной службы и сдать экзамены по общим предметам по программе младшего класса юнкерского училища, а также по знанию порядка делопроизводства и счетоводства. Согласно ст. 224 «Свода военных постановлений. Кн. VII. Прохождение службы по военному ведомству» (1869), сдавшие экзамены получали право в ожидании производства на классную должность военного чиновника называться кандидатами. Юридически кандидаты относились к категории нижних чинов, но в отличие от них не подвергались телесным наказаниям, а отвечали за свои проступки на основаниях, установленных для офицеров.

Н. С. Сергеев, по-видимому, так и не дождался назначения на должность военного чиновника и вышел в отставку кандидатом с весьма незначительной пенсией. По непроясненным обстоятельствам Николай Сергеевич стал работать учителем земской школы в селе Преображенском, принадлежавшем участнику обороны Севастополя гвардии ротмистру Александру Николаевичу Бабину. По школьному уставу 1828 года право быть учителем в низших учебных

заведениях предоставлялось только лицам, сдавшим установленные экзамены при гимназиях или университетах.

Таким образом, можно считать, что отец Сергея Николаевича был человеком, дважды выдержавшим соответствующие экзамены. Сам Сергеев-Ценский по этому поводу писал: «Мой отец был образован не больше, чем обыкновенный рядовой офицер пятидесятых годов прошлого века, а мать — полуграмотная терская казачка, взятая отцом замуж за красоту. Отец был человек необычайно строгий, мать — женщина исключительной доброты... Как бы бедно мы ни жили, я никогда не слыхал ни от матери, ни от отца *ни одного слова зависти к жившим богато*. Я подчеркиваю это, так как это имело огромное значение в деле моего воспитания. Я всю свою жизнь стремился к приобретению тех или иных знаний, но не к материальному обеспечению»<sup>1</sup>.

В 1880 году семья Сергеевых\* переехала в Тамбов, где отец продолжал преподавать в земской школе. В доме Сергеевых была довольно хорошая библиотека, состоявшая из сочинений классиков русской и мировой литературы, исторических и мемуарных произведений о Севастопольской обороне 1854—1855 годов.

Сергей Николаевич научился читать очень рано — в пятилетнем возрасте, и первыми книгами, которые он прочел, были сочинения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. «Для меня несомненно, — отмечал в 1955 году Сергеев-Ценский, — что именно это соприкосновение мое в раннем детстве с классиками, с четырьмя нашими гениальными поэтами, минуя все посредственное, хотя и более доступное моему пониманию, развило мою любовь к художественному слову, фантазию, понимание формы поэтических произведений.

Никто не руководил мною в этом чтении. Мой отец любил читать книги, но никогда ничего не слыхал я от него о книгах, прочитанных им, и никогда ничего не говорил он мне в объяснение чрезвычайно многого и у Пушкина, и у Лермонтова, мне непонятного»<sup>2</sup>.

Уже в детстве Сергей Николаевич отличался исключительной памятью и знал наизусть много стихотворений

---

\* У Сережи было два брата: старший Николай и младший Илья, но оба умерли рано: Илья от дифтерита, а Николай после окончания гимназии был убит в уезде.



и поэм Пушкина, Лермонтова, басен Крылова, стихов Фета, Тютчева, Полонского. Знакомство с лучшими произведениями русской и мировой литературы, как указывал позднее писатель, развило его прирожденный художественный вкус, и он с семи лет начал писать стихи, рисовать, лепить из глины.

В восемь лет он написал стихотворение «Соловей», которое в 1933 году включил в рассказ «Потерянный дневник» как стихотворение, написанное мальчиком — героем рассказа. Сквозь явную подражательность этого стихотворения проступает умение юного поэта пользоваться рифмой, находить правильные, хотя и не оригинальные эпитеты, создавать художественные образы. Стихи Ценский писал до 16 лет, а в «14—15 лет отваживался писать и поэмы на исторические темы», — указывал он. В статье «Берегите талант» Сергей Николаевич приводит такой эпизод. Одиннадцатилетним он принес на отзыв отцу написанную им повесть. «Отец, не дочитав до конца, бросил тетрадь в печь, пояснив потрясенному автору:

— Ты думал, должно быть, что писать прозой легче, чем стихами? Нет, труднее, в двадцать раз труднее!

— Почему? — прошелестел я.

— Потому, что так, как думал ты, думает всякий, и складно излагать свои копеечные мыслишки могут решительно все, кто учился... Значит, если писать прозой, то надо писать так, как всякий-то не напишет... Не дорос ты еще до прозы, может быть, только через десять лет дойдешь.

— А стихи? — спросил я и ждал, затаив дыхание...

— Стихи пиши!»

Способность к поэтическому творчеству Ценский сохранил на протяжении всей жизни. Были периоды, когда он писал очень много стихов, а в последние годы ежедневно вел «Дневник поэта», в котором несколько тысяч стихотворений на самые различные темы.

В 1884 году Сережа Сергеев поступает в первый класс начального училища при Екатерининском учительском институте в Тамбове. Он был способным, начитанным мальчиком, учение давалось ему легко. В июле 1887 года, когда Сережа окончил трехгодичное начальное училище, отец подал заявление директору Тамбовской гимназии о допущении сына к приемным экзаменам. Заявление показывает, что, несмотря на бедность (к этому времени семья Сергеевых жила в «богоугодном заведении», т. е., видимо, в приюте

для престарелых или в сиротском доме), отец хотел дать сыну хорошее образование. Он писал: «Желаю, чтобы сын мой Сергей... обучался... обоим иностранным языкам, буде окажется достаточные успехи в обязательных для всех предметах...»<sup>3</sup> (В то время требовалось изучение лишь одного нового языка — французского или немецкого.)

Однако неожиданно Сережа Сергеев на вступительном экзамене получил по русскому языку двойку. Таким образом, С. Н. Сергеев-Ценский гимназистом не стал, а учился с 1887 по 1890 год в Тамбовском уездном училище и после его окончания, в августе 1890 года, поступил в подготовительный класс Екатерининского учительского института. Этот институт был открыт в 1870 году земством (местным самоуправлением) на частные пожертвования с целью подготовки учителей для начальных трехклассных училищ.

В «Книге для отметок поведения и успехов воспитанников Екатерининского учительского института за 1890/91 учебный год (по подготовительному классу)» указано, что ученик Сергеев Сергей «окончил курс в уездном училище»<sup>4</sup>. В подготовительном классе он почти по всем предметам имел оценку «5», в том числе по русскому и старославянскому языкам. В 1891 году Сережа Сергеев был переведен в I-й класс учительского института, а затем, в 1892 году, во II-й класс, но 30 июня 1892 года отчислен из института «по семейным обстоятельствам», согласно поданному прошению.

Этими обстоятельствами явилась смерть матери Наталии Ильиничны (по-видимому, в 1891 году), а через год и смерть отца. Об этом писатель говорит очень скупно: «С 16-летнего возраста начал жить самостоятельной жизнью, так как отец, живший в последние годы на небольшую пенсию, умер (в глубокой старости); мать умерла раньше его»<sup>5</sup>.

После смерти отца Сергей остался один, без родственников и без средств к существованию. В связи с этим, а также вследствие того, что окончание Екатерининского учительского института (равно как и учительских семинарий) не давало в дальнейшем права поступления в высшие учебные заведения, Сережа Сергеев в 1892 году покинул Тамбов и уехал в небольшой городок Глухов Черниговской губернии, чтобы держать там конкурсный экзамен для поступления на казенный кошт в Глуховский учительский институт.

Учительские институты, подобные Глуховскому, были учреждены правительством в 1872 году с целью подготовки учителей для городских училищ (с шестилетним сроком учебы). Курс обучения в учительских институтах был трехгодовичным. Число воспитанников в этих закрытых учебных заведениях обычно составляло 75 человек, из них 60 получали полное содержание от министерства просвещения, а 15 — стипендии от других ведомств и разных обществ. С. Н. Сергеев и был в числе этих пятнадцати стипендиатов. («Из двухсот человек было принято только пятнадцать», — отмечал он в автобиографии 1945 года.) Окончившие институт были обязаны прослужить не менее шести лет учителями городских училищ.

Учительский институт в Глухове был одним из лучших в России. Сергеев-Ценский сохранил о нем самые хорошие воспоминания. «Никогда не забуду, — писал Сергей Николаевич, — необыкновенно участливого отношения ко мне со стороны воспитанников института и директора его Александра Васильевича Белявского, поскольку мне тогда не было полных 16 лет, но я все же был допущен к экзаменам, а так как мне совершенно не на что было существовать и перед экзаменами и во время их, то меня просто «зачислили на довольствие» в институте и дали мне койку в интернате, где воспитанники старшего курса очень охотно помогали мне в подготовке к экзаменам. С тех пор прошло свыше 56 лет, но я это помню»<sup>6</sup>.

В институте преподавали знающие, опытные педагоги, многие из которых имели опубликованные научные труды и были авторами учебных пособий. Институт готовил учителей широкого профиля, так как в городских училищах в то время была классная, а не предметная система обучения и один и тот же учитель вел в своем классе почти все предметы. «Только с поступлением в Глухов[ский] уч[ительский] ин[ститут], — отмечал Сергеев-Ценский, — я нашел себя подходящую обстановку, если не в смысле эстетического развития, то в смысле *энциклопедического* образования, которое очень пригодились мне как писателю...»<sup>7</sup> «Там полюбил я также, — указывал он в другом письме, — и умственный труд, и полюбил прочно, на всю жизнь...»

В атмосфере напряженной умственной работы, в окружении серьезных, сложившихся людей — воспитанников института, в большинстве своем из сельских учителей, совершенствовались незаурядные способности С. Н. Сергеева.

В 1895 году он окончил институт одним из первых, с медалью.

В Глуховском учительском институте С. Н. Сергеев познакомился с творчеством М. Горького. «Огромнейшее место в душе моей занимал Алексей Максимович еще до появления его «Челкаша» в 1895 году в «Русском богатстве»<sup>8</sup>, — писал Ценский в день смерти Горького. В статье «Лучший памятник» (1951) Сергей Николаевич более широко раскрыл значение творчества Горького для формирования его как писателя: «Максим Горький... Какою странной показалась мне эта подпись под рассказом с не менее странным заглавием «Челкаш» 57 лет тому назад!

Мне было тогда девятнадцать лет. Перед тем я писал стихи, но мечтал уже о том, чтобы стать прозаиком. Прочитав рассказ, я был ошеломлен и красочностью языка и смелостью замысла и сказал себе и другим — появился новый великий писатель!

Я почувствовал огромное содержание, таящееся в авторе, который только что сказал свое первое поэтическое слово»<sup>9</sup>.

16 августа 1895 года С. Н. Сергеев получил аттестат учителя городского училища, а уже 24 августа поступил для отбытия воинской повинности вольноопределяющимся в 19-й Костромской пехотный полк, расположенный в местечке Батурин Черниговской губернии. Вскоре полк был передислоцирован в Житомир.

С. Н. Сергеев, окончив курс полковой учебной команды, был произведен в унтер-офицеры, после чего в августе 1896 года сдал установленные экзамены на младший офицерский чин прапорщика запаса. 25 августа 1896 года, через год после поступления на военную службу, он был уволен в запас.

С 1 сентября 1896 года С. Н. Сергеев получил назначение на должность учителя русского языка в Каменец-Подольское городское училище. Здесь он сблизился с семьей художника Дмитрия Ананьевича Жудина, который работал учителем рисования в том же училище. Несмотря на то что Д. А. Жудин был старше Сергеева на 18 лет, они быстро подружились; вместе рисовали этюды, мечтали о длительном путешествии, рассуждали об искусстве и литературе. В этой творческой атмосфере С. Н. Сергеев снова стал писать стихи, большинство которых было включено потом в первый сборник его поэтических произведений.

В Каменец-Подольске С. Н. Сергеев пробыл полтора года — до декабря 1897 года — и был вынужден уехать из-за столкновения с администрацией училища в связи с «недопустимыми вольностями» на уроках русского языка. Эти вольности в замороженной реакционными министрами просвещения Д. А. Толстым и И. Д. Деляновым школе, где процветали формализм и сухой грамматический разбор, заключались в том, что С. Н. Сергеев широко применял на уроках русского языка тексты из произведений своих любимых писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева. С точки зрения каменец-подольских беликовых это было уже крамолой.

С. Н. Сергеева переместили в Харьковский учебный округ на должность учителя истории и географии в Купянское уездное училище. На новом месте он не смог подружиться со своими сослуживцами, найти духовно близкого человека, поэтому весь свой досуг молодой учитель отдавал живописи и природе.

В августе 1898 года С. Н. Сергеев ушел в отставку «по болезни». В действительности же он решил продолжить образование и поступил в Харьковский университет вольнослушателем. В тот период университет, как и другие высшие учебные заведения России, был охвачен студенческими волнениями, направленными против реакционного университетского устава 1884 года и репрессий правительства в отношении студенческих землячеств. Это был первый в русском обществе взрыв протеста против реакции 90-х годов.

Но слушателем университета С. Н. Сергеев пробыл недолго. Он не столько посещал лекции, сколько искал работу, чтобы иметь средства существования: давал уроки, чертил планы, писал письма и за все это, работая с утра до ночи, получал гроши. В январе 1899 года университет был закрыт. Все студенты, в том числе и С. Н. Сергеев, были отчислены и получили обратно свои документы через полицейский участок.

Поиски заработка по-прежнему оставались главной заботой будущего писателя. «...Кое-как бился случайной перепиской,— указывал С. Н. Сергеев в письме приятелю,— пока не получил первого литературного гонорара в 16 р. 50 коп. за сказку, напечатанную в детском журнале «Читальня народной школы» за декабрь 98 г. Тут я немного поправился и воспрянул духом, а потом опять по газетным объявлениям

нашел урок в отъезд и снова попал к «господам». Так дотянул до весны, поехал было держать экзамен на аттестат зрелости без древних, но простудился и вместо экзамена попал в больницу»<sup>10</sup>.

В этом письме Сергей Николаевич упоминает свое первое прозаическое произведение — сказку «Коварный журавль», опубликованную в журнале «Читальня народной школы», но не в декабре, а в сентябре — октябре 1898 года (выпуск IX—X).

Выздоровев, С. Н. Сергеев снова возвратился на педагогическое поприще, получив с 1 сентября 1899 года назначение в Спасское городское училище Рязанской губернии. В связи с этим он писал в Каменец Д. А. Жудину: «Скука здесь страшная; общественной жизни, исключая подвигов на зеленом поле, совсем нет. Педагогический совет наш состоит из 9-ти человек, но людей между ними почти нет,— все это кочки, поросшие болотной плесенью и тиной. Тоска, тоска!

Только раз как-то оторвались от большого шлема без козырей и составили любительский спектакль, для которого я писал клеевыми красками декорации»<sup>11</sup>.

Больше года выдержать угнетающую обстановку в Спаске С. Н. Сергеев не смог. С 1 октября 1900 года он стал работать сверхштатным учителем Павлоградского городского училища Одесского учебного округа. В Павлограде С. Н. Сергеев начал систематически заниматься литературным трудом, написал несколько рассказов: «Врет судьба», «Забыл», «Колокольчик», «Конспект истории», которые были опубликованы в центральных журналах — «Русский вестник» и «Русская мысль» в 1902—1903 годах уже с присоединением к фамилии писателя псевдонима «Ценский» (от названия реки Цна в Тамбове, где прошло его детство).

В Павлограде произошло знаменательное для С. Н. Сергеева событие: в сентябре 1901 года на свои средства он выпустил первую книгу — сборник стихотворений «Думы и грезы». В него вошли 53 стихотворения и поэмы, написанные в отроческие и юношеские годы. И хотя к этому времени кроме сказки «Коварный журавль» было опубликовано несколько других прозаических произведений С. Н. Сергеева (рассказы для детей «Счастье Артемыча» и «Лампады жизни», очерк «Кочетовская плотина»), стихотворения сборника «Думы и грезы» были первыми опытами С. Н. Сергеева как художника слова.

Многие стихотворения сборника несамостоятельны: в них чувствуется влияние Лермонтова и Некрасова, но больше всего ощущается подражание весьма популярному во второй половине XIX века поэту С. Я. Надсону, поэзия которого характеризовалась мотивами пессимизма, разочарования, неясно выраженного протеста против социальных условий жизни, сочувствия угнетенным (стихотворения Ценского «Она умерла», «Нет, не мучьте вы бедную душу мою...», «Догорает жизнь, догорает...» и др.).

«Надсон на меня лично в годы моей юности,— писал Сергеев-Ценский в 25 годовщину со дня смерти поэта,— производил огромное впечатление. Под его влиянием я написал тогда очень много стихотворений. Нравилась певучесть его и задушевность. Теперь многое в нем кажется банальным, но это не мешает чистому источнику поэзии — человечности — быть чистым»<sup>12</sup>.

Необходимо подчеркнуть, что подражательность молодого поэта заключалась не во внешней форме стихов, а главным образом в их направленности, тематике. С. Н. Сергеева-Ценского не привлекали поэты, приверженцы «чистого искусства» — Фет, Полонский или ущербная, субъективная лирика Апухтина, Фофанова. Его внимание было всецело направлено на гражданскую поэзию Лермонтова, Некрасова, Надсона. В творчестве последнего, как уже сказано, он находил созвучные своему мировоззрению сомнения, жалобы на судьбу, негодование на преобладание в мире зла и несправедливости, стремление к борьбе с ними и неумение найти конкретные формы этой борьбы.

Довольно верную оценку сборнику «Думы и грезы» дал рецензент журнала «Русская мысль»: «Эти стихи интересны, но не в эстетическом, а в психологическом смысле, не как стихи, а как «человеческий документ»... г. Сергеев... никогда не играет от скуки стихами, излить свое чувство — для него глубокая потребность, а чувства его — не мелкие, не минутные чувства, а из разряда высших, какие во все времена волновали душу человека...»<sup>13</sup>

Поэт угнетен социальной «тьмой могучей», окутавшей все окружающее:

И царит над далью проклятою  
Беспрудно дикая ночь!

(«Зарницы»)

Не принимает он и буржуазной действительности, которая несет людям угнетение, заставляет поклоняться «золотому тельцу»:

Вечный грохот, и стоны, и чад городов,  
 Гимн ужасный тельцу золотому,  
 Миллионы машин, миллионы рабов...  
 Как постичь этот вечный и дикий закон  
 Борьбы всех против всех без пощады,  
 Полюбить погибающих муки и стон  
 И железных цепей надрывающий звон?..  
 (*«Нет, не мучьте вы бедную душу мою...»*)

Поэта привлекают образы богоборцев и протестантов, дерзающих вступить в борьбу с противостоящими им силами. Он высоко ценит «властелина вселенной» — человека, его могучий ум, свободолюбие, творческие способности, но видит, что в действительности пока еще господствуют социальное зло и мещанская проза жизни:

Человек — полубог, властелин над землей,  
 Изменивший природы течение,  
 Приложивший к стихийной работе слепой  
 Свой могучий рычаг — просвещение...  
 Человек — полубог! Но, титан Прометей,  
 Он лежит и окован цепями...

Человек — полубог с непокорным челом.  
 Но проходят века за веками, —  
 Та же тьма впереди, те же стоны кругом,  
 Та же всюду борьба между правдой и злом,  
 И рабы остаются рабами.

(*«Человек — полубог!»*)

Это стихотворение Ценского созвучно горьковскому отношению к Человеку, к его неисчерпаемым способностям и возможностям. Так же как и Горький, молодой Ценский резко выступает против мещанства и его засасывающей пошлости. Борьбе с мещанством посвящены многие стихотворения Ценского.

Поэзию Ценского пронизывает ощущение каких-то грядущих перемен, очистительной грозы, которая развеет «мрак тумана» («Вызов»). В стихотворении «Бури!» поэт призывает к решительному изменению жизни:



Тихо, тихо, как в могиле,  
Летний полдень жгуч и душен,  
Мир вокруг мертвящей силе  
Точно немощный послушен...

Где вы, тучи? Встаньте гневно,  
Заслоните блеск лазури,  
Оборвите сон полдненный  
Свистом ветра, ревом бури!..

Бури, бури, молний, грома!  
Жизни мощной, жизни дикой!  
Чтоб бессильная истома  
Не сковала мир великий!

Это стихотворение показывает, что Ценский не принимал социальную действительность России того времени, жаждал каких-то перемен, но не мог придать своим чувствам и мыслям четкую классовую направленность и революционную остроту, как это сделал Горький в «Песне о Буревестнике» (1901).

В сборнике «Думы и грезы» проявилось и гуманное отношение Сергеева-Ценского к народу. С большой любовью и симпатией он писал в стихотворении «На заре» о своем знакомом — «старом Артемыче» и создал правдивый образ рабочего человека.

Уже в ранних поэтических произведениях Сергеева-Ценского были затронуты основные темы, которые писатель развивал в своем дальнейшем творчестве.

Как уже упоминалось, первым опубликованным произведением Сергеева-Ценского была сказка «Коварный журавль». Обращение его к жанру сказки не было случайным: молодой писатель, только осваивающий технику художественного мастерства, лучше всего мог выразить социальное содержание темы через аллегорические образы. «Самый существенный вопрос этого жанра: в какой мере сказочная канва может соприкасаться с действительностью?»<sup>14</sup>, — писал позднее Ценский.

В сказке «Коварный журавль» на фоне яркого реалистического пейзажа разворачивается драма: жестокий обман и уничтожение страдающей от безводья рыбы (олицетворяющей народ) журавлем — представителем правящего класса. Но в конечном счете торжествует месть: раки справляют пиршество на трупе убитого ими коварного журавля.

В этом же 1898 году было опубликовано стихотворение в прозе «Полубог». Этот рассказ интересен для понимания раннего творчества Ценского, поскольку в нем развивалась

одна из философских тем, которая займет важное место в дальнейшем творчестве писателя. Здесь С. Н. Сергеев поставил тему о величии человека, о гордом человеческом уме и о взаимоотношении человека с действительностью.

«Человек — полубог, — говорили песни, — но придет время, и он будет богом.

Человек — в мечтах — говорили песни, — но придет время, и мечты будут делом...

Весь полный настающим, весь творец будущего, непокорный и всем владеющий, будет стоять человек на побежденной им земле!»

Однако здесь же писатель показал, что на самом деле человек совоем другой, не такой, каким он мог бы быть. Действительность может сломить человека и превратить его в жалкое подобие созданного в мечтах образа властелина вселенной.

Этот рассказ подводил к мысли, что человек должен осуществить свою мечту и на деле стать творцом новой действительности. Идея величия человека здесь резко противостояла декадентским утверждениям о ничтожестве человека, о преобладании в нем низменных инстинктов. В рассказе В. Г. Короленко «Парадокс» (1894) также произносятся высокие слова: «Человек создан для счастья, как птица для полета...», но эти слова говорит безрукий калека-урод. Тем самым Короленко обращает внимание читателя на трагизм и противоречивость жизни. Тот же калека заявляет: «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него». И все же, утверждает писатель, законом жизни является стремление к счастью, что подчеркивается и заключительными словами калеки: «Создан для счастья. Да, создан для счастья, как птица для полета». Мысль о назначении и величии человека волновала и маститого писателя Короленко и только вступающего на литературную стезю Сергеева-Ценского.

В 1899 году в газете «Тамбовские губернские ведомости» (№ 71 и 73 от 6 и 10 июля) был опубликован рассказ «Кочетовская плотина (Из недавнего прошлого)». В нем С. Н. Сергеев обратил внимание читателей на тяжелое положение крестьян в условиях самодержавной России, на их невежество и забитость. В «забытой богом и людьми Кочетовке» вспыхнула эпидемия дизентерии из-за совершенно непригодной воды в колодцах. Построенную по приказанию врача плотину на ручье неподалеку от деревни кочетовцы



*С. Н. Сергеев — учитель (1902).*

разрушают, так как возле нее утонул пьяный крестьянин Кузьма Чехвостый. «Сколько поколений сменилось в Кочетовке, а никто никогда не слыхивал о такой смерти. Всячески переселялись в селения праведных кочетовцы. Десятками и сотнями уносили их различные эпидемии: и тиф, и дифтерит, и холера, и оспа; нередко замерзали они во время зимних вьюгов и морозов; попадались иногда и волкам на съедение; горели сплошь да рядом вместе со своими избенками во время неизбежных летних пожаров; убивались иногда на кулачных боях на масляницу; допивались зачастую до карачуна; наконец, помирали спокойно — и у себя дома, и в больницах, от болезней, при которых всю-

ду ломило, всюду стреляло и везде подкатывало». Рассказ, рисующий крестьян как жертв социального строя, был первым подступом писателя к большой теме крестьянской жизни, которую он позднее широко осветит в ряде повестей и рассказов. Обращению С. Н. Сергеева к крестьянской теме содействовали волнения в деревне.

В начале 900-х годов под влиянием рабочего движения — политических стачек и демонстраций в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и других промышленных городах — широкий размах приняло и крестьянское движение. С конца 1901 года в Полтавской и Харьковской губерниях недовольство крестьян, усиленное неурожаем и голодом, вылилось в открытые выступления, сопровождавшиеся поджогом помещичьих имений, самовольным захватом хлеба и сена, рубкой леса. В марте 1902 года в ряде уездов этих губерний вспыхнуло восстание, охватившее 165 селений, на подавление которого были вызваны войска. Сергеев-Ценский в это

время находился в Павлограде, вблизи развивавшихся событий, и они не могли не произвести на него сильного впечатления.

С. Н. Сергеев работал учителем физики в Павлограде до лета 1902 года. Он мечтал выйти в отставку и переехать на жительство в Москву. Однако отсутствие средств не позволило осуществить этот замысел. Сергеев-Ценский смог лишь перейти на должность учителя математики в Павлов Посад под Москвой.

Живая манера преподавания Сергея Николаевича, его прогрессивные взгляды, широкое использование на уроках произведений русской классической литературы вызывали горячую любовь к нему учащейся молодежи. «Только Сергей Николаевич, — вспоминает бывший ученик Ценского Н. Воронин, — единственный из всего преподавательского персонала, умел так вести свои уроки, что пробуждал неиссякаемый интерес абсолютно у всех учеников. Все школьники с радостным волнением ожидали его урока. И вот начиналась беседа — интересная, будоражащая, с десятками вопросов с той и другой стороны, а пара темных бархатных умных глаз внимательно и пристально приглядывалась к каждому из отвечающих и спрашивающих... Каждый урок обычно заканчивался чтением какого-нибудь рассказа из русских классиков, и, вероятно, именно эти чтения во многих из нас пробудили на всю жизнь глубокий интерес к литературе»<sup>15</sup>.

Передовые методы преподавания, применяемые С. Н. Сергеевым, противостояли формализму и зубрежке, насаждавшимся защитниками официальной школьной политики. Вследствие острого столкновения с инспектором Кирилловым С. Н. Сергеев был вынужден в конце октября 1902 года оставить школу в Павловом Посаде. Этот конфликт позднее он описал в рассказе «Медуза» (1903), а положение и жизнь учителей этого местечка в рассказе «Погост», написанном здесь же, как и рассказ «Счастье».

Оставшиеся до конца учебного года месяцы Сергей Николаевич прослужил учителем русского языка, рисования и математики в городском училище г. Тальсена Рижского учебного округа. Бывшие ученики С. Н. Сергеева — К. Эгле и И. Ансаберг — вспоминают: «Он как учитель... сумел привить любовь к литературе своим воспитанникам... Они учились любить и уважать прогрессивные устремления и здоровое реалистическое искусство не только на уроках,

но и вне уроков, когда молодой учитель руководил их самодеятельностью, например, готовя с учениками спектакль «Ревизор» (на русском языке)<sup>16</sup>.

С сентября 1903 года С. Н. Сергеев снова работает в Павлограде. Здесь он пробыл до середины 1904 года, когда в связи с русско-японской войной как офицер запаса был призван в армию.

К 1904 году С. Н. Сергеев-Ценский был уже известным писателем. Литературную известность принес ему рассказ «Тундра» (1902), опубликованный в первой книжке столичного журнала «Русская мысль» за 1903 год. Журнал имел в тот период либеральное направление, в нем печатались крупнейшие русские писатели-реалисты Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк, Григорович и другие. Это был большой успех начинающего писателя. В этом же журнале были напечатаны и другие его рассказы: «Забыл», «Колокольчик», «Конспект истории», «Счастье», а в журнале «Образование» появились рассказы «Погост», «Медуза».

Тема жизни народа, поставленная в сказке «Коварный журавль» и рассказе «Кочетовская плотина», получает в произведениях Сергеева-Ценского яркую социальную окраску и становится ведущей в его творчестве.

В рассказе «Врет судьба» (1900) новый владелец имения пришел к выводу, что основной, постоянной силой в деревне являются крестьяне, а он — временный, «он, собственник, землевладелец, барин, весь в руках у землепашца, батрака, рабочего... Не он назначает плату, а степень мирской нужды; что земля постепенно закабаляет его, своего владельца, так же, как закабалила и мужика, и что некуда будет вырваться из этой петли».

«Неужели некуда?» — упорно размышляет помещик и в конце концов восклицает: «Врет судьба!»

Но судьба, следовательно, врет, что и настоящему хозяину земли, мужику, навсегда уготовано положение раба земли, раба собственности — таков вывод из этого рассказа.

Сергеев-Ценский нарисовал колоритную фигуру деревенского плотника Василия, вся радость которого, как и других мужиков, в том, чтобы выпить один-два шкалика водки и забыться. Сцена возвращения мужиков с ярмарки написана в некрасовской традиции.

В рассказе «Забыл» (1900) выведен крестьянин Дорофей Иванович. Судьба его трагична. В двадцать лет его женили без любви, так как в хозяйстве нужна была работница. «Он

стал мужиком, вносил подушные, напивался по праздникам и бил жену вожжами. Низко кланялся попу, еще ниже помещику и чуть не в ноги становому приставу». Когда Дорофей возмужал, его выбрали старостой. Он стал зажиточным крестьянином. Но из детей осталась в живых только Стешка, пятеро других умерли от недосмотра.

И вдруг благополучной жизни Дорофея Ивановича пришел конец: в один месяц случилось два несчастья — от тифа умерли жена и дочь, а потом сгорело все имущество, и он остался нищим. Здесь впервые в творчестве Ценского появляется тема случайности, могущества судьбы, рока в жизни человека, которая затем будет развита во многих его произведениях.

Дорофей пошел в батраки к богатому хуторянину Мокею. Он начинает задумываться о сущности жизни, «задавать себе сложные вопросы и пытаться отвечать на них». «Все прошлое казалось ему какой-то сплошной темнотой без проблесков света». В нем постоянно росли зависть и злоба. Пытаясь вырваться из тисков жизни, пьяный Дорофей без заранее обдуманного намерения убил своих хозяев. С тех пор он не может забыть это преступление. Скитания по обителям и монастырям не помогли. И тогда Дорофей озлился: «Это была злость на весь огромный мир, в котором он был темен и одинок, на все святое, у которого он не мог вымолить прощения, на задушенных им жертв, которые не переставали его мучить...» Дорофей попал в лечебницу для психически больных, где через неделю умер от нервной горячки.

Сергеев-Ценский подчеркивает, что не зависящие от воли человека обстоятельства сильнее его попыток как-то устроить свою жизнь. В письме к редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву Ценский писал, что, изображая Дорофея, он «имел перед собой... другую сторону человеческой души: не испуганную и бессильную, а надломленную, пораженную, истрадавшуюся и все-таки... протестующую»<sup>7</sup>. Однако этот протест выразился в стихийных и преступных действиях героя рассказа, что свидетельствовало о крайне нечетком представлении самого писателя о путях борьбы с жестокой социальной действительностью того времени. Рассказ интересен также и тем, что Ценский одним из первых верно заметил расслоение крестьянства, выделение из его среды кулаков. Таков образ хозяина Дорофея бахчевника Мокея Чалого, который «и делом ворочает, и торг ведет, деньгу копит, а ты тут торчи, у него батрачь...».

Рассказ «Конспект истории» (1900) построен на остром драматическом конфликте: жестоком избиении разоренных голодом и нуждой курских мужиков, отправившихся в поисках заработка в причерноморские степи на косовицу, местными жителями — украинцами из села Работай.

Параллельно в рассказе описывается, как учитель гимназии Гальков составляет для учеников конспект по истории. Под вечер он вышел на прогулку с писцом из управы Фадеем Серапионовичем и с увлечением рассказывает ему о далеком прошлом — о духовных запросах римского плебса, который кричал: «Хлеба и зрелищ!» И как антитеза дается современность: кровавое побоище из-за права на работу, на кусок хлеба между курскими и украинскими мужиками.

И вот конец: «Прошел месяц. Курские бабы на последние медные деньги правят по курским мужикам панихиды; работайцы в тюрьме ждут суда и дальнего плавания; старушка ходит... и плачет о взятом «за подстрекательство» Скорпиониче... учитель гимназии по-прежнему пишет конспект истории».

Сергеев-Ценский всем содержанием рассказа заявлял, что совершившееся преступление было вызвано не национальной рознью и не психологией крестьян, их якобы «животными инстинктами», а социальной причиной, условиями жизни крестьян — голодом, нуждой, обездоленностью. Писатель как бы говорил: «Так дальше жить нельзя, нужен новый «конспект истории» и этот «конспект» создает сама жизнь, но не прошлое, хотя бы и повторяющееся через века. У М. Горького в рассказе «Челкаш» (1894) Гаврила жалуется, что он мало заработал на косовице на Кубани: «Косили версту — выкосили грош. Плохи дела-то! Нар-роду — уйма! Голодающий этот самый приплелся, — цену сбили, хоть не берись!..»

Таким образом, нарисованная Ценским картина была типичной для России. В. И. Ленин писал в тот период в статье «Признаки банкротства» (1902): «Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство».

В первые же годы своего творчества Сергеев-Ценский в рассказе «Колокольчик» (1900) обратился и к другой, новой теме, выступившей на арену истории — русскому промышленному пролетариату. Писатель следовал традиции русской литературы, в которой тема рабочего класса стала с 80-х годов XIX века одной из главных. В 90-х годах прошлого столетия эту тему освещали А. П. Чехов («Бабье царство», «Случай из практики»), Л. Н. Толстой (образ Маркела Кондратьева в романе «Воскресение»), А. С. Серафимович («Под землей», «Семишкура» и др.), В. В. Вересаев («Конец Андрея Ивановича», «На повороте»), А. И. Куприн («Мотех») и др.

Рассказ «Колокольчик» свидетельствовал, что Сергеев-Ценский видел поднимающийся рабочий класс, хотя и не тонзилал в полной мере его значения и роли в классовой борьбе.

На небольшой ткацкой фабрике купца Сосалова среди рабочих зреет недовольство и протест против жестокой эксплуатации. Но рабочие еще смутно понимают свое социальное положение, сущность и способы классовой борьбы, поэтому их протест анархичен и наивен: они утопили колокол и без привычного ежедневного звона не вышли на работу. Рабочие выступают стихийно, они не являются организованной силой. Симпатии автора всецело на их стороне. Главный герой рассказа Васька Калякин, срезавший и утопивший колокол, во многом сходен с наборщиком Николкой Гвоздевым из рассказа Горького «Озорник» (1897).

Острая социальная направленность произведений Сергеева-Ценского была сразу же отмечена критикой. Один из рецензентов писал: «Нам уже доводилось обращать внимание читателя на маленькие рассказы этого нового автора. Они не блещут особой красотой и изяществом, но всегда умны и содержательны, всегда обнаруживают умелый и для всех интересный выбор темы»<sup>19</sup>.

Реалистические рассказы Ценского 1900 года написаны в основном в одной художественной манере: автор как бы со стороны наблюдает события и спокойно, без выражения своего личного отношения к изображаемому излагает их ход и развитие. Уже в первых произведениях Сергеев-Ценский показал себя талантливым пейзажистом, его великолепное мастерство пейзажных зарисовок в полной мере проявится позднее, в середине 10-х годов, но и сейчас любовь Ценского к русской природе, прекрасное знание всего живо-



го и растущего одушевляют его палитру, делают картины природы в его произведениях близкими и родными для каждого читателя. Пейзаж играет в ранних рассказах Ценского пока служебную роль: он подчеркивает, оттеняет обстановку действия, усиливая те настроения и чувства, которые в данный момент переживают герои.

Заявил себя Сергеев-Ценский и как мастер живописного портрета, способный несколькими фразами нарисовать яркий, надолго запоминающийся образ человека.

В последующих произведениях Ценского выступает еще одна из основных тем его творчества — обличение пошлости и засасывающей силы многоликого русского мещанства. Ценский как бы перекликается с А. М. Горьким, но решает эту тему по-своему, находя новые оттенки и изобразительные средства. В рассказах «Тундра» (1902), «Скука» (1903), «Бред» (1904), «Уголок» (1905) Ценский разоблачает жестокость обывательщины, ее губительное влияние на человеческую личность, жаждущую счастья, свободы и полезного дела.

В рассказе «Тундра» Ценский показал несчастную судьбу маленькой швеи, попытка которой получить хоть небольшую долю личного счастья, любви привела к трагическому концу. В глазах студента, от имени которого ведется повествование, эта жестокая мещанская действительность царской России ассоциируется с образом тундры. «И мне почудилось вдруг, что среди этих домов, и толпы, и шума я в тундре, в холодной, ледящей, огромной тундре, похожей на гроб, обитый газетом».

В мещанском мире человек страшно одинок, он «не умеет и боится быть счастливым», а за кратковременное счастье расплачивается жизнью. И студента мучает вопрос: «За что ее убили?» Он, как и автор, не может найти ответа, но думает и верит: «Выход есть, далеко где-то, но есть», каждый человек имеет право на лучшую жизнь, на «чистое высокое небо, горячее солнце». И эти мысли, и эта вера в будущее были отличительной чертой русской демократической литературы, они противостояли декадентскому пессимизму и неверию в жизнь.

В рассказе «Тундра» Сергеев-Ценский использует уже разнообразные художественные средства для воплощения темы. Душевное состояние швеи писатель передает посредством портретной характеристики, он не вникает в ее внутренний мир, а описывает лишь выражение лица, глаз в различ-

ные моменты ее жизни. Но автор подробно раскрывает внутренний мир рассказчика — студента, его чувства и мысли, возникающие в связи с наблюдаемыми перипетиями жизненной драмы. Язык рассказа сочный, диалог энергичный, эпитеты точны и реалистичны. Интересно отметить, что писатель, как правило, употребляет двойные эпитеты, усиливая и подчеркивая тем самым обстановку мещанской жизни: темный узкий коридор, пела монотонно и грустно, тихий опасливый шепот, худыми тонкими руками и т. д. Когда же автор изображает самих тупых и самодовольных мещан, он даже утраивает эпитеты: приказчик «был здоровый, красный, уверенный в себе малый», его жена, избившая швею, — «плотная, огромная, разъяренная», «согнувшаяся, массивная, широкая душила ее и давила в грудь коленями» и т. д. Это произведение не осталось незамеченным. «Небольшой мой рассказ «Тундра» сделал меня известным среди литераторов, — писал Сергеев-Ценский, — и я стал получать письма от других журналов с просьбой присылать свои рассказы».

Яркую обличающую картину мещанского городка Сомова (так напоминающего «Городок Окуров» (1909) Горького) нарисовал Сергеев-Ценский в рассказе «Скука». В этом городе жители «от скуки пили, от скуки ругались, от скуки сплетничали... В особенно сильные приливы скуки они ловили крыс и всенародно поджигали их, облитых керосином...». «Особенностью Сомова было обилие в нем дураков и дур».

В затхлом мещанском мире выросла протестующая героиня — швея Лиза Виноградова, дочь мельничного рабочего. Она довольно образованна и начитанна, стремится к яркой и красивой жизни, а ей уготовано быть женой лавочника, глупого малого. И хотя Лиза отказывается выйти за него замуж, она знает, что рано или поздно это произойдет: «Пока ее не продали, но еще успеют продать».

Лиза ищет сильных, красивых людей, но встречает только краснобаев, пошляков, пьяниц, трусов, которые лишь стремятся овладеть ее телом, не понимая и не желая понять душу Лизы. И в губернском городе, куда переехала Лиза, ее также гнетет одиночество; здесь есть люди, но нет человека. Здесь «дома были высокие, огромные, а люди незаметные, частые и маленькие... один жил для другого только в момент встречи на улице, и в каждом человеке другой человек занимал слишком мало места».

Страх одиночества и чувство протеста против мещанского мира толкают Лизу на бульвары. «Тошнрые!.. Страшные!.. Поганые!..» — кричит она в бессильной ярости в лицо представителям буржуазного мира. Ценский показал проституцию как социальное зло, порождаемое условиями жизни. Такой же абстрактно-гуманный подход к этой теме мы находим и у других писателей того времени. Так, в рассказе Е. Чирикова «Именинница» проститутка Клара с тоской спрашивает у «порядочных»: «Что вы со мной сделали? Что вы сделали со мной?» — и не получает ответа.

И в этом рассказе Ценского жалкому человеческому обществу писатель противопоставляет светлый, ликующий мир природы: «За Сомовым в двух-трех верстах на мелкой речке Кочере рос дубовый лесок. Хорошо в нем было весной, в начале мая, когда разворачивались курчавые пахучие листья, а из земли дружно вылезали на свет желтые жабники, синие подснежники, крокусы, дикие тюльпаны.

Воздуха тогда не было в лесу, — был аромат, тонкий, опьяняющий и теплый, и в этом аромате тонули, тихо дрожа, мшистые деревья.

Зеленые ветки радостно смеялись, любясь солнцем, и от их смеха шел светлый, мягкий, ликующий шум, и вместе с ним смеялись повсюду зяблики звонкими, переливчатыми трелями; точно старенькие старушки, умиленно пришептывали в кустах пеночки, малиновки и славки, а дрозды на сухих верхушках чокали раскатисто и восторженно, захлебываясь и волнуясь, будто хлопали в ладоши».

В этой короткой зарисовке ярко выражены характерные черты мастерства Ценского-пейзажиста как писателя-реалиста, необычайно чувствительного к малейшим переливам и игре света и тени, изменчивости цветовой гаммы, тонко воспринимающего звуки и запахи природы, в которую он влюблен и которую хорошо понимает и ощущает. Но здесь уже проявилась и другая особенность художественной палитры Ценского: перегруженность описаний деталями. Мы одновременно встречаемся чуть ли не с половиной пернатого царства средней полосы России: тут и зяблики, и пеночки, и малиновки, и славки, и дрозды, и каждая из птиц наделена своими яркими особенностями. В дальнейшем «густота» письма Сергеева-Ценского еще более усилится. И. Е. Репин писал ему, что он читает его книгу по нескольку страниц в день: «Ведь я художник, а у вас там на каждой странице столько напихано образов, что я ведь должен же

их все представить, а не скакать через них поскорее к концу...»<sup>20</sup>

В рассказе «Бред» Ценский развил вечную для буржуазного общества тему: брак по расчету и пренебрежение искренним чувством никогда не приносит счастья. Член суда Лаврентий Лукич только во время болезни понял, что вся его жизнь пропала из-за женитьбы на богатой купчихе, что он погряз в окружающей мещанской среде. Но он находит в себе силы хотя бы на короткое время стать снова человеком и, бросив все, уйти вслед за видящимся ему в бреду образом любимой девушки. По поводу этого рассказа Ценский писал Миролюбову: «...герой моего «Бреда» — воплощенный, хотя и запоздалый протест против целого уклада сытой и тупой жизни». В этом рассказе поднята тема, уже разработанная Л. Н. Толстым в рассказе «Смерть Ивана Ильича».

Много внимания уделил Ценский в своем раннем творчестве уездной интеллигенции, которую хорошо знал. В рассказах «Погост» (1902) и «Медуза» (1903) автор раскрывает тлетворное влияние мещанской среды и охранителей официальной школьной политики, которые, гася порывы и передовые стремления учителей, превращают их в обывателей и приспособленцев. «Жалкая, убогая жизнь, и несчастными людьми были тогда педагоги», — говорил писатель.

«Погост» относится к числу лучших рассказов Ценского. Шестнадцать лет прожили в Никольском Посаде три учительницы и два учителя, и все шестнадцать лет по вечерам они сходились на погосте, ставшем для них своеобразным клубом. В первые годы они, молодые, горячо спорили о значении искусства, о театре, пели, злились на тупость обывателей и ядовито критиковали их, возмущались грубостью и невежеством директора народных училищ — бывшего исправника и инспектора — бывшего чиновника пробирной палаты.

Прежде они рвались куда-то из Никольского Посада, а теперь осели, и у них остались только мечты. Но «мечтали уже робко, больше инстинктом, чем сознанием; учителя мечтали перейти на больший оклад в фабричные школы, учительницы — в управление железной дороги, в город».

Недолгое оживление в их жизнь внесла поездка на курсы. Но возвратившись, они поняли, что это было лишь светлым эпизодом в их жизни. И на вопрос: «А отчего у нас у всех жизнь такая треугольная?» (как нелепая треугольная

комнатка у одной учительницы) — «никто ничего не ответил». Не дал здесь ответа и сам автор, но зато в рассказе «Медуза» он показал ту силу, которая губила все прогрессивное и живое.

Сорокапятилетний инспектор городского училища Кириллин, по прозвищу «Медуза», рутинер, интриган и доносчик, крайне боится какого-либо проблеска живой мысли и отступления от официального учебника в преподавании учебных предметов, которые допускают молодые учителя Данков и Воронцов. Земская больница хотела подарить школе скелет для занятий по анатомии, но Медуза отказался («это грешно и безнравственно»). Он заведует библиотекой, но книг ученикам не выдает («рано им набираться всяких мыслей»). Запуганные придирками и наказаниями, ученики в школе ходят на цыпочках и на переменах говорят шепотом.

Медуза хитер и ловок: он поколебал отрицательное отношение Воронцова к себе, заявив, что поступает так в соответствии со своими убеждениями; учителя Горохова, у которого больна жена, привлек обещанием устроить безвозмездное денежное пособие. И только Данков, в образе которого Ценский изобразил себя (и описал действительный случай своего столкновения с инспектором Павлово-Посадского городского училища Кирилловым), остается непреклонным. «Вы сидите здесь и... давите всех собою, как стопудовый пресс!.. Жить мешааете! — говорит Данков Медузе. — Всякое святое слово из вас выходит оплеванным, изжеванным и мерзким!.. Вы не в свое время живете, вы — анахронизм, историческая ошибка природы и *социального строя!*» (курсив мой. — П. П.)

Медуза пишет анонимный донос о «вредном образе мыслей учителей», и Данков вынужден уйти из школы. «Слава богу, — говорит в тот же вечер Медуза жене. — Одного выжил... Этот мерзавец Данков выходит-таки в отставку. Теперь будет тихо».

Чтобы было тихо! — вот желание Медузы и всего самодержавного строя, порождением которого Медуза является. Медуза — это дальнейшее развитие образа учителя Беликова (из рассказа «Человек в футляре» (1898) Чехова), но в отличие от Чехова Ценский точно раскрывает социальное лицо защитника официальной формулы: «православие, самодержавие, народность». В этом большая заслуга Сергеева-Ценского.

Яркий образ лицемера и ханжи Медузы как бы открыва-

ет паноптикум подобных типов: учителя-доносчика Наседкина («Мирное житие» (1904) А. Куприна), Передонова («Мелкий бес» (1907) Ф. Сологуба), Глечика («Самсон Глечик» (1914) К. Тренева), которые исчезли из жизни только с падением того социального строя, порождением которого они являлись.

В творчестве Сергеева-Ценского начала 900-х годов впервые проявляются тенденции, которые в последующем приведут к снижению реализма в ряде его произведений. В рассказах «Счастье» (1902), «Дифтерит» (1904) писатель, оставаясь на позициях критического реализма, разрабатывает темы не в области социальных отношений, а в чисто моральном плане, в сфере так называемых вечных вопросов. Он неоднократно возвращается к проблеме случайности в жизни, случайности, которая чаще всего нелепа и беспричинна, однако разрушает человеческое счастье.

У Фомы, старого лесника и рыбака, и его жены Федосьи — здоровых, жизнерадостных людей — растет сын (пасынок Фомы) Никишка, всегда чем-то болеющий, хилый, нелюдимый, думающий только о себе и своей болезни. «Умру я скоро!» — постоянно повторяет он и размышляет: «Отчего же одному дано много, а другому ничего?»

И вдруг случайно тонут в реке мать, отчим, сестра и ее жених, а Никишка остается в живых, «один с огромной, непосильной для него задачей: почему погибли такие здоровые, как отчим с матерью, такие цветущие, как сестра с женихом, а он, никому и ни на что не нужный, давно обреченный на смерть, остался?». Этот вопрос мучит и самого автора, и он дает ответ в абстрактно-моральном плане: борьба Никишки за свою жизнь и очищающее страдание дали ему право на жизнь; кроме того, судьба (или случай) подарила ему 37 рублей 20 копеек, оставшихся от родителей, чтобы Никишка мог доехать до Ялты, где его якобы ждет исцеление от болезни.

Ценский отступил в рассказе от развития сюжета в социальном плане. Вначале он показал тяжелую жизнь крестьян, подчеркнув, что Фома и его жена за целый день тяжелого труда получают за пойманную рыбу лишь копейки, которые заплатит им игумен монастыря. Но затем, отойдя от реального объяснения причинности событий, Ценский свел все случившееся к проявлению злого рока, судьбы. «Они все хотели жить, но над ними нависло это тяжелое и вдавило их в воду. Он (Никишка. — П. П.) чувствовал, как

давно висит оно и над ним и все давит, не давая опомниться, и все ближе пригибает к земле».

Вопрос о причинной связи явлений более глубоко поставлен в рассказе «Дифтерит». Модест Гаврилович, герой рассказа, по образованию агроном, сначала арендовал имение, потом стал помещиком, разбогатев на поставке сахарной свеклы заводам. У него жена и двое малолетних детей; большое состояние обеспечивает им безмятежную, благополучную жизнь. Но счастье иллюзорно, человек фатально зависит от судьбы. Модест Гаврилович реалист: «Не должно быть ни судьбы, ни случая, — никакой этой ерунды не должно быть — все должно быть ясно! Есть следствие — значит, должна быть причина, и больше ничего...»

Однако случайность разрушает его счастье: от дифтерита сначала умирает один сын (в местной больнице была противодифтеритная сыворотка только для одного ребенка), а затем за границей и второй, а жена сходит с ума. Приобретательство Модеста Гавриловича потерпело крах. «Все умерли... все с ума сошли!.. Целую жизнь для того и работал, чтобы все умерли», — кричит он в иступлении. И в душу этого реалиста закрался страх «перед чем-то большим и все-ильным, имя которому на человеческом языке — «Жестокость»».

Сергеев-Ценский правдиво показал неумную энергию, страсть к наживе Модеста Гавриловича — представителя класса буржуазии, идущего на смену классу помещиков и старым методам эксплуатации. Однако отношение эксплуататора к мужику осталось прежним: «Ненавижу я их, откровенно говоря, всей душой ненавижу!» — заявляет Модест Гаврилович. Но Сергеев-Ценский подчеркнул также, что и ненависть крестьян к угнетателям осталась прежней: они травили поля Модеста Гавриловича, рубили лес, устраивали стачки перед полевыми работами, поджигали хлеб в поле и сено на лугах, крали лошадей, портили машины. Их не обманывали его слова об общественных сбережениях, о взаимопомощи в обработке земли и т. п. Ранее Ценского Н. Гарин-Михайловский в очерках «Несколько лет в деревне» (1892) также отметил, что крестьяне с огромным недоверием и сопротивлением встречали любые «реформы», предлагаемые помещикам в их пользу. Таким же осталось их отношение к ним и через десять лет, что так же, как и Ценский, утверждал Е. Чириков в пьесе «Мужики» (1906). В своем рассказе Ценский снова подчеркивает расслоение деревни, выделение

из массы крестьян кулаков, развенчивает воспетую народниками деревенскую общину, жестокий «мир».

Таким образом, правильно поставив вопрос о конечном крахе накопительства, частнособственнической психологии, Ценский затем опять ушел из области социальных отношений и причин в фаталистическую зависимость человека от судьбы. Правда, следует отметить, что в литературе конца XIX — начала XX века эта мысль о всеилии злого рока получила довольно широкое распространение. В рассказе Тимковского «Стена» Артамон Суслов заявляет: «Нами управляет случай, берет в свои лапы и бросает, как комки грязи». У Л. Андреева в пьесе «Жизнь человека» неумолимо властвует над человеком «Некто в сером». «Ты предал меня коварной судьбе!» — восклицает Пьеро в «Балаганчике» Блока. Даже у Чехова Ольга («Три сестры») заявляет: «Все происходит не так, как мы хотим, все совершается не по-нашему».

Преувеличение значения случайности и жестокости в жизни приводит Сергеева-Ценского к утверждению, что «нет ни добра, ни зла, есть только факты» («Маска», 1904). Таким фактом является враждебность людей друг другу в буржуазном обществе. «Люди спереди, люди сзади, люди с боков, молчаливый застывший каскад людей, — это был только символ безысходности... так как целую жизнь никуда нельзя уйти от людей...» («Верю», 1903)

Внешний облик людей в этом обществе отвратителен и звероподобен. Вот аптекарь, коротко остриженный, толстый, с выпуклыми челюстями гориллы, следит за публикой, чтобы отгадать, «кто это двое, ночью идя по улице под его окнами, бранили начальство». Соборный псаломщик пытается припомнить, кто не был великим постом на исповеди. «Люди шпионили один за другим, шпионили добровольно целую жизнь и в этом находили смысл и оправдание жизни».

Поэтому студенту Хохлову все человеческие лица кажутся масками, и он хочет определить, сколько в них «человека и куда он спрятан». «Снимите маску!» — кричит пьяный студент, нападая на городского голову на балу-маскараде. И когда его вели в полицейский участок, он утверждает, что человека нет, что его сознательно прячут под маску, потому что он слишком хрупок и нежен для жизни. По фабуле рассказ противоположен рассказу Чехова «Маска» (1884); если у Ценского лицо городского головы купца Чинникова ка-



жется Хохлову маской, то у Чехова под маской скрывается лицо местного миллионера — фабриканта Пятигорова. Но суть их одна и та же: они «отцы города», столпы общества, в их облике четко выделены типичные черты тупости и самодурства.

И в этих рассказах, обладающих большой обличительной силой, Сергеев-Ценский не дает социального анализа причин противоречий личности и общества. С убийственным сарказмом разоблачая человека буржуазного общества, Сергеев-Ценский в то же время не находил выхода из социальных противоречий, так как не знал и не видел людей, объединенных идеей борьбы с самодержавным строем. Но образ поднадзорного студента Хохлова свидетельствовал о поисках Ценским положительного героя эпохи.

Отступление от реализма сказалось и в появлении элементов импрессионизма в творчестве Ценского. Его героям начинает что-то казаться, чудиться, выступают какие-то иррациональные силы, что-то потустороннее: «Все кругом было тихо, точно задумалось, и надо всем висела тайна. Никишке теперь казалось, что он не один, что кругом торчит что-то между столом и печкой, между печкой и потолком, торчит что-то невидимое, тяжелое и мешает жить» («Счастье»); «Дальние углы темнели густо и жутко, точно там притаился кто-то бесплотный, выжидающий...» («Дифтерит»); «От ширины зала потолок казался тяжелым и низким, и Хохлов ясно видел, что в углах его притаилось что-то бескрылое, ползучее, серое и сонно и мутно улыбалось» («Маска») и т. д.

В этих произведениях наряду с простотой и строгим реализмом образов проявляется вычурность стиля — громоздкие фразы, намеренная усложненность эпитетов, надуманные сравнения, вроде следующих: звуки пения «тупо скрипели, как большие пилы лесопильного завода, и вонзались в барабанные перепонки, как кривые гвозди». Вряд ли кто-либо ощущал и может представить, как в его барабанные перепонки вонзаются гвозди, к тому же почему-то кривые. Или: «И звучал сзади его голос, хриплый, задыхающийся... голос человека, у которого кто-то шутя разбил тесный аквариум земного счастья» и т. д.

В журнале «Образование» в начале 1904 года было помещено стихотворение Ценского «Мой стих», в котором писатель правильно охарактеризовал свою гражданскую музу и направление своего творчества:

С судьбою спора,  
В горниле горя,  
В горниле битвы  
Я стих кую!..

В нем много боли,  
Но жажда воли,  
Но крик свободы  
Звучат сильней...

Однако буржуазная критика (З. Гиппиус, Е. Колтоновская, Д. Философов и другие) пыталась представить Сергеева-Ценского писателем-пессимистом, истолковать его недовольство действительностью, буржуазным обществом как отрицание жизни вообще, как глубокое разочарование в ней. На самом же деле Сергеев-Ценский в своих рассказах показывал то, что было необходимо устранить из жизни или преобразовать, он надеялся на изменение действительности в лучшую сторону.

В дальнейшем в произведениях молодого Сергеева-Ценского будет проводиться мысль, что так жить дальше нельзя, что нужно «исправить» эту жизнь, добиться ответа на вопрос: «Отчего же одному дано много, а другому ничего?», нужно сорвать маски с «краснощечких».

В рассказе «Взмах крыльев» (1904) Ценский вывел слесаря с железной дороги, который, спасая свою улицу от бешеной овчарки, был укушен ею. В своем безумном исступлении слесарь как бы становится обличителем социальной несправедливости: во время службы в больничной церкви «он заревел... могучий, неутомимый, протестующий, точно хотел властно обличить сладкоголосую церковную песнь в вековой неправде, властно заявить, что на земле нет мира и благоволения, нет и не было». Констатируя несправедливость социального строя, Сергеев-Ценский не видит реальных сил для борьбы. У него лишь «бешеный» потрясает этот мир и безрезультатно гибнет. И это автору жаль: «хотелось, чтобы снова поднялся он, несокрушимый и дикий, и начал трясти двери», потому что люди, как и привидевшиеся мальчику во сне чайки, «боялись сильного взмаха своих собственных крыльев».

Предложение издать рассказ «Взмах крыльев» отдельно для народа под названием «Бешеный» Ценский горячо одобрил. «Я очень рад, что это пойдет в народ», — писал он.

В ранних произведениях Сергеева-Ценского видна нечеткость социальных позиций писателя, отсутствие твердого понимания причин «свинцовых мерзостей» действительности и незнание путей их устранения. Но эти произведения показывают, что творчество Сергеева-Ценского — писателя-демократа развивалось в русле и традициях критического

реализма, было проникнуто любовью к людям, к народу и верой в будущее. Одно из его стихотворений в прозе так и называется — «Верю!». Рассказчик глядит на маленького сына и думает: «...я смотрю на него и верю, что, когда я умру, он будет жить — не так жить, как прожил я, тускло и слепо, не так жить, как живут около меня тысячи людей, а так, как будут жить будущие люди.

Я смотрю на него и верю: мы были животными — он будет человеком, мы были каторжниками, прикованными к тачкам, — он будет свободен.

Жизни нелепых случайностей и ненужных смертей должен быть конец — я верю... Верю! Верю!»

Вера в лучшее будущее была характерной для многих писателей-демократов. Так, один из героев повести Гусева-Оренбургского «Сказки земли» убежденно заявляет: «Человека еще не было! Человек будет!», что созвучно и словам Сергеева-Ценского, вынесенным в эпиграф этой главы.

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что уже в первых реалистических произведениях Сергеева-Ценского зазвучала тема, которой он посвятил в дальнейшем все свое творчество, — тема необходимости преобразования действительности. «Эта тема, — говорил Сергеев-Ценский, — жила во мне с первых лет моей творческой жизни. Ее укрепила во мне революция 1905 года»<sup>21</sup>.

## Сноски

<sup>1</sup> Неопубликованная автобиография, датированная 11 февраля 1945 г. ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 218, л. 10—10-об.

<sup>2</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 186—187.

<sup>3</sup> Тамбовский областной архив, ф. 107, д. 3, оп. 58, св. 27, л. 109.

<sup>4</sup> Там же, ф. 108, д. 13, оп. 19, св. 12.

<sup>5</sup> Автобиография от 11 февраля 1945 г. ЦГАЛИ, ф. 1161, ед. хр. 218, л. 6-об.

<sup>6</sup> Письмо директору Глуховского учительского института Г. Л. Сапитану от 29 октября 1948 г. В кн.: Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, вклейка между с. 64—65.

<sup>7</sup> Письмо А. В. Прямякову от 16 февраля 1952 г. ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 356, л. 2-об.

<sup>8</sup> «Известия», 20 июня 1936 г.

<sup>9</sup> «Литературная газета», 16 июня 1951 г.

<sup>10</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, с. 752.

<sup>11</sup> Там же, с. 750—751.

<sup>12</sup> «Солнце России», 1912, № 4, с. 15.

<sup>13</sup> «Русская мысль», 1902, № 3, с. 70, 71.

<sup>14</sup> Письмо Н. Я. Шагурина от 10 апреля 1948 г. Альманах «Енисей», 1962, № 1(33), с. 145.

<sup>15</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Воспоминания современников». Тамбов, 1963, с. 58.

<sup>16</sup> «Известия Академии наук Латвийской ССР», 1960, № 5(154), с. 181.

<sup>17</sup> Письмо от 19 января 1902 г. Отдел рукописей библиотеки имени В. И. Ленина, ф. 77, ед. хр. 47, л. 1-об.

<sup>18</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 279.

<sup>19</sup> «Одесские новости», 11 августа 1903 г.

<sup>20</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 79.

<sup>21</sup> «Литературная газета», 1 октября 1955 г.

## Глава II

### 1905 ГОД И ПЕРИОД БЕЗВРЕМЕНЬЯ

Да сколько же еще... вы будете молчать? Вы, колокол миллионнопудовый...

В январе 1904 года началась русско-японская война. С. Н. Сергеев-Ценский как прапорщик запаса вскоре после окончания учебного года в школе был призван в армию и назначен командиром взвода в Очаковский полк, в батальон, который нес охранную службу в губернском городе Херсоне.

Демократические убеждения Сергеева-Ценского и высоко развитое чувство человеческого достоинства сразу обособили его от офицерской среды, противопоставили реакционным армейским офицерам, которые применяли кулачную расправу с солдатами, проводили время в картежных играх и беспробудном пьянстве.

В первый же день прибытия на место службы прапорщик С. Н. Сергеев резко выступил против ротного командира капитана Андреева, отличавшегося зверским обращением с солдатами. Этот эпизод описан в романе «Зауряд-полк», где Андреев выведен под фамилией Абрамова, а сам Ценский — под именем прапорщика Ливенцева.

В роте, где было много призванных из запаса, нельзя было требовать чистоты выполнения ружейных приемов, однако Андреев, замечая малейшие недостатки, тут же бил солдата по лицу. «И так пять человек он «проверил» и всех хлопал по скулам... Наконец, к шестому он, бородатому такому дяде... опять — хлоп! — и даже хряснуло во рту у того, — должно быть, зуб сломал. Вот тут я и взвился, наконец,

как следовало взвиться! «Ка-пи-та-а-ан!.. Солдат не бить!» — закричал я прямо не своим голосом и даже, помню, шашку почему-то наполовину вытащил из ножен.

— Что вы! Да ведь за это вам крепость могли дать! — удивился Моняков.

— Два года крепости — я потом справлялся. Но это расценка мирного времени, а не военного».

По законам военного времени с Ценским могли поступить по-другому. Он пишет об этом: «...В конце 1904 года был перед возможностью расстрела, — меня спасло только то, что я тогда был известным уже писателем, — и я... в «Зауряд-полку» описал этот эпизод, и никто из критиков не обратил на этот эпизод никакого внимания, как будто так именно и полагалось по уставу кричать прапорщику запаса своему ротному командиру при всей роте: «Капитан! Солдат не би-и-ить!»<sup>1</sup>.

Командование полка не стало раздувать инцидент, поскольку суд над известным писателем привлек бы внимание общественности и предал гласности безобразия, творившиеся в царской армии. Поэтому Сергеева-Ценского перевели младшим офицером в запасной батальон в Одессу. Здесь он совершил очередное «преступление»: в отсутствие ротного прочитал солдатам сообщения газет о 9 января, о расстреле мирной рабочей демонстрации у Зимнего дворца, и сделал к этим сообщениям соответствующие пояснения. Падение дисциплины в батальоне приписали «вредному» влиянию С. Н. Сергеева-Ценского, и командир батальона при первой же возможности отправил строптивого офицера с командой пополнения в 51-й пехотный Литовский полк, расположенный в Симферополе. С апреля 1905 года прапорщик С. Н. Сергеев стал командиром взвода этого полка.

В мае 1905 года Сергеев-Ценский отказался выехать с ротой в Мелитополь на усмирение выступлений рабочих. Командир полка, неглупый человек, понял действительную причину отказа и дал Сергееву-Ценскому двухмесячный отпуск для «лечения». В это время он, вероятно, и посетил Алушту, в которой вскоре поселился навсегда.

В связи с ростом революционного движения подразделения 51-го Литовского полка все чаще стали назначать в наряды в помощь полиции. Пришлось участвовать в них и Сергееву-Ценскому. Один из таких нарядов он описал в повести «Пристав Дерябин».

16 октября состоялась первая Всероссийская забастовка.

Царь, напуганный небывалым размахом революционных выступлений народа, 17 октября издал манифест, которым «даровал» населению гражданские свободы, а 18 октября по всей России начались выступления черносотенцев, сопровождавшиеся кровавыми погромами.

В связи с изданием царского манифеста в Симферополе 18 октября произошла многолюдная народная демонстрация и митинг в городском саду. На собравшихся безоружных граждан при подстрекательстве полиции напали черносотенцы. Десятки людей были убиты, более ста ранены, начался грабеж магазинов и квартир. Тогда на улицу в помощь полиции были выведены подразделения 51-го Литовского полка, которые, однако, не получили приказа активно вмешаться и прекратить грабежи и убийства.

С. Н. Сергеев-Ценский, возмущенный всем этим, представил подробные письменные показания в юридическую комиссию Симферопольской городской управы, которая по своей инициативе выясняла обстоятельства погрома. К сожалению, эти показания не сохранились, но в Крымском областном архиве было найдено «Дополнительное заявление» прапорщика С. Н. Сергеева от 1 ноября 1905 года, в котором он указывал на странное поведение властей во время погрома: «Совершалось что-то санкционированное: резвая толпа двигала вперед веселое дело разрушения лавок, а полицмейстер спокойно стоял вдали от шума и созерцал, куря папиросу. Полицейские чины низшего ранга, медленно спеша, суетились для проформы: двигались роты молчаливыми серыми массами и выставляли часовых к разгромленным уже магазинам, дожидаясь, где начнется новый разгром, чтобы и там поставить таких же часовых.

Приказание г. губернатора усилению разгонять толпу и арестовать громил пришло часам к шести вечера, когда стемнело, и нужно сознаться, что оно было неожиданным»<sup>2</sup>.

Сообщения о заявлениях прапорщика Сергеева были опубликованы в местной печати. Это был смелый шаг офицера-писателя, не побоявшегося, вопреки требованиям военного устава, выступить с показаниями, разоблачающими преступные действия царских властей.

Офицеры полка объявили Сергееву-Ценскому бойкот, обвиняя его в принадлежности к партии социалистов-революционеров, на что Ценский ответил: «Нет... я принадлежу к партии просто порядочных людей». В. И. Ленин писал в 1905 году: «Все растет и будет расти число людей, совер-

шенно чуждых всяким «планам» и всяким даже идеям революции, которые *видят, чувствуют* необходимость вооруженной борьбы при виде этих зверств полиции, казаков и черносотенных над безоружными гражданами. Выбора нет, все остальные пути заказаны. Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя, а всякий, кто волнуется, думает, думает, интересуется, *вынуждается* — становится в тот или иной вооруженный лагерь... Революция не признает нейтральных»<sup>3</sup>. Эту мысль В. И. Ленина можно также отнести и к Сергею-Ценскому, который ясно показал, на чьей стороне находятся его симпатии.

Сергею-Ценскому грозила большая неприятность. Командир полка получил два телеграфных запроса: из Главного штаба и от командующего войсками округа. Прапорщик Сергеев был подвергнут домашнему аресту. Как раз в это время Литовский полк был срочно вызван в Севастополь для участия в подавлении восстания на крейсере «Очаков». Ценский остался в Симферополе и не был свидетелем жестокой расправы адмирала Чухнина с матросами мятежного крейсера, которых сожгли вместе с кораблем, а пытавшихся спастись вплавь расстреляли из пулеметов. Эти зверства с большим возмущением и гневом описал А. И. Куприн в очерке «События в Севастополе».

Революционные выступления в армии и флоте отодвинули решение вопроса о прапорщике Сергееве, а затем в связи с окончанием войны с Японией он был уволен в запас. Одновременно Сергеев-Ценский уволился и с должности учителя городского училища. В 1906 году он купил небольшой участок земли на горе близ г. Алушты и построил там свой дом.

С этого времени Сергеев-Ценский всецело занялся художественным творчеством. «На вопрос о своей биографии, — подчеркивал Сергей Николаевич в беседе с писателем В. Д. Пушкиным, — я могу сказать, как Флобер: «Моя жизнь — это история моих литературных работ. Кроме труда над своими книгами, у меня не было жизни».

В октябре 1906 года произошла встреча и знакомство С. Н. Сергеева-Ценского с А. И. Куприным, который приехал в Алушту, чтобы предложить Ценскому выпустить его произведения в издательстве при журнале «Современный мир», который издавала его жена Мария Карловна. Вот описание ее первой встречи с Ценским: «На берегу моря, у подножья горы Кастель, жила в своем громадном имении с великолеп-



ным парком и фонтанами Серафима Владимировна, единственная дочь московского миллионера Спиридонова, вдова моего дяди, Ивана Юльевича Давыдова. Рядом с ее имением стояли дачи профессоров, поэтому это место называли «Профессорским уголком» (ныне «Рабочий уголок»).



*Южная и восточная веранды дома  
(современный вид).*

Куприна дома не было, и я решила навестить Серафиму Владимировну. По пути в «Профессорский уголок» я вспомнила, что в Алуште поселился Сергеев-Ценский. Несколько его рассказов печатались в «Мире божьем», но лично мы знакомы еще не были.

Узнав, что Сергеев-Ценский живет недалеко от «Профессорского уголка», я написала ему записку, в которой сообщала, что мы в Алуште и хотели бы с ним повидаться.

— Тетя, вот он сам идет! — сказал мне мальчик и побегал с запиской к Ценскому.

По улице навстречу шел человек высокого роста, в белой блузе с расстегнутым воротом и копной черных волос. Взяв записку, Ценский круто повернулся и пошел обратно. Я шла за ним.

— Сергей Николаевич! — крикнула я.

Он ускорил шаг, я за ним. Наконец мне это надоело, я села на низкий каменный заборчик и громко крикнула ему вслед:

— Дурак!

Ценский остановился, захохотал и медленно стал приближаться ко мне.

— Почему вы бежали? — спросила я, когда он поравнялся со мной.

— Почувствовал робость перед издательницей толстого журнала.

— Что за глупость. А как вы меня узнали?

— Догадался. Сейчас на набережной познакомился с Александром Ивановичем. Он сказал, что приехал с женой.

Ценский проводил меня до «Профессорского уголка» и просил на следующий день зайти к нему с Александром Ивановичем.

Сергеев-Ценский был холост, жил в недостроенном одноэтажном доме из трех комнат. Две были светлые, а третья, между ними, темная. Здесь висел во всю стену его портрет, написанный маслом...

После осмотра дома он повел нас в сад. Террасы еще не было, и мы вышли прямо на дорожку, посыпанную гравием. Сад был совсем молодой, и угостить нас фруктами из собственного сада хозяин не мог.

Визит был коротким. Общих знакомых у нас не было. Ценский еще ни разу не был в Петербурге. В саду за столом Александр Иванович рассказал о литературных и издательских делах, я пообещала Ценскому издать его рассказы. Прощаясь, просили его — пока мы в Алуште — заходить к нам запросто, и, конечно, будем рады видеть его в Петербурге.

Ценский ни разу к нам на дачу не зашел. Но мы ежедневно встречались на набережной»<sup>4</sup>.

В первой половине ноября 1906 года Сергеев-Ценский отправился в Петербург. Знакомство с Л. Андреевым, Ф. Сологубом, М. Арцыбашевым, С. Скитальцем, К. Чуковским и некоторыми другими писателями и критиками не произвело на Ценского большого впечатления. Позднее он писал: «В Петербурге я пробыл тогда недолго и уехал снова в Алушту. Я не курил, не пил, не играл на биллиарде, не играл в карты, терпеть не мог пивных, ресторанов, кафе-шантанов, — на что же мне была писательская среда того времени? Я убедился, что инстинктивно был прав, не стремясь к знакомству с этой средой, которая ничем по существу не отли-

чалась от офицерской. Разумеется, ни в какие литературные «кружки» я не вошел и никогда входить не думал (должен сказать, что ни в какие политические партии я тоже никогда не входил)<sup>5</sup>.

В конце марта 1907 года Сергеев-Ценский возвратился в Алушту, чтобы в тиши продолжать работу над романом «Бабаев», первые главы которого уже печатались в журналах «Современный мир» и «Образование».

До последнего времени оставалось неизвестным, что Сергеев-Ценский принимал активное участие в процессе над погромщиками, который состоялся в мае 1907 года в симферопольском окружном суде. Найденные материалы показывают, что Сергеев-Ценский был одним из основных свидетелей обвинения. Он подтвердил бездействие войск 18 октября 1905 года и факты преступного поведения полиции, поощрявшей погромщиков\*. Его показания произвели на заседателей и публику большое впечатление. Ценскому грозила расправа черносотенцев, о чем он был предупрежден.

Так в личности и поведении С. Н. Сергеева-Ценского в период революции 1905 года и наступившей затем реакции проявились лучшие черты русского писателя-демократа, гуманиста, приведшие его затем к единению с народом после Октябрьской социалистической революции.

В творчестве Сергеева-Ценского этого периода нашли своеобразное отражение русско-японская война и рост революционных настроений крестьянства накануне революции 1905 года.

В рассказе «Убийство», написанном в феврале 1905 года, протест Сергеева-Ценского против войны был выражен в абстрактно-моральном плане. Поручик Александр Горный убит на фронте. Это был нервный, тонко чувствующий юноша, ненавидевший всякое насилие и смерть. «За что его убили?.. Кто смел его убить?..» — рыдая, спрашивает его сестра. А вокруг «было так хорошо, что не верилось, что где-то далеко друг на друга охотятся и убивают люди... зачем?.. А люди охотились и убивали». Буржуазный пацифизм Ценского сказался здесь в отсутствии конкретных исторических особенностей и примет, присущих русско-японской войне.

Исторически правдиво обрисовал Сергеев-Ценский положение крестьянства накануне 1905 года в повести «Сад»

---

\* Репортерский отчет о процессе дан в газете «Крымский вестник» от 24 мая 1907 года.

(1904). В этом произведении он впервые в своем творчестве создал образ активного протестанта против социального зла — выпускника земледельческого училища Алексея Шевардина.

Шевардин снял на лето фруктовый сад возле села Татьяновки, со всех сторон окруженного лесом. Но эта земля и лес составляли майоратное имение и принадлежали графу, который постоянно жил за границей, а в имение приезжал только изредка — поохотиться и покутить с актрисами.

Майоратом безраздельно управляет немец Аукас. На беспощадной эксплуатации крестьян он нажил большое состояние. «Что хочет, то и делает. Мужики у него — пикнуть не смей... Черкесов объездчиков завел — целый Кавказ. Чуть что... — кинжал в спину — и готово... Полиция вся на графских лошадаках ездит... Все законы, и божеские и человеческие, попирает — цел и невредим...» — рассказывает Шевардину деревенский священник.

С большой силой реализма и глубоким сочувствием изображает Сергеев-Ценский жизнь крестьян, попавших в экономическое рабство к помещику, терпящих произвол и насилие. Он не идеализирует крестьян, а показывает темноту, забитость, нищету крестьян и в то же время их лень и пьянство как следствие тех условий жизни, в которые они поставлены самодержавием.

Долготерпение крестьян возмущает Сергеева-Ценского, и это возмущение он вкладывает в уста своего героя. «Скажи, — спрашивает Шевардин, — откуда взялся этот страшно ленивый и страшно тупой народ, высшее счастье которого быть пьяным? Скажи, почему так легко пошел он в петлю вековой кабалы и смиренно терпит опыты над прочностью своей кожи? Забитый народ, и тупой, и жалкий, но доколе он будет таким?»\*

Здесь у Ценского нет «тенденциозной предвзятости по отношению к крестьянству», как утверждают некоторые исследователи. Это не презрение к народу и не клевета на него, какой были наполнены, например, книга земского начальника И. Родионова «Наше преступление (Не бред, а быль)» или роман С. Фонвизина «В смутные дни», а боль писателя-демократа за муки крестьянства.

Еще Волгин в «Прологе» Н. Г. Чернышевского с мучи-

\* Цитировано по первому изданию. В дальнейшем Сергеев-Ценский исключил эти слова из повести.

тельной душевной болью думает: «...Жалкая нация! — Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы...» Значение этих слов хорошо пояснил В. И. Ленин: «А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было»<sup>6</sup>.

«Вся земля вокруг могла бы быть одним роскошным садом, — пишет Сергеев-Ценский, — могла бы, но этого нет. Нет школ, нет больниц, нет красоты, нет смысла — одно сплошное «нет», вся жизнь — одно живое отрицание, воплощенное в нелепые избы, в хмельной чад, в кусок черного хлеба, из которого можно ковать ядра для пушек». Любопытно, что почти те же слова приводились и в нелегальной листовке ЦК РСДРП от 3 ноября 1905 г.: «Почти непрерывное голодание, нищета, холод и мрак — вот удел многомиллионной голытьбы деревенской, ограбленной царским правительством, эксплуатируемой помещиками и кулаками-односельчанами, разоренной дотла неурожаями и поборами. Нет хлеба, нет топлива, нет одежды...»<sup>7</sup>

Таким образом, нарисованная в повести картина была типична для русской деревни начала XX века. Такими изображали мужика и деревню А. П. Чехов («Мужики», «В овраге»), И. А. Бунин («Деревня», «Ночной разговор»), С. П. Подъячев («Семейное торжество», «Жизнь и смерть», «Забыть»), И. Е. Вольнов («Повесть о днях моей жизни»), В. В. Муйжель («Аренда», «Бабыня жизнь») и некоторые другие писатели. В. И. Ленин отмечал: «Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне...»<sup>8</sup>

С. Н. Сергеев-Ценский, в противоположность иллюзиям народников и утверждениям многих буржуазных писателей тех лет о том, что в деревне нет классовой борьбы и эксплуатации крестьянина кулаком и купцом, показывает расслоение деревни как совершившийся факт. В повести «Сад» выведены представители двух противоположных слоев деревни: зажиточный мужик Илья Дудка, арендующий землю у графа, мельник Будняков — с одной стороны, и с другой — бобыль Леонтий Чичибубин, кузнец Иван Коваль, бедняки

Семен Дранный и Онисим Батрак, фамилии-прозвища которых достаточно ярко характеризуют их социальное лицо.

Главный герой повести Алексей Шевардин такой же бобыль, как и многие крестьяне. Он учился на казенный счет в земледельческом училище. Целыми днями работал в саду, в поле, в машинном сарае, к урокам готовился ночью, спал без одеяла и купался до первого льда. «Добытчик!.. Хлебороб!» — любовно говорил о нем сторож дед Никита.

И вот в Татьяновке Шевардин увидел, что огромные массивы плодороднейшей земли пустуют, принадлежат неизвестно почему одному человеку, бесполезно прожигаящему жизнь, а сотни неимущих крестьян, способных своим трудом оплодотворить эту землю, лишены ее, живут в страшной нищете и убожестве, терпят притеснения и издевательства. «Да сколько же еще — сто лет, тысячу лет — вы будете молчать? — восклицает Шевардин. — Вы — колокол миллионнопудовый! Каким рычагом можно раскатать и хватить в борта вашим языком так, чтоб дрогнул воздух?..»

Таким рычагом, дающим первоначальный толчок этому застывшему миру, думает стать сам Шевардин. Он решает застрелить владельца майората, в котором слилось для Шевардина все зло и все беззаконие эксплуататорского строя. Но в осуществлении этого замысла Шевардин одинок. «Он вспомнил всех, кто был ему близок, вспомнил и деда Никиту, который называл его «мериканцем», и опять почувствовал, что около него пусто, что он сам за себя и один. И сознание этого одиночества его подымало и ширило».

И когда на следующий день после убийства графа жандармы вели Шевардина в город, в тюрьму, на него вышло смотреть все село. Лица крестьян были оживлены, но выражали лишь одно любопытство. «От дождя горизонт сделался смутен и узок; реяли плоские крыши, чернели трубы, дымились деревья; желтели кругом человеческие лица.

Шевардин двигался по скользкой дороге, опустошенный и спокойный; загадкой казалось ему, что было впереди, сказкой, что было сзади, сном, что было около».

Сергеев-Ценский показал безрезультатность индивидуального террора. «Анархизм, — писал В. И. Ленин, — порождение отчаяния. Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария»<sup>9</sup>. И пример Шевардина хорошо подтверждает это.

Таким образом, Сергеев-Ценский, признавая необходимость борьбы с бесправием и эксплуатацией крестьян (в чем

большая заслуга писателя), в то же время не видел и не знал действительных путей и средств борьбы. В этом сказалась его ограниченность как представителя буржуазной интеллигенции. Ценский не понимал и не мог тогда оценить роль растущего рабочего класса России, который и был «рычагом», способным раскатать «миллионнопудовый колокол» русского крестьянства. В противоположность Сергееву-Ценскому А. М. Горький, тесно связанный с большевистской партией, идейно обогащенный знакомством с работами В. И. Ленина, показал в романе «Мать» и в повести «Лето» (1909), как представители рабочего класса ведут революционную пропаганду среди крестьян и организуют их на классово осознанные выступления против помещиков и самодержавного строя. Повесть «Лето» также заканчивается сценой ареста. Но рабочий-агитатор Егор Петрович, идущий вместе с товарищами под конвоем в тюрьму, не испытывает разочарования: «...хорошо, светло горит мое сердце, и хочется мне кричать во все стороны сквозь снежную тяжелую муть: «С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!»

Отсутствие правильного понимания характера и движущих сил революции в деревне сказалось у Сергеева-Ценского в пессимистическом окончании повести «Сад». Однако, несмотря на недостатки, революционизирующее значение повести было несомненным, что хорошо поняла царская цензура: за опубликование этого произведения журнал «Вопросы жизни» был закрыт правительством.

Сергеев-Ценский придавал большое значение повести «Сад». Он писал: «Узко, как единичный факт понятый, мой рассказ, думаю, не вызовет красного смеха цензуры, но, конечно, сам я понимал свой сюжет шире и имел в виду типичность, даже общность выводимых явлений, и мой «Сад» (для меня) символ с большим содержанием, чем влито в стены рассказа»<sup>10</sup>. Таким «большим содержанием» была мысль Ценского о необходимости радикального изменения жизни народа.

Сергеев-Ценский показал себя в этой повести большим мастером реалистической прозы, великолепной детали, которая одна способна создать целый образ. Вот, например, на прикладе ружья, переделанного из берданки английской, лондонской марки, деревенский умелец выжиг слова: «Се гут, се бон, се балабанюка, се Лондон, се кузнец Иван Коваль». И хотя в повести «длинный и тощий» Иван Коваль

появляется всего один раз — мы его ясно представляем. Это бывалый и умелый мастер, который работал в городе, поскольку знает немецкие и французские слова («гут» и «бон» — хорошо), знает и турецкие («балабан» — большой), начитан в церковнославянских книгах («се» — вот), слышал о столицах государств («Лондон»). Он человек остроумный, с юмористической жилкой, с чувством собственного достоинства, что выделяет его из среды покорных мужиков Татьянки.

Или вот короткая, но яркая, благодаря удачно найденной детали, пейзажная зарисовка: «Бывают в середине августа такие солнечные дни, когда блеску слишком много в воздухе и когда земля точно осыпана осколками битого стекла, и блестят листья и стволы деревьев, блестит трава, отсвечивает дорога.

Земля вблизи становится шире и ярче, а даль задумчивей и бледнее».

В марте 1905 года Сергеев-Ценский написал поэму в прозе «Молчальники», в которой непосредственно отразил революционные события 1905 года, но в несколько своеобразном плане. Три труженика, испытав в жизни всю тяжесть угнетения и убедившись в бесплодности любого протеста, удалились в монастырь и дали обет молчания, который не нарушали при самых сложных обстоятельствах и случаях жизни, а в монастырь приходили обездоленные «с робкими глазами, с чахлыми лицами, в лохмотьях, пропитанных потом и грязью. И приносили они с собою горе и боль, голодные тела и голодные души». Они говорили, «что жизнь стала тесная и жесткая, как спицы железной клетки, что неизвестно куда идти, и что делать, и где искать правды и счастья».

Образы «молчальников» символичны — это представители трех основных классов и социальных прослоек: Парфений — крестьянин, Власий — сапожник, мещанин; Глеб — живописец, интеллигент. В условиях самодержавия — они «молчальники», но среди них нет рабочего. И хотя Ценский в тот период неясно представлял революционную роль рабочего класса, но он отчетливо видел, что рабочий не может молчать, сама действительность показывала, что он активно протестует. Но и эти три «молчальника» находят духовное возрождение в революции.

Однажды стало «грозно и бурно» на улицах. «Двигалась толпа народа... и дрожал воздух от ее криков...» Вдруг



раздались залпы, упали убитые, и за бегущими бросились всадники, рубя шашками и топча упавших копытами лошадей. И тогда молчаливники, в душах которых «проросло семя новых надежд», вышли на улицу и запели: «Воздушно-го князя, насильника, мучителя, страшных путей стоятеля, сподоби мя прейти невозбранно».

«Они шли на подвиг, сломившие печать молчания, шли на борьбу с огромной и темной силой, и в душах их клокотала злоба... И злоба эта была святая».

Так приветствовал Сергеев-Ценский революционные выступления народа против самодержавия — «огромной и темной силы» — и гневно осуждал расстрел мирной демонстрации у Зимнего дворца 9 января.

В творчестве Сергеева-Ценского этого периода интересен рассказ «Батенька» (1905), свидетельствующий о росте революционных настроений среди трудящихся накануне революции 1905 года.

Капитан Еремеев, прозванный Батенькой за свою простоту и доброту, никогда не бивший солдат, не выносивший вида крови, вынужден вести свою роту в полной боевой выкладке на усмирение забастовавших рабочих на чугунолитейном заводе. Толпа рабочих — около двух тысяч человек — ведет себя вызывающе: бросает в солдат камнями, кусками шлака, выкрикивает оскорбления. Рабочие уверены, что в них не посмеют стрелять. На призыв Батеньки разойтись толпа отвечает новым градом камней, и когда один из них попал капитану в голову, он в полубессознательном состоянии скомандовал «пли!» — раздался залп: семнадцать человек было убито, многие ранены.

Тема рассказа не получила своего настоящего воплощения, так как главное внимание Сергеев-Ценский сосредоточил на военном быте и на моральных переживаниях офицера после расстрела рабочих, сама же забастовка выглядела лишь эпизодом, а поведение рабочих неоправданно вызывающим. Но здесь же Сергеев-Ценский показал, что царское правительство для подавления выступлений рабочих использует не только полицию, но и войска, применяя расстрелы безоружных людей.

Царская цензура заметила разоблачительный характер рассказа Ценского и за его опубликование сделала предупреждение журналу «Вопросы жизни». Рассказ понравился Л. Н. Толстому, и он был выпущен в 1906 году отдельной книжкой в издательстве толстовцев «Посредник».

В горячие дни революции 1905 года Ценский снова возвращается к волновавшей его теме народа, теме крестьянства, и создает повесть, названную поэмой, — «Лесная топь». В этом произведении Сергеев-Ценский поставил важные философские и этические вопросы: о смысле жизни, о страданиях и искуплении, о назначении человека, о его праве на счастье, а также на протест и бунт против тяжелых условий жизни. Лесная топь в поэме имеет не только прямое значение, но и переносное — это топь жестокого социального строя, классового общества, топь темноты и дикости, где гибнут одаренные и свободолюбивые натуры, гаснет всякий живой порыв к свободе.

Главная героиня крестьянка Антонина — чуткая, поэтически настроенная, пытливая душа — поставлена автором в трагические ситуации. Вся ее жизнь — это сгусток несчастий и страданий.

В детстве она очень испугалась в лесу и поэтому выросла «порченной», больной эпилепсией; замуж ее выдали за нелюбимого болезненного парня, которого через два месяца взяли в солдаты, и Антонина вынуждена терпеть приставания свекра. Ребенок родился уродливым: с огромным пятном и наростами на лице. Во время пожара Антонина умышленно оставила девочку в люльке, и она сгорела вместе с домом. «Кому она нужна такая?.. Мучилась бы целый век... только и всего», — говорит Антонина. Но сознание содеянного «греха» терзает ее, и для искупления его она вступает в связь с сифилитиком. Однако эта епитимья не приносит успокоения. Антонина уходит из дома купца Бердоносова, где была служанкой, и ночью попадает в барак к потерявшей человеческий облик артели торфяных рабочих. Антонина погибает от насилия, а ее тело поглощает трясина. Такова судьба человека в этом классовом обществе, где «страшно было не жить и еще страшнее было жить». Здесь человеку «хотелось стать на четвереньки и скулить, как скулит бездомный щенок... испуганный безлюдностью и темнотой». К такому пессимистическому выводу пришел писатель, видевший массовую жестокость и зверства во время черносотенных погромов 1905 года.

Однако, несмотря на пессимистическую тональность поэмы, Сергеев-Ценский в противоположность Достоевскому осуждает культ страдания и через него — искупления. Сама Антонина отвергает этот путь. «Дура я была, глупая... — говорит она Зайцеву. — Прямо с ума сошла! Ведь я это на себя

без попа питимью наложила, чтоб с тобой жить. С души воротит, посмотрю — тошнить тянет, а я себе говорю: это ничего, это тебе в наказанье, что ребенка своего, уroda, погубила. Вот возьми да уroda и пожалей. А теперь не хочу я больше... Все равно не хочу...»

Писатель также показывает, что непротивление, кротость и терпение вовсе не являются исконными чертами русского народа, наоборот, в нем сильно развит дух протеста и сопротивления. Антонина не может согласиться с тем, что она должна терпеть «божеское наказание» и человеческое осуждение. «И на что она вам нужна была?» — спрашивает Антонина односельчан после гибели девочки. «Ведь она урод была!.. Вы бы над ней измывались, проходу бы ей не давали, кабы жива была! Теперь стала нужна, как сгорела, а как жива была: терпи, ягодка, — это тебе в наказание дано... Да я, может, не хочу терпеть!.. Не за что меня наказывать! Не хочу терпеть, вот и все! Душа у меня сгорела!» Антонине «стыдно и страшно» жить в этом мире, но она не сдается, она ищет ответа на свои вопросы и потому с такой жадностью впитывает слова Фрола о том, что жизнь один раз дается и «нужно так, чтобы не ты был в руках у жизни, а жизнь в руках у тебя».

Удачу Сергеева-Ценского в создании цельного и психологически разностороннего образа Антонины отметил А. Блок в статье «О реалистах». Он подчеркнул, что в Антонине «есть что-то прекрасное, гордое, русское, широкое (и писатель сумел показать это)...»<sup>11</sup>

В повести «Лесная топь» Сергеев-Ценский продолжил свои поиски положительного героя. После бунтаря Шевардина он создает образ революционера Фрола Бердоносова. Фрол хотел учиться и вопреки воле жестокого отца ушел из дома без копейки денег. По цензурным соображениям Сергеев-Ценский очень глухо говорит о деятельности Фрола, но ясно, что он, будучи студентом, вступил в политическую организацию и вел революционную пропаганду среди народа, его посадили в тюрьму «за то, что он говорил где-то не теми словами, которые были дозволены». Целый год провел Фрол в одиночном заключении, которому в то время подвергались только политические заключенные. Выйдя из тюрьмы, он приехал повидать мать.

Фрол сознает силу революционных борцов, объединенных одной идеей. В споре с отцом, купцом Бердоносовым, считающим себя «хозяином и строителем» жизни, Фрол заявляет:

«Ты не строитель жизни, строить будут другие, у которых глаза острее.

— Такие, как ты? — сузил зеленые глаза Бердоносов.

— Такие, как я! — вызывающе бросил Фрол».

Сергеев-Ценский не дал в повести четкого политического лица Фрола, не сделал его образ полнокровным и жизненным. Фрол обрисован несколько абстрактно, и в этом сказались недостатки мировоззрения самого Сергеева-Ценского, его аполитичность, его незнакомство с деятелями революционного движения. Но положительный герой Ценского теперь не одиночка, как Шевардин, а член революционной партии, поэтому в уста Фрола писатель и вложил свои мысли о высоком назначении человека: «Ты сначала дослужись до человека, послужи у разума на службе; человек — это чин... и выше всех чинов ангельских...» Эти слова как бы перекликаются с известными высказываниями М. Горького в пьесе «На дне»: «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!..» и в рассказе «Рождение человека»: «Превосходная должность — быть на земле человеком...» Эта перекличка двух писателей-гуманистов не случайна: и Горький и Сергеев-Ценский в дореволюционной русской литературе с огромной силой отрицания показали в своих произведениях темные стороны тогдашней социальной действительности и в то же время не утратили веры в светлое будущее человечества. «Все под его руками, — писал Сергеев-Ценский о М. Горьком, — превращалось в громкий протест против существующего строя. Набатов революции звучала каждая его страница...»<sup>12</sup> То же можно сказать и о дореволюционных реалистических произведениях Сергеева-Ценского. «Образ замученной прекрасной бунтующей крестьянки Антонины из «Лесной топи» звал к отпущению»<sup>13</sup>, — подчеркивалось в приветствии Президиума Союза советских писателей в связи с шестидесятилетием со дня рождения Сергеева-Ценского.

Свое отрицание самодержавного строя и его институтов Сергеев-Ценский по цензурным условиям в повести «Лесная топь» вложил в высказывания сектанта скорняка Андрея Егорова, называвшего себя «Император всей вселенной. Аз Слово Георг». Он отрицает религию и священнослужителей: «Под вашей черной мантией сам черт скрывается... А небо у вас в кармане сидит, по гривеннику за место продается. Вы, как столбы придорожные, только дорогу людям кажете, а сами по ней не идете...»

Андрей Егоров развивает свой план государственного устройства: «Когда я вступлю, войны не будет. И войска не будет. Зачем нужно войско, когда законы всеми будут исполняться... Прибыля финаксовые будут приведены в известность... Установлена будет такая сумма, меньше которой ни у кого не должно быть, а у кого недостает, тому от казны пособие, налог будет наложен на богатых...»

В обстановке разгрома России в русско-японской войне и поражения революции 1905 года эти слова звучали подлинно революционно, тем более что поэма «Лесная топь» была опубликована уже в период начавшейся реакции, в 1907 году. Интересны в повести и другие второстепенные персонажи. Например, брат Антонины Филька, с его постоянным вздохом: «Эх, земельки бы!», воплощающий в себе коренные черты русского крестьянина-хлебороба. По-своему изображает Сергеев-Ценский и уже знакомый по произведениям Горького образ накопителя-хищника. Таков купец-старовер Бердоносос, который «по утрам, бывало, все иконы в доме перецелует, накрестится, накланяется и идет на целый день рабочих мозжить...».

Следует отметить, что в этом произведении, наряду с яркими реалистическими образами и сравнениями, часто встречаются элементы импрессионизма. Особенно проявляется это в пейзажах, где носителем качеств или творцом действий выступает не предмет или лицо, а какой-то неопределенный субстрат: «Ходило кругом лесное и колдовало и развешивало занавески из речного тумана над тем, что было вдали, и перетаскивало эту даль сюда...», «Охватили недомолвки прошлого, вились кругом, как хлопья снега... Кто-то, свесившись, силился что-то сказать, может быть, и говорил, но невнятно, и нельзя было расслышать и понять». В ряде случаев предмет изображается не таким, каков он в действительности, а таким, каким он кажется субъекту. В этой повести мы находим уже как бы первые наброски печально известных портретных зарисовок из рассказа «Береговое». Крестьяне подвезли на телеге Антонину, и в ее представлении «баба была такая же, как лес днем, а мужик такой же, как лес ночью», хотя несколькими строчками ранее Ценский, указывая, что баба была «черноволосая, красная, с веселым задранным носом».

В 1906—1907 годах С. Н. Сергеев-Ценский работал над романом «Бабаев», который составляли двенадцать отдельных рассказов, печатавшихся с начала 1907 года в разных

журналах. «Даже в возрасте 30 лет я еще не решался брать-ся за роман иначе, как через посредство рассказов,— вот что значила для меня привычка к малой форме художественных произведений»<sup>14</sup>, — писал Сергеев-Ценский.

Роман «Бабаев» вызвал наибольший отклик в дореволюционной буржуазной критике, но главное внимание эта критика уделила личности Бабаева и второстепенным художественным аксессуарам, которые истолковывались как свидетельство «декадентства» Сергеева-Ценского, и совершенно упускалась из виду та социальная основа романа, которая показывала, что это реалистическое произведение обладало большой обличительной силой критики самодержавного строя и его основных институтов — армии и полиции. Следует также отметить, что социальная тема в этом романе дана острее и сильнее, чем в повести Куприна «Поединок».

Действие романа разворачивается в течение одного года: с декабря 1904 (глава «Снежное поле») по декабрь 1905 года (глава «От трех бортов»). Это был год революционной борьбы русского народа против царизма, и эта борьба, в связи с событиями которой и рассматривается судьба кадрового офицера поручика Бабаева, составляет важную часть содержания романа. Сергеев-Ценский показал все основные моменты революции 1905 года: революционные сходки и собрания населения, забастовки рабочих, бунты крестьян, политические демонстрации, черносотенные погромы и, наконец, Декабрьское вооруженное восстание.

Сергеев-Ценский смело и ярко рисует положение России накануне революции: «Она была Страною Шепота, теперь стала Страною Бури, эта огромная страна, в которой цвело синими цветами небо, а на него снизу зеленым дыханием трав дышала земля. Не всякий ворон мог прокричать безнаказанно то, что везде кричат вороны, а люди могли говорить только так, чтобы их не слышали стены, не слышала дорожная пыль, ни зеленые травы, ни небо.

Виселица и тюрьма стояли перед открытым ртом тех, кто говорил громко. Огромная страна была Страною Шепота — как могла она стать Страною Бури? Кто первый!»

В романе все революционные события в городе и стране даются с точки зрения поручика Бабаева, что накладывает на их изображение отпечаток ограниченности его миропонимания, но тем не менее нарастание в России революционной ситуации отражено автором довольно четко. Всеобщая октябрьская забастовка трудящихся открыла глаза Бабаеву:

«Тысячи, десятки и сотни тысяч вдруг сказали какое-то одно слово, и слово это спаяло их...» Это слово было — революция, которое Ценский, естественно, не мог в то время употребить в своем романе. Но зато он применяет аналогичное слово — бунт. «Бунтуют в городе, ваше благородие! Арестантов выпускали... красные флаги везде», — говорит Бабаеву его денщик.

Ценский одним из первых среди русских писателей нарисовал впечатляющую картину мощной политической демонстрации 18 октября 1905 года после опубликования царского манифеста: «Где-то вблизи шла и пела толпа. Пела — этого никогда не слышал Бабаев... Шире распахнулись окна; и вдруг красно стало в глазах от флагов, хлынувших на улицу. Толпа выступала из-за поворота и пела.

Впереди шли женщины, девушки в белых платках, с красными цветами на груди. Несли знамена. Эти знамена были на тонких древках с надписями: «Свобода», «Слава труду», «Слава павшим борцам за свободу»... Это шла свобода. Свободе пели гимны. Свобода колыхала знамена и флаги...

Вышли мы все из народа,  
Дети семьи трудовой.  
«Равенство, братство, свобода» —  
Вот наш девиз боевой, —

расслышал Бабаев. Кто-то... кричал: «Долой самодержавие!», и по сетчатому лицу текли слезы. Пели камни мостовой и стены. Пели красные флаги. Люди казались звуками.

Двигались, как лавина, захватывая кучки на тротуарах.

— Долой полицию! — крикнул кто-то во всю силу легких.

— Долой войско! — захохотал кто-то в лицо Бабаеву.

Бабаев прислонился к стене. Мимо него дальше и дальше шли, сколько — он не мог сосчитать».

Следует еще раз напомнить, что эти строки написаны не после свержения царизма, а в 1906 году!

Подобную демонстрацию, как громадную толпу рабочих, где «все были сосредоточены и безмолвны», описал и А. Кипен в повести «Октябрь» (вероятно, даже одну и ту же, увиденную обоими писателями в Симферополе), но у него она получилась бледной копией художественного полотна Сергеева-Ценского.

Очень ярко, со сдерживаемым гневом изобразил Сергеев-Ценский в главе «Проталина» картину подготовленного полицией черносотенного погрома: убийства, дикие надруга-

тельства над женщинами, сцены садистски жестокой расправы с демонстрантами, сожжение людей, запершихся в городском театре, и т. п.

Художественно осмысленные писателем действительные факты звучали грозным обвинением насквозь прогнившему самодержавному строю. Политически правильное, реалистическое изображение этих событий — большая заслуга Сергеева-Ценского.

Наконец, как кульминацию революции писатель показал вооруженное восстание — баррикады в Рабочей слободке — и участие войск в его подавлении, так как полиция оказалась неспособной справиться с положением. Сергеев-Ценский символически описывает в этой главе ожидание восхода солнца, как ожидание новой жизни, могущей наступить в результате вооруженной борьбы пролетариата: «И в первый раз в жизни показалось вдохновенно радостным, что оно взойдет, непременно должно взойти, и уже скоро».

И хотя Сергеев-Ценский описывает события на баррикадах так, как воспринимает их Бабаев, тем не менее писатель подчеркивает мужественность борьбы рабочих, вооруженных лишь револьверами, с войсками, оснащенными винтовками, пулеметами и артиллерией. Революция 1905 года показала, что подлинным героем времени является русский рабочий класс, и Сергеев-Ценский, всегда внимательно наблюдавший жизнь, не прошел мимо этого в своем романе.

Поражение России в русско-японской войне остро поставило вопрос о причинах неудач, о состоянии армии. Раздумывая об этом и отвечая на запрос времени, Сергеев-Ценский ярко показал в романе «Бабаев» мир армейской жизни, разложение офицерского состава, палочную дисциплину в войсках. И хотя к этому времени уже была опубликована повесть А. И. Куприна «Поединок» (1905), Сергеев-Ценский нашел для этой «армейской» темы свой материал и свои изобразительные средства. Образы офицеров и солдат, выведенные в романе «Бабаев», не похожи на офицеров и солдат из «Поединка» Куприна. Сергеев-Ценский, так же как и Куприн, исходил из своего личного опыта и жизненных наблюдений.

Сергеев-Ценский обличает русское офицерство, существующие в армии порядки, а через это и весь самодержавный строй, порождением и защитницей которого эта армия является. Он указывал, что в романе «Бабаев» изобразил «военную касту, состоящую на жалованье у царского пра-



вительства для охраны самодержавного строя»<sup>15</sup>. Перед читателем проходит ряд офицеров старшего поколения: Лобода, Селенгинский, Качуровский, Матебоженко, Убийбатько и другие, все интересы которых сосредоточены на карточной игре, бильярде и непрерывном пьянстве. Вот типичное времяпрепровождение в офицерском собрании: «Пили. Давно уже начали пить — еще с обеда; играли в карты, бросили и снова пили». А упившись, от страшной скуки и беспросветности своего существования, затевают дикую игру — «кукушку», когда в темной комнате офицеры палят из револьверов в направлении голоса своего товарища, изображающего кукушку. Подобные «игры» возможны только при утрате человеческого облика, когда появляется желание «неприменно попасть». В этой офицерской среде нет никаких идеалов, светлой мысли, стремлений, а царит лишь скука, озлобление, слепое подчинение уставам. Любопытно отметить, что через 10 лет после «Поединка» Куприна и «Бабаева» Сергеева-Ценского писатель Евгений Замятин опубликовал повесть «На куличках» (жур: «Заветы», 1914, № 3), где показал жизнь маленького гарнизона на дальней восточной границе. Там тоже процветали разврат, пьянство и дикая игра в «ланцепупов»: бросали в окно золотой, и когда прохожий нагибался, стреляли в него из коридора через занавески. Идиотизм армейской жизни был характерен до самого падения царской власти.

Наряду с офицерами Сергеев-Ценский вывел в романе и представителя солдатской массы — денщика Гудкова, образ которого получился реалистическим и жизненным. Этот крепкий, коренастый мужик, с выпуклой, литой как наковальня, грудью, несмотря на надетую на него шинель, остался крестьянином, и все его мысли и желания сосредоточены на деревне, своем хозяйстве. Он из северных губерний, где нет чернозема, земля тощая, «супесь одна», но и этой земли не хватает. Поэтому, когда началась русско-японская война, крестьяне «рады были, — говорит Гудков, — думали, побьют каких многих, всем прочим свобода жизни будет, не так тесно...». Эти мысли Гудкова полностью совпадают с мыслями старика Лизара о сокращении «человека» из очерка В. В. Вересаева «Лизар».

Мечты Гудкова направлены на увеличение своего земельного надела, он жадно ловит все слухи об этом: «Говорят, ваше благородие, — земли прирежут!.. Всем мужикам, какие есть; стало быть, у господ возьмут, а нам прире-

жут!» В этих словах Бабаеву «проступила какая-то огромная, ощутимая мужицкая забота, которая никогда не ложится спать».

Революционные события 1905 года наполняют Гудкова радостью и уверенностью в осуществлении своих чаяний. «Ежели так народ взялся, стало быть сделают», — твердо заявляет он.

Вместе с Гудковым впервые почувствовал решающую силу народа в истории и сам Сергеев-Ценский.

Но главная роль в разоблачении охранительной и карательной функции царской армии принадлежит офицеру младшего поколения — поручику Бабаеву. Это довольно сложный и противоречивый в психологическом отношении персонаж, и в его обрисовке чувствуется больше влияние на Сергеева-Ценского творчества Достоевского.

Двадцатипятилетний поручик Сергей Ильич Бабаев выделяется из окружающей его офицерской среды своим интеллектом, привычкой размышлять об увиденном, желанием понять смысл человеческой жизни. Но кругозор его ограничен кастовыми традициями и привычками офицерского быта: он кадровый военный и всей системой воспитания был приготовлен только к военной службе. Немалое значение для его мироощущения имеет и то, что он происходит из разорившейся дворянской семьи и живет только на жалованье.

Основной чертой Бабаева является обостренный и гипертрофированный индивидуализм, а отсюда и крайний эгоизм. Все в мире измеряет он только по отношению к себе. Бабаев стремится понять смысл жизни и найти свое место в ней. «Смысла я хочу!.. Где смысл?» — спрашивает он. Но Бабаев не может понять жизнь, потому что она для него заключается лишь в удовлетворении личных желаний и животных вожелдений. Для Бабаева не существует общественной жизни. В стране совершаются великие политические события, но Бабаев не интересуется и не понимает их, он весь во власти своих инстинктов, и его восприятие окружающего не выходит за эти пределы. Символична в этом отношении и его фамилия: «бабай» — по-татарски «старик».

Все больше и больше ощущает Бабаев свое одиночество, «себя самого, эту страшную тяжесть, которую он вечно носил». Скука, тоска и злоба становятся его постоянными спутниками, причем «злоба была старая, давнишняя, одинокая злоба». Чтобы уйти от самого себя, забыться и обрес-

ти хотя бы временный смысл своего существования, Бабаев пьянствует, распутничает, стремится как можно больше «оскотинить себя». Не найдя высокого смысла и назначения жизни в служении людям, он вырабатывает несложную извращенную философию: человек — бильярдный шар, позади него — «чей-то кий, неумолимо меткий и жестокий... И когда будешь биться о борта... все будет казаться, что идешь сам и делаешь именно то, что нужно». В мире нет идеалов, нет красоты, нет ничего, «что нужно беречь». Нет ничего ужасного, нет «ни страшного, ни низкого», «есть степени падения, и нет самого падения, есть степени злодейства, и нет злодейства». Поэтому человеку все позволено, «а отвечать некому и не за что», он не виноват в своих поступках.

Свою жизненную философию поручик Бабаев обосновывает действительностью царской России, в которой люди творят преступления и гнусности, «потому что твердо знают основу жизни: нужно бить, нужно грабить... все остальное только цветистый придаток...». Во взаимоотношениях с окружающими Бабаев и следует своей «философии».

Бабаев не лишен и некоторых положительных черт. По этому поводу Сергеев-Ценский писал: «В рассказах, составивших роман, я не мазал своего героя одной черной краской, чем, как потом оказалось, сбил с толку иных читателей, привыкших к ярлычкам: «Се лев, а не собака»... — но я ведь и вообще никогда не писал для примитивных читателей»<sup>16</sup>.

Несмотря на отрицание красоты жизни, Бабаев любит ее, ему хочется «припасть сразу ко всем ключам жизни и выпить...». Римме Николаевне он говорит: «Жить нужно так жадно, как будто каждый час твоей жизни — последний час!» Он любит и понимает природу и только с нею как бы сливается в одно целое.

Бабаев ненавидит собственность и мещанский уют (глава «Ожидание»). Он хочет понять душу другого человека и сблизиться с умной, интересной женщиной. Но «одной души» не получилось. Индивидуализм Бабаева оказался сильнее. Однако в этой же главе Сергеев-Ценский, развенчивая индивидуализм, показывает, что в общественной жизни, в условиях политической борьбы люди хорошо понимают друг друга. В период всеобщей октябрьской забастовки «тысячи, десятки и сотни тысяч вдруг сказали какое-то одно слово, и слово это спаяло их... как одного».

Это слово — революция, которое писатель не называет, — стало понятно не только каждому человеку, но и сотням ты-

сяч трудящихся. Именно у них «одна душа», объединенная общей революционной идеей, и в эту душу вошел денщик Гудков, «вошел просто, как в свой собственный дом». Но нет душевного единства у индивидуалистов — Бабаева и Риммы Николаевны, ибо нет связующей их идеи, мысли.

Бабаев раздвоен, в нем как бы два человека: один подчиняется интеллекту, другой — физиологии. Но в большинстве случаев и «верхний» — интеллектуальный Бабаев и «нижний» — физиологический с каким-то извращенным удовольствием творят гнусности.

Бабаев аморален, для него нет ничего святого в жизни. Во время игры в «кукушку» он сознательно стреляет в Селенгинского, что было обдуманым преступлением, а не несчастным случаем. Он может пожалеть подчиненного, а затем в кровь разбить лицо денщику или ударить в строю солдата. Не одобряя зверств черносотенцев во время погрома, Бабаев в то же время без всякой причины, только вспомнив о еврейке-проститутке, заразившей его дурной болезнью, убивает сошедшего с ума от горя и ужаса еврея. Сознывая гнусность предстоящей порки крестьян и даже желая, чтобы солдаты безжалостно избили едущих вместе с ним на усмирение исправника и губернского чиновника, Бабаев, когда наступило время экзекуции, бодро спрашивает станвого: «Пороть?» — и делает затем это с большим удовольствием:

«Но не противно было Бабаеву. Было душно, и в голове стучало, и весело.

— Щепок из вас нащеплю! Щепок, скоты! — кричал он...»

После расправы Бабаев сопровождает арестованных избитых мужиков в город. Он заходит к ним в вагон и жалуется: «Я вас бил... — да, бил! Я из вас искру выбить хотел, как из кремня огонь, и не выбил искры, земледы, мешки мякинные!.. Вы понимаете, что не я вас бил, а вы меня били?..»

От этих «покаянных» речей Бабаев впадает в истерику, и... тогда случается непонятное (в чем Сергеев-Ценский пошел против жизненной правды): «Огромный мужик обхватил его бережно руками, смотрел на него с участливым испугом и дышал ему в мокрое лицо едким:

— Барин! Голубь наш сизый! Убивается как. Ничего! Слышь ты — ничего! Мы стерпим...»

В этом эпизоде сказалось непонимание писателем революционной борьбы крестьян, хотя в главе «Пьяный курган», где показан бунт крестьян, были изложены впечатления Ценского от крестьянских волнений 1902 года в Харьковской и Полтавской губерниях. В романе «Бабаев» более отчетливо проявилась высказанная писателем еще в повести «Сад» мысль о том, что крестьяне в массе своей не способны на активное сопротивление гнету и насилию.

Слабость мировоззрения Ценского сразу же подметила буржуазная критика; в частности, Д. Философов заявил, что «Сергеев-Ценский показал себя тут большим художником», а «огромный мужик» является типичным выразителем крестьянской психологии.

Противоречивость психологии Бабаева более всего проявилась при подавлении вооруженного восстания в городе, когда он сначала восхищался мужеством и идейной убежденностью захваченных защитников баррикад, а затем, как каратель-садист, приказал без суда и следствия расстрелять их, а заодно и случайного прохожего.

Таким образом, перед нами офицер-наемник, состоящий на службе у самодержавия. Он тип офицера-карателя, каких было много в царской армии, например в Семеновском полку, расправлявшемся с революционными борцами Красной Пресни, или в том же Литовском полку, в котором служил Сергеев-Ценский, когда этот полк был вызван для подавления восстания матросов на крейсере «Очаков». Поэтому мы можем говорить о «бабаевщине» как о социальном явлении. Сам Сергеев-Ценский придавал этому персонажу именно такое значение. В апреле 1907 года он сообщал К. Чуковскому: «На днях написал небольшой... отрывок из «Бабаева»... За апрель думаю написать еще два отрывка и покончить с *проклятой «бабаевщиной»*<sup>17</sup> (курсив мой.— П. П.).

Типичность образа Бабаева отметили критики марксистского направления. «Перед нами документ о жизни, с которым не считаться нельзя, трагическое значение которого неоспоримо»<sup>18</sup>, — писал М. Морозов. Буржуазная же критика (Н. Абрамович, Е. Колтоновская и другие), почувствовав огромную разоблачительную силу образа Бабаева и всего произведения в целом, попыталась опорочить роман, извратить его социальный смысл, а заодно дискредитировать и самого автора, отождествляя Сергеева-Ценского с Бабаевым.

Наличие в царской армии «бабаевщины» было подтверждено в дальнейшем самой жизнью. Именно из бабаевых главным образом формировались офицерские полки белой гвардии Корнилова и Деникина, Колчака и Врангеля в период гражданской войны. И доживи Бабаев до этого времени, он был бы контрразведчиком в белогвардейской армии. Бабаев — предшественник таких белых офицеров, как, например, ротмистр фон Мекк и поручик Валерьян Оноли из «Восемнадцатого года» А. Толстого. Сергеев-Ценский писал: «Я предугадал в своем романе появление «бабаевщины», как весьма серьезной силы, пытавшейся развеять в прах все завоевания революции 1917 года, и в этом была моя заслуга, пусть даже ее не сумели своевременно оценить»<sup>19</sup>.

Рассматривая вопрос о декадентстве Ценского, следует отметить, что две главы романа — «Мертвецкая» и «Бесстенное» (изолированные от других рассказов) и особенности стиля произведения давали некоторое основание для отнесения романа «Бабаев» к числу декадентских произведений.

В главе «Мертвецкая» был отражен пессимистический взгляд писателя на человека вообще, а последняя глава романа — «Бесстенное» представляет собой апокалипсический бред умирающего Бабаева, застреленного юной революционеркой. Эта глава полна эсхатологических видений, мчащихся в Бесстенном (пространстве), каких-то символов и непонятных образов: Огромного и его Колена, Серого или Пыльного и т. п. Изредка среди бредовых видений прорываются какие-то подспудные, но реальные мысли Бабаева. «Смысла хочу, твоего смысла, — где смысл?» — кричит Бабаев и с этими словами умирает, так и не найдя смысла своего существования.

Сам Сергеев-Ценский не придавал серьезного значения данной главе. «Бесстенное» — это не ерунда ли? Издавать-то его вообще стоит ли?»<sup>20</sup> — писал он Чуковскому. В десятомном собрании сочинений, выпущенном Гослитиздатом, писатель исключил эти две главы из романа.

Импрессионистическая манера письма в ряде глав «Бабаева» была определена содержанием: все в романе дано через восприятие Бабаева, и книга написана как бы от его лица. В центре внимания автора душевное состояние героя, а поскольку сознание Бабаева раздвоено, его нервы напряжены и повышено чувствительны к внешним раздражениям, то мы встречаем в романе поток самых неожиданных субъективных ассоциаций, сравнений, гипербол. В связи с этим

язык произведения становится часто искусственно усложненным, вычурным — модернистским.

«...Я сам когда-то вводил импрессионизм в русскую прозу: это было 18 лет назад, когда я писал «Бабаева»<sup>21</sup>, — отмечал Ценский. Действительно, Сергеев-Ценский наряду с Б. Зайцевым, О. Дымовым, а в поэзии — К. Бальмонтом и другими внес свою лепту в развитие этого стиля в русской литературе.

Через субъективное восприятие Бабаева писатель так, например, показывает начало черносотенного погрома: «Балконы исчезли. Захлопнулись окна. Кого-то поспешно глотали двери... Бежали улицы, роняя на землю шляпы, платки и трости. И гремели им вслед извозчицьи дрожки бешено, под свист кнутов, топча, опрокидывая, ломая, сцепляясь колесами, криками, лошадиными мордами, взмахами вожжей...»

Бабаева характеризует синкретизм ощущений, поэтому звуки у него очень часто видны, окрашены и имеют запах, а запахи, в свою очередь, имеют цвет и т. п. «Пахло земными соками... Бабаеву казалось, что этот запах имел и цвет — зеленый, как у речной осоки», «Где-то далеко... лаял Нарцисс... Лай этот вздрагивающей полоской светился в темноте за окнами», «Теперь голос был, как молитва, и имел запах. Пахнул зеленой травой, когда садится солнце».

Своеобразная гиперестезия Бабаева отчетливо проявляется в том, как он, например, воспринимает поступь идущей в ногу роты: «Трам-трам-трам... Это самая зловещая музыка, какую он слышал. Бьет по всем нервам сразу, по самым глубоким, по самым тонким... Кажется, что нет уже и тела, выбито все, ни костей, ни нервов. На куче горячих гвоздей глаза, а около них ключья мыслей, то ползут, то прыгают — нельзя схватить». Такие вычурные сравнения в романе Сергеева-Ценского не единичны. Все это было данью писателя декадентству. Но было бы ошибкой представлять всю художественную ткань произведения, состоящей из подобных модернистских ухищрений. В этом романе мы находим и реалистическое богатство языка и многочисленные крепкие, красочные сравнения, жизненные образы, реалистические пейзажи и т. д. Приведем лишь один пример: «По крыше ротонды и около всюду сплошно и гулко шумел дождь. Было жутко слушать, как он падал, такой знакомый, уже почти живой, сердился, плескал в окна, стучался в стены, пробуя слабые места, хлопотливо отбегал куда-то, точно скреплял

там паутину большой паук, и потом *набрасывался* с новой жадностью, *ворчал, катался и лязгал* по звонкому железу — хозяин всего кругом на многие версты». Какое богатство глаголов, передающих картину ливня!

Кристалльно чистый и ясный рассказ «Кукушка» сам Ценский считал образцом реалистического письма. Работая в 1944 году над романом «Пушки заговорили», Сергеев-Ценский записывает в дневнике: «Какой-то новый прием изображения надо ввести, чтобы сгустить события и людей, дабы и тех и других поместилось в плоскости романа как можно больше. Не взять ли стиль «Кукушки» из Бабаева»<sup>22</sup>.

Эпоха реакции, наступившая после поражения революции 1905 года и разгона Государственной думы 3 июня 1907 года, отрицательно сказалась на неустойчивом мировоззрении буржуазной интеллигенции. Оплывание и развенчивание пролетариата, социал-демократической партии становилось как бы обязанностью ренегатиствующих интеллигентов и литераторов.

«В противовес общественности,— писал Воровский,— эта литература выдвинула на первый план личность. В противовес благу всех — индивидуальное счастье. В противовес идейности — плотские наслаждения. В противовес потребности мысли — вожделения пола...»<sup>23</sup>.

Сергеев-Ценский резко отрицательно оценил отступничество писателей и наступившую в России реакцию. Он писал: «Читаешь газеты и не веришь глазам. Сколько наших общих знакомых промелькнуло и мелькает еще в ролях им несвойственных, как всех вообще переломала и сломила жизнь, как омерзительно стало жить на свете вообще и в ликвидированной России в частности»<sup>24</sup>. Однако и сам Сергеев-Ценский не избежал отрицательного влияния эпохи реакции. В некоторых своих произведениях (пьеса «Смерть», этюд «Береговое»), рассматривая общечеловеческие моральные темы, Сергеев-Ценский использовал для их воплощения экстравагантную форму, что как бы сближало названные произведения с декадентской литературой. Это было не только данью времени, но объяснялось и молодостью писателя, его желанием «попробовать» себя в разных жанрах и стилях. Он писал в то время: «Прешен,— люблю я эквилибристику настроений, зарево метафор, скачку через препятствия обыденщины. Простоты не выношу. Не вижу простоты в жизни. И в такую страшную смуту, когда ничего простого уже не



осталось в жизни, когда вся Россия стала огромным домом сумасшедших, Вы говорите о простоте...»<sup>25</sup>

В пьесе «Смерть», написанной Сергеевым-Ценским в конце 1906 года и выпущенной отдельным изданием в 1908 году, взята типично декадентская тема, но решена она совсем по-другому.

Декаденты, воспевая смерть, исходили из пессимистической философии Ницше, который в книге «Так говорит Заратустра» писал: «Если жизнь не удастся, если ядовитый червь терзает твое сердце, — знай, что удастся смерть». В русской литературе начала XX века эта тема была особенно излюблена Ф. Сологубом и М. Арцыбашевым. Последний, например, в ответе на анкету газеты «Биржевые ведомости» заявлял: «Я чувствую и вижу, что счастья нет... знаю, что конец всех один — смерть мучительная и безобразная, и, вовсе не желая зла, не ненавидя человечества... думаю, что раз это так, раз все кончится так скверно, то чем скорей — тем лучше. И если у кого хватило смелости наконец перейти последнюю черту, то я только завидую ему»<sup>26</sup>. Поэтому в романе «У последней черты» он показывал смерть, самоубийства представителей различных слоев молодежи как единственный выход и средство освобождения от бессмысленности и иллюзорности жизни. Этот «дикий вой ужаса перед смертью» вызвал резкий протест Горького, он заклеил таких писателей в лице поэта Смертяшкина («Русские сказки»), осудил эпидемию самоубийств, вспыхнувшую в годы реакции. В его пьесе «Чудаки» (1910) писатель Волгин говорит: «Я столько прочитал ужасов о смерти, все они так плохо написаны, что у меня нет уважения к этой теме...»

Сергеев-Ценский в драме «Смерть», вслед за Горьким, выступает с позиций, противоположных декадентским.

Двадцатилетний юноша Кирилл болен врожденным пороком сердца и медленно умирает. Он знает об этом и постоянно рассуждает о смерти, пишет картины на эту тему. В этом же доме проживает и престарелая бабушка, которая утратила уже всякий интерес к жизни, заботится только о себе и лишь физиологически прозябает, а не живет осмысленной жизнью.

Этим поглощенным своими инстинктами и эгоистичными мыслями людям Сергеев-Ценский противопоставляет здоровых, полных сил, задора и энергии брата и сестру Кирилла — Алека и Лиду. И хотя их жизнь оборвалась из-за нелепых случайностей (Лида провалилась под лед, катаясь на

коньках, а Алек погиб во время пожара, спасая людей и их имущество), Сергеев-Ценский прославляет эту короткую, но яркую и осмысленную идею служения людям жизнь. В противовес утверждениям декадентов, что человек по природе подл, Сергеев-Ценский высоко оценивает подвиг человека во имя ближнего. Когда Кирилл говорит Алеку, что старик, бросившийся спасти Лиду, на самом деле утопил ее, ошеломленный и возмущенный этим утверждением Алек восклицает: «Что ты говоришь... Ты понимаешь, что ты говоришь... Ведь это ты даешь пощечину человеку! Всему человечеству... Сегодня я узнал, что старик этот умер... Простудился тогда, болел и умер...»

Больного юношу полюбила жизнерадостная, милая девушка Галина, олицетворяющая по замыслу автора радость жизни и мечту человека. Она сумела на короткое время воодушевить Кирилла жаждой жизни и верой в выздоровление. Однако, несмотря на принятые доктором Пепловым меры, Кирилл умер. Автор не акцентирует внимания на факте смерти бесполезного для общества человека. В финале пьесы Галя открывает окно в сад, где цветет и буйствует зеленая, наполненная могучими соками жизнь. Галя пригоршнями срывает яблоневые цветы и бросает их в комнату, восклицая: «Цветами ее, цветами!.. Нужно забросать смерть цветами. Ха-ха-ха! Над смертью смеяться нужно! Смеяться нужно!» Таким образом, в пьесе Ценского в конечном счете торжествует не смерть, а жизнь и ее великая сила — смех. Декадентскому лозунгу «Да здравствует смерть!» Сергеев-Ценский противопоставил лозунг «Да здравствует жизнь!», и в этом была его заслуга, и здесь он шел от здоровых традиций народного жизнепонимания.

Основа пьесы Сергеева-Ценского реалистична: ее движение мотивируется не какими-то пустосторонними силами, а развитием, ходом внешних событий. В ней изображен быт семьи. Но, к сожалению, в оформлении этой реалистической канвы сказались модернистские влияния: четкие образы затуманиваются ненужной символикой, какими-то намеками, многозначительными умолчаниями и паузами. Галина выглядит излишне экзальтированной, ее сны имеют почему-то религиозный уклон. Кирилл вдруг желает... бессмертия (как и поручик Бабаев), причем все его рассуждения о жизни и смерти носят отпечаток какой-то тайны. В языке пьесы, простом и ясном, встречаются элементы импрессионизма, субъективных ассоциаций писателя.

Наибольшую неудачу потерпел Сергеев-Ценский с рассказом «Береговое», которому он дал подзаголовок «Драматический пейзаж». В этом рассказе Ценский взял в качестве героя человека вообще, вне его социальных связей и временной обусловленности, что также явилось данью общей концепции периода реакции, согласно которой человек рассматривался как существо одинокое, разобщенное с жизнью, пассивное и покорное, не способное на активные действия. В «Береговом» неизвестно откуда прибывшие на белую дачу среди гор на берегу моря мужчина и женщина под аккомпанемент морского прибоя нравственно терзают друг друга и только утром, примиренные, уезжают обратно. Так же успокоилось и море, яростно бившееся о скалы. За этим несложным содержанием крылась утонченная символика, которую никто не понял, так же как и формы рассказа, усложненной сугубо субъективными образами и восприятиями автора, вроде следующих: «У него было лицо, как широкая захолустная улица днем, летом...», «у нее лицо было, как сеть узких тупиков и переулков, где-нибудь на окраинах большого города, где любят тесниться».

Подобные примеры из этого произведения с самыми издевательскими комментариями обошли почти все русские журналы и газеты того времени. Сергеев-Ценский признал, что «Береговое» — неудачная вещь», и дал в журнале «Лебедь» (1908, № 1) истолкование своего замысла: «Смысл басни сей таков: горы — мужское начало, море — женское. Береговое — прибой. Две стихии, два пола вечно тянутся друг к другу, чтобы понять, и остаются неслиянными: вечно рядом и вечно одни... Между постепенно нарастающим стремлением друг к другу двух стихий и двух людей проведена, может быть, даже очень грубо, аналогия...»

Эти произведения и дали основание буржуазной критике отнести Сергеева-Ценского к числу декадентов, причем некоторые критики обвиняли его в заимствовании мотивов у Леонида Андреева.

К сожалению, подобное неверное утверждение содержалось также в статье В. Воровского. 16 мая 1908 года в газете «Одесское обозрение» под псевдонимом П. Орловский была опубликована его статья «Нечто о г. Сергееве-Ценском». В. Воровский, основываясь на анализе рассказа «Береговое» (который был лишь эпизодом в творческой эволюции писателя) и не принимая во внимание предшествующие реалистические произведения Ценского, писал, не мотивируя своего

заклучения: «Крупные таланты обладают одним большим недостатком: они создают подражателей... Таким большим недостатком Леонида Андреева является г. Сергеев-Ценский.

Г-н Сергеев-Ценский, бесспорно, не бездарность. Но он относится к категории тех несчастных талантов, которые вместо того, чтобы найти свое творческое «я», свое содержание и свою форму, цепляются за клочок чужого «я» и стараются выкроить себе из него литературный костюмчик».

А между тем Воровский мог бы увидеть, что в том же «Береговом» Сергеев-Ценский дал замечательные по своему художественному реализму и меткости сравнений картины природы: описание гор, моря, неба в разное время суток. Подобных пейзажных зарисовок не знала декадентская литература.

В этом «упадническом» произведении содержались и такие оптимистические, жизнеутверждающие заявления автора: «Страшно красивая штука — жизнь! Вдуматься только! Если бы прошел по земле кто-нибудь в сотню человеческих жизней длиной — сколько бы впитал он солнца!.. Такой бы не мог уже умереть...», «Целую жизнь мы только и делаем, что гадаем о человеке, и все не то... Где предел человеку? Бог, что ли?..»

Мы не имеем здесь возможности широко сопоставить творчество Сергеева-Ценского и Л. Андреева. Отметим лишь, что сходством в их творчестве было то, что Сергеев-Ценский в ряде ранних произведений, как и Л. Андреев, преувеличивал значение случайности, рока, судьбы в жизни человека, отрываясь тем самым от социальных причин. Они искали причину зла и несправедливости не в самом общественном строе, а в каких-то внешних силах. Коренное же различие между ними заключалось в том, что Андреев боялся действительности, исходил из апологии небытия как «высшей свободы», тогда как Сергеев-Ценский воспевал и приветствовал жизнь во всех ее проявлениях. Если в большинстве произведений Андреева мы имеем дело с абстрактным человеком и с «космическими» масштабами, то Сергеев-Ценский всегда берет земного человека с его земными радостями, мучениями и заботами.

Эту постоянную верность «земной» действительности подчеркивал и сам Сергеев-Ценский: «Если около меня еще «ломают копья», то дело тут не во мне лично, а в «декадентстве». Я же лично от жизни никогда не уходил, даже более того: я всегда только и делал, что «исходил» от жизни.

«Береговое»... вышло из пейзажа: оно написано в Судаке под впечатлением судакских окрестностей»<sup>27</sup>.

Таким образом, рассмотрев произведения Сергеева-Ценского, написанные до 1907 года, мы находим, что по своему содержанию они были реалистическими; писатель, исходя из жизни, ставил в них острые социальные вопросы. Что же касается формы и языка произведений, то не всегда здесь Сергеев-Ценский соблюдал чувство меры и в ряде случаев шел на поводу модернистской литературы. Как правильно отмечали некоторые критики, Сергеев-Ценский в то время больше всего боялся быть похожим на других писателей и поэтому прибегал к необычным сравнениям, метафорам, вычурности языка, гиперболизму. Эту особенность Сергеева-Ценского хорошо объяснил А. М. Горький в предисловии 1924 года к переводу произведений Ценского на французский и английский языки: «Сергеев-Ценский начал писать около 20 лет назад. Его ранние рассказы привлекли внимание критиков и читателей оригинальностью стиля и выбором сюжетов. Внимание было острое, но недоверчивое и даже, пожалуй, враждебное... Люди, которые читают книги лишь затем, чтобы развлечься и хоть на время забыть свою скучную жизнь, инстинктивно почуяли, что этот писатель не для них: он был слишком серьезен. Для тех, кто считает искусство орудием исследования жизни, стиль нового писателя был слишком затейлив, перегружен образами и откровениями, не всегда достаточно понятными. Они не знали, в какую рубрику поместить Сергеева-Ценского — в рубрику романтиков или реалистов...

Ценский писал медленно, скупое. Каждый его новый рассказ был написан в другой манере, не похожей на манеру предыдущего рассказа. Было видно, что он отчаянно ищет формы, которая могла бы удовлетворить его.

Пораженные необычайностью формы, критики и читатели не заметили глубокого содержания произведений Сергеева-Ценского. Лишь когда появилась его «Печаль полей», они поняли, как велико его дарование и как значительны темы, о которых он пишет»<sup>28</sup>.

Отвергая характеристику раннего творчества Сергеева-Ценского как декадентского, в то же время нельзя согласиться и с некоторыми исследователями, которые совсем отрицают влияние модернистской литературы на Сергеева-Ценского. Исторически правильным будет признать, что Сергеев-Ценский испытал на себе влияние декадентства, отдал ему

известную дань в некоторых своих произведениях, но, оставаясь реалистом, верным жизни, «быту», быстро преодолел декадентские влияния и создал полные оптимизма и бодрости произведения, которые мы рассмотрим далее.

Нужно отметить, что в эти годы Сергеев-Ценский стал на ошибочную точку зрения аполитичности, беспартийности искусства и писателя и придерживался этого взгляда почти до конца 20-х годов. «Я просто художник, — говорил он в 1908 году, — больше того, я просто учусь искусст-



*С. Н. Сергеев-Ценский (1907).*

ву и художником считаю себя относительно, — но да позволено мне будет уйти от опеки политических партий»<sup>29</sup>.

В. И. Ленин, рассматривая особенности происходящей в России буржуазно-демократической революции, указывал, что идеи беспартийности являются выражением буржуазного характера этой революции, поэтому, писал он, «идея беспартийности не может не одерживать при таких условиях известных временных побед. Беспартийность не может не становиться модным лозунгом, — ибо мода беспомощно тащится в хвосте у жизни, а самым «обычным» явлением политической поверхности именно и кажется беспартийная организация, беспартийный демократизм, беспартийный стачкизм, беспартийная революционность»<sup>30</sup>.

Сергеев-Ценский в своем творчестве и мировоззрении и стоял на позиции беспартийного демократизма и беспартийной революционности. Его произведения, проникнутые любовью к народу, объективно говорили о необходимости изменения существующего социального устройства, однако чет-

кого представления о путях и средствах грядущего изменения, преобразования русской жизни у писателя не было.

В конце 1907 года Сергеев-Ценский вторично приезжает в Петербург. В творческом отношении эта осень была непродуктивной: сказывался неуспех «Берегового». В феврале — марте 1908 года писатель жил в имении Анненгоф Лифляндской губернии. Здесь Ценский начал писать повесть «Печаль полей». «У меня перед глазами было только название, когда я написал первую главу о силаче Никите Дехтянском, и я не знал, куда мне идти дальше»<sup>31</sup>, — вспоминал Сергеев-Ценский.

Как обычно, весной писатель возвратился в Алушту, чтобы заняться посадкой кипарисов и миндальных деревьев на своем участке. Работа над повестью не продвигалась. «Летом 1908 года, — пишет Ценский, — я поехал из Самары (точнее, со станции Кинель под Самарой) в Среднюю Азию, чтобы прояснить для себя тему «Печали полей»<sup>32</sup>.

Поездка была длительной и полной богатых впечатлений. Сергеев-Ценский посетил Ташкент, Коканд, Самарканд, Бухару, Красноводск, откуда по Каспию доплыл до Баку. Затем Ценский направился в Тифлис, провел там несколько дней, оттуда — в Батум и через Черное море возвратился домой. Свои впечатления об Азии писатель отразил в путевом очерке «Гробница Тамерлана».

Осенью 1908 года Сергеев-Ценский снова живет в Петербурге, работает над «Печалью полей» и одновременно создает жизнеутверждающий рассказ «Небо». Этот рассказ, написанный с чеховской простотой и ясностью, свидетельствовал о полном освобождении писателя от модернистских излишеств в стиле, о строгом реализме его письма. Высокую оценку рассказу дал В. Г. Короленко. Критик А. Дерман вспоминает: «...В. Г. Короленко передавал мне однажды содержание недавно прочитанного им рассказа «Небо». Глаза его положительно сияли восхищением, когда он говорил о тонком искусстве и простоте, с каким писатель, ни на йоту не погрешая против естественности, сделал в этом рассказе носителем и глашатаем высшей правды трехлетнего ребенка»<sup>33</sup>.

Этим ребенком был сын приятеля Сергеева-Ценского, художника Михаила Ивановича Сапожникова, Ленья. Себя писатель вывел в рассказе под именем дяди Черного. Маленький Ленья органически не выносит не только в жизни, но и в сказках ничего несправедливого, грубого, жестокого.

Он все это отвергает словом: «Не надо». Леня как бы олицетворяет собой совесть и гуманность человечества. И дядя Черный думает: «Пройдет лет двадцать. Дядя Черный станет седым и старым. Что, если услышит он вдруг, что стал ты среди жизни... и крикнул громко, на всю жизнь, как тогда на весь цирк: «Не надо?!...» Да ведь это слово людей гонимых и распинаемых,— но это большое и нужное слово... Леня!.. Не бойся, что, услышав тебя, над тобой рассмеются! Знай, что ты носишь в себе светлое будущее...»

Рассказ заканчивается надеждой, что скоро изменится русская жизнь, в ней не будет ни зла, ни насилия. Этого добьются такие правдолюбцы, как Леня, которые станут на защиту униженных и оскорбленных. От былого пессимизма Ценского не осталось и следа. Сам писатель считал этот рассказ характерным для своего творчества. «Прочтите хоть «Небо» из 4 тома, чтобы иметь обо мне представление»,— писал он Н. С. Клестову в феврале 1913 года. Позднее Сергеев-Ценский включил рассказ «Небо» в роман «Искать, всегда искать!», посвященный формированию новой, советской интеллигенции.

Повесть «Печаль полей» (1908—1909), названная писателем из-за присущего ей лиризма и тонкого психологизма поэмой, является одной из лучших в дореволюционном творчестве Сергеева-Ценского. «Предвкушаю наслаждение перечитать еще раз «Печаль полей», вещь, любимую мною»,— писал А. М. Горький Сергееву-Ценскому. В этой повести писатель во всем величии поставил тему родины, России, образ которой ассоциируется у него с образом бескрайних полей, замерших в печали от чего-то рождающегося и нерожденного. «Что-то хотела родить земля,— говорит писатель,— что?— не леса, не горы, не тучи,— что-то хотела родить и не могла». Сергеев-Ценский довольно прозрачно завуалировал здесь мысль о растущих тенденциях революционного преобразования русской жизни, которые проявились в революции 1905 года, но не нашли еще своего окончательного воплощения, «рождения».

С огромным чувством любви и грусти пишет Сергеев-Ценский о своей угнетенной родине, зажатой в тиски столыпинской реакции: «Поля мои! Вот я стою среди вас один, обнажив перед вами темя. Кричу вам, вы слышите? Треплет волосы ветер,— это вы дышите, что ли? Серые, ровные, все видные насквозь и вдаль, все — грусть безвременья, все — тайна,— стою среди вас потерянный и один.



Детство мое, любовь моя, вера моя! Смотрю на вас, на восток и на запад, а в глазах туман от слез... Я вас чую, как рану, сердцем во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, — ведь вы живые. Ведь ваши тоску-глаза я уже вижу где-то — там, на краю света. Только слово одно, — я слушаю... Нет! Передо мною пусто, и вы молчите, и печаль ваша — моя печаль.

Поля-страдальцы, мои поля, родина моя, я припал к сырой и теплой груди твоей и по-ребячьи крепко, забыв обо всем, целую».

И приведенный отрывок, и вся поэма в целом проникнуты предчувствием грядущих перемен. Ощущение неизбежности будущего составляет пафос поэмы, ее высокий лирический настрой.

В этом отрывке, как и во всей поэме, прослеживается прямое влияние лирических отступлений Н. В. Гоголя в поэме «Мертвые души», и в частности: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу... Полный недоумения, неподвижно стою я... и онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор?...» и другого — «И какой же русский не любит быстрой езды? ... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа...» Но в идейном отношении более этих пророческих предчувствий Гоголя близки Ценскому мысли Салтыкова-Щедрина, который в «Коняге» писал: «Нет конца полям; всю ширь и даль они заполнили... Золотящиеся, зеленеющие, обнаженные — они железным кольцом охватили деревню, и нет у нее никуда выхода, кроме как в эту зияющую бездну полей... Кто освободит эту силу из плена? Кто вызовет ее на свет?... А поле и поднесь своей сказочной силы не выдало, — той силы, которая разрешила бы узы мужику...»

В отличие от Гоголя и Щедрина Сергеев-Ценский намекает, что «освобождение» полей, России, уже близко, оно в руках самих «плодотворцев полей».

Выразителем чувства и мыслей народа является богатырь крестьянин Никита Дехтянский — «существо могучее, темное, пашущее, сеющее, собирающее урожай — плодотворец полей». В образе Никиты писатель запечатлел яркие национальные черты русского народа: Никита могуч, трудолюбив, добродушен и даже несколько вял. Он долго и терпеливо сносит насмешки над собой, но стоит ему выйти из себя, он преображается: становится быстрым в решениях, проворным и могучим в их исполнении, страшным для противников.

Образом Никиты Сергеев-Ценский открывает поэму, этим же образом он ее и заканчивает, изображая тем самым круговорот жизни и ее действительного хозяина: «Но поля понимали Никиту, и Никита понимал поля». Писатель показал, что судьба полей — России находится в руках бесчисленных Никит; только они способны «оплодотворить поля», чтобы создать на них новую жизнь.

Поэма контрастна. Миру природы, миру крестьянской жизни противопоставлен вымирающий дворянский род Ознобишиных. История этого рода составляет сюжетный стержень поэмы. Говоря о поездке в Среднюю Азию, писатель отмечал: «Поездка эта, начатая наудачу, оказалась удачной в смысле охвата всей темы издали и подбора деталей. Но сюжета у меня все-таки не было...

И вдруг по приезде в Петербург осенью этого года (1908.— П. П.) мне повезло: я услышал там в летучем разговоре о том, что жена одного профессора-экономиста, бывшая шесть раз беременной и рожавшая мертвых детей, умерла на седьмой беременности, и понял: сюжет «Печали полей» нашелся!»<sup>34</sup>

«Печаль полей» построена на этой фавуле: Анна, жена помещика Ознобишина, страстно жаждущая ребенка, беременна в седьмой раз. Но из-за того, что все дети до этого преждевременно рождались мертвыми, она полна страха и в своей неутоленной печали как бы роднится с печальными русскими полями. Но если печаль крестьянского мира происходит от трудностей рождения нового, то у дворянского класса — от сознания своего умирания, бесполезности для жизни. Вырождение дворянства писатель показал очень ярко. Помещик Ознобишин, муж Анны, строит винокуренный завод, но завод ему совсем не нужен, просто от прадеда достался сундук с деньгами, и, не зная, как их использовать, он по инерции, а не на правах хозяина жизни стал строить завод. Ознобишин не видит цели своего существования, чувствует себя лишним и ненужным: «...вся жизнь не то,— говорит он Анне,— вся жизнь какая-то подделка под жизнь, а жизни нет на самом деле...» Ему все опостылело, и он думает даже о самоубийстве.

В противоположность ему дед, здоровенный, широкоплечий, не поддававшийся старости и к своим восьмидесяти годам, казалось бы, знает смысл жизни, он находится в непрерывных разъездах: «Долго езжу, все езжу, смотрю... Видел много, а все не сыт...» Но у него совершенно атрофи-

ровались человеческие чувства: любовь, жалость, интерес к ближнему, остались лишь садизм и жестокость. Ознобишин-старший способен посадить раздетого связанного человека на муравейник и спокойно смотреть, как терзают муравьи голое тело, он может поджечь старику бороду, заставить мальчика-поводыря издеваться над слепым. «Хоть в падачи, — вот до чего дошел; костенею... Человека перестал чувствовать, — совсем...», — говорит он о себе. В имении живет и столетний прадед Ознобишиных, впавший от старости в детство, сохранивший одни лишь животные инстинкты.

Ознобишины сами сознают свою обреченность. «Если бы куда-нибудь уехать! Если бы можно было куда-нибудь, во что-нибудь другое уехать!» — думают они. Анна снова рождает мертвого ребенка и умирает. Род Ознобишиных должен прекратить свое существование. В конце произведения Ознобишин — обреченное — уезжает, Никита — здоровое — остается. В этом сказался новый оптимистический взгляд Ценского на крестьянство. В отличие от повести «Сад» здесь много светлых образов крестьян, которые работают на стройке завода, где были «бодрящее вино» жизни, «одно тело и одна душа». Следует также отметить, что Ценский осуждает толстовский путь «непротивления злу», идеи которого воплощает «проходящий» Игнат — искатель правды, места, где «без злобы люди живут». Беспочвенность мечтаний Игната о «царстве божьем на земле», желание его разрешить социальные противоречия через «всеобщую любовь» подчеркивается нелепой гибелью Игната на стройке.

В этой повести особенно ярко проявилась характерная для творчества Сергеева-Ценского черта: детальное знание того, о чем он пишет. Если он говорит о голубях, то не преминет перечислить, что это были трубачи и щиграши, чистые ленточные и ленточные тульские, монахи и галочки и т. д.; если упоминает садовые цветы, то назовет портулаки, левокю, ирисы, маки и многие другие; если говорит о работе плотников, то укажет, что они строгают лутки и фрамуги, тесали кроквы и мурлаты для кровли и т. п. Если в рассказе Ценского человек продирается через кусты, то читатель узнает, что это были заросли жасмина, чилиги и бирючины. Не всегда, быть может, такая детализация вызывается необходимостью, но несомненно, что читатель полностью доверяет знаниям и правдивости автора.

Сергеев-Ценский не был удовлетворен своим произведением. «Конечно, того, что есть в «Печали полей», мало, даже

больше чем мало, сравнительно с тем, что я хотел сделать,— отмечал он,— былая подавленность духа причиной тому...»<sup>35</sup>

Полностью освободился от этой подавленности Сергеев-Ценский в рассказе «Улыбки» (1909), до краев наполненным солнцем, морем, улыбками, ярким южным пейзажем. Сергеев-Ценский показал себя в этом рассказе изумительным мастером индивидуальной речи персонажей. Рассказы Тимофея, посредственного маляра и замечательного охотника, хочется процитировать все, настолько красочен и образен его язык. Полностью соглашаешься с автором, когда он говорит о Тимофее: «...и слова его для меня не слова: я их осязаю, вижу и боюсь, как бы не порвалось их цветное кружево...» Ценский дал и великолепную гамму улыбок пассажиров небольшой яхты. Все это создает у читателя светлое, жизнерадостное настроение и способность к восприятию красоты окружающей природы.

Осень 1909 года Сергеев-Ценский прожил в Петербурге. После написанного в два дня (18—19 октября) рассказа «Улыбки» Ценский приступил к работе над повестью «Движения», начало которой было опубликовано в первой книжке журнала «Современный мир» за 1910 год. Однако беспокойная петербургская жизнь, отсутствие возможности для творческого уединения не создавали условий для работы, и Сергеев-Ценский по рекомендации К. И. Чуковского поселился на даче в Куоккала. Здесь он познакомился с И. Е. Репиным. С тех пор весьма близкие отношения их сохранились вплоть до смерти Репина в 1930 году. Сергеев-Ценский с большой теплотой воспроизвел свои встречи и переписку с великим русским художником в книге «Мое знакомство с И. Е. Репиным» (1945).

Любовь к художникам и живописи не была для Сергеева-Ценского случайной. Еще с детства он увлекался рисованием. В 1884 году вместе с учениками начального училища он посетил в Тамбове выставку передвижников, которая оставила в его душе глубокий след. Работая учителем, Сергеев-Ценский в свободное время писал маслом этюды с натуры. Его близкими друзьями были художники Жудин и Сапожников. Став писателем, Сергеев-Ценский во время своих поездок по стране делал многочисленные зарисовки в записных книжках. «У меня была привычка делать это на палубе ли парохода, в вагоне ли, когда я ездил», — писал Ценский.

Очевидцы вспоминают, что до Отечественной войны стены дома писателя в Алуште «пестрели яркими пейзажами: поля без края, тревожный шум леса, широкая река... Гости спрашивали:

— Чьи? Какой художник писал?

Сергей Николаевич отвечал неохотно: «Мои». А потом, бывало, шутливо добавлял: «В молодости меня прочили в вундеркинды: писал стихи, рисовал, «подавал надежды» в музыке. Пришел к литературе от живописи»<sup>36</sup>.

Поэтому не случайно среди персонажей произведений Сергеева-Ценского нет ни одного писателя, зато выведено несколько художников. «Именно живопись, — подчеркивал Ценский, — определила многое в моих писательских средствах, в моем новаторстве, которое критикам того времени «резало глаза». «Поэтом красочных пятен» называли Ценского одни из критиков, другие же часто не понимали своеобразия, оригинальности его образов, созданных посредством «своего видения» предметов писателем-художником.

Сергеев-Ценский в воспоминаниях о Репине приводит такой эпизод: «Чуковский соблазнил меня идти кататься на лыжах... Когда мы отдыхали, сидя под соснами на пеньках, Чуковский сказал мне совершенно потухающим голосом:

— Я очень, очень устал... Я, должно быть, сейчас умру... А у вас в «Печали полей» сказано: «Снега лежали палевые, розовые, голубые...»

— Да, именно так и сказано, — подтвердил я.

— Сергей Николаевич, — обратился он ко мне очень нежно и ласково, — хотя бы вот теперь, перед самой моей смертью, скажите мне, что вы тут наврали, а снег — он обыкновенный, белый!

— Корней Иванович, — сказал ему я, — Платон — мне друг, но истина, — больший друг, чем Платон: снег бывает именно таким, как я писал, палевым, розовым, голубым.

— Так этот вот снег, — указал кругом Чуковский умирающей рукой, — какой же, по-вашему, — палевый, голубой, розовый?

— Снег этот явно зеленый, — ответил я, — и это вы должны видеть: ведь на нем отражается зелень сосен.

— А-а, — вскричал Чуковский, — та-ак! В таком случае пойдемте сейчас же к Илье Ефимовичу, и пусть он сам при мне вам скажет, что снег — белый...

Разумеется, он был недоволен, что его оторвали от работы, но Чуковский горячо извинялся, и вот я слышу:

— Илья Ефимович! Скажите, пожалуйста, хотя бы вы ему, вот этому, — тут широкий размах длинных рук в мою сторону, — скажите ему, что снег — белый!

— Корней Иванович, а вы учили физику? — вместо ответа спросил Репин.

— Учил, Илья Ефимович, я был в гимназии, — сказал Чуковский.

— Так почему же вы не знаете, что белого цвета в природе не существует...»

И писатель заключает этот эпизод словами: «Под защиту великого художника кисти пришлось нести такую обыкновенную, с современной точки зрения, фразу, как «снега лежали палевые, розовые, голубые», вызвавшую вопли критиков: «Де-кадент!»

Закончив весной 1910 года повесть «Движения», Сергеев-Ценский уехал «в долгую поездку по России» — в Сибирь. Он побывал во многих городах, доехал до Читы. Это путешествие дало ему фабулы повестей «Медвежонок» и «Наклонная Елена». Многочисленные поездки по России позволили писателю хорошо узнать все уголки страны. Он с полным правом мог сказать: «Я ее знал, жизнь дореволюционной России, не понаслышке; я ходил по земле, слушал говор народа, вглядывался в его жизнь не глазами постороннего, а душой и сердцем человека, никогда не отделявшего себя от людей, среди которых рос, воспитывался, мужал и благодаря которым стал писателем...»<sup>37</sup>

Из Сибири Ценский возвратился в Алушту, а в ноябре уехал в Петербург. Здесь в «Пале-Рояле» он близко познакомился с писателем Б. А. Лазаревским, семейная драма которого в дальнейшем стала фабулой романа «Валя». Опубликованная в 1910 году повесть «Движения» получила положительную оценку большинства критиков того времени. «Движения» — выдающееся произведение минувшего летнего сезона», — писал М. Морозов. «Движения» — самое значительное произведение «нового реализма» последнего времени», — подчеркивал Иванов-Разумник. В этом произведении, отмечал В. Кранихфельд, Сергеев-Ценский «показал себя во всех отношениях определившимся большим художником с тонким чувством жизни и поэзии природы...». «Удивительной повестью» назвал «Движения» уже в наше время П. Павленко.

«Движения» — это поэма о человеческой энергии, о красоте человеческого труда. Обрусевший поляк Антон Анто-

ных своим трудом и напористой, энергичной деятельностью составил себе большое состояние и, когда, казалось, достиг полного благополучия, вдруг потерпел крушение и своих идеалов, и своего дела. Конкретная социальная направленность повести проявилась в том, что писатель показал крах капиталистического накопительства, буржуазного дела, подчеркнул, что важны «движения» не сами по себе, а во имя чего, для каких целей они совершаются.

Мы не можем не восхищаться энергичностью Антона Антоныча. Он — поэт движения. Он не мыслит себя вне работы, искренне любит труд. Но, трудясь сам, он заставляет работать и все окружающее: «Ро-бо-та! О-о, это большое дело, как сказать!.. Человек — ро-бо-тай, лошадь — ро-бо-тай, дерево — рроботай, трава растет, как сказать,— и траву в роботу, гей-гей, шоб аж-аж-аж!.. Прело, горело, чтобы пар шел! Вот как надо...»

В апогее своего благополучия, имея четыреста пятьдесят тысяч состояния, Антон Антоныч покупает огромное имение Анненгоф в Прибалтике, и мы встречаемся с ним в тот момент, когда он приехал продавать свое прежнее владение. И здесь Антона Антоныча постигла неудача. Сосед помещик Веденяпин, жулик и проходимец, заставляет Антона Антоныча застраховать солому, а затем, во время его отъезда, поджигает скирды, и делает это так ловко, что подозрения падают на Антона Антоныча, и ему предстоит суд.

Потрясенный Антон Антоныч уезжает в Анненгоф, расположенный среди еловых и сосновых лесов, где царит вековая зеленая тишина. Писатель аллегорически показывает, что эта природная тишина постепенно побеждает энергию Антона Антоныча, который по инерции еще продолжает «двигаться». Он проектирует построить возле озера бумажную фабрику, сыроварню, создать огромную птицеферму. Но это уже движения на... «холостом ходу», так как практически проекты не могут осуществиться, ибо они должны служить прежней цели — личному обогащению.

Антон Антоныч — хищник, и писатель показывает способности капиталистического накопления: эксплуатацию человека и хищническое расходование ресурсов природы. Антон Антоныч безжалостно штрафовал крестьян за потраву, арендные деньги требовал вперед сполна, был скор «и на слово и на руку», земле не давал отдыха и каждый год выжимал из нее соки. «Он на все и на всех кругом смотрел

только как на средство разбогатеть». Антон Антоныч даже выработал свою философию: «...все люди друг дружке нужны, и ни один человек на земле зря пропасть не должен: кто ковать, а кто в огонь руки совать...»

Но когда состоялся суд и Антона Антоныча осудили как поджигателя, он вдруг понял, «что была осуждена вся его жизнь, каждый день и каждый час этой жизни, как-то бесповоротно осуждена, как будто дальше и жить стало уж незачем...».

Волнения, нервное потрясение, моральный крах и внезапное чувство полного одиночества в мире обострили таившуюся в нем болезнь — рак пищевода, и Антон Антоныч медленно умирает, все глубже погружаясь в тишину Анненгофа. Его дело терпит крушение: сыновья, в которых он надеялся видеть продолжение себя, не оправдали надежд. Средний сын, Кука, стал картежником, старший, Леша, связался с какой-то бойкой вдовой, а младший, Сёзя, вопреки воле отца пошел в юнкера. Некогда посаженный им стодеятинный сад вырублен и распахан, бумажная фабрика не строится, так как сыновья считают ее бесполезной затеей.

Антон Антоныч — представитель старого поколения капиталистических дельцов, которые, сколачивая капитал, не щадили и самих себя; он не умеет пользоваться изощренными махинациями позднейших хищников и даже вступает в столкновение с царскими чиновниками, от которых терпит притеснения. Эта неприспособленность Антона Антоныча к современным условиям капиталистической эксплуатации, опирающейся на государственный аппарат, является одной из причин его гибели. Здесь Ценский психологически правильно и одним из первых среди русских писателей поставил проблему отчуждения буржуазного человека в мире собственников. Как и Егор Булычов Горького, Антон Антоныч прозревает лишь во время болезни и все начинает видеть в другом свете.

Повесть насыщена яркими, красочными картинами быта и природы, в ней «густо была замешана жизнь», и на фоне этой густой жизни искрометно брызжет необычайно своеобразная, колоритная и образная речь Антона Антоныча. «Язык обрусевшего, «охохлаченного» поляка передан виртуозно, — писал К. Чуковский. — Можно подумать, что всю жизнь автор только на таком языке и изъяснялся. Это не... выписки из записной книжки, это подлинная динамика живой человеческой речи»<sup>38</sup>,



В повести «Движения» сказалась исключительная способность Сергеева-Ценского перевоплощаться в своих персонажей, жить их жизнью, их мыслями, делами. Он говорил: «...когда я писал своего Антона Антоныча, то до такой степени сжился с ним, что в разговорах со знакомыми в те дни иной раз невольно сбивался на польскую манеру говорить. И в моем голосе слышался польский акцент»<sup>39</sup>.

Если в повести «Печаль полей» Сергеев-Ценский показал вырождение класса помещиков, то в повести «Движения» он подчеркнул бесперспективность капитализма. Но что идет им на смену, писатель не сказал, так как сам не имел четкого представления о путях развития России. Тем не менее конкретный социальный смысл повести «Движения» не вызывает сомнений, поэтому нельзя согласиться с писателем, полемически заявившим в письме к критику Горнфельду: «Когда я писал «Движения»... я занят был не тем, чтобы доказать непрочность земного строительства... а занят я был только тем, как гармоничнее расположить три краски: зеленую (хвойная зелень, тишина, холод, смерть), желтую (теплота, сытость, мелькание, жизнь) и голубую (рок, бог, небо). Игра этих трех цветов и составляла для меня лично «движения», поэтому я так и озаглавил повесть»<sup>40</sup>.

Подобные утверждения вытекали из ошибочных взглядов Сергеева-Ценского, как и некоторых других писателей (Куприна, Бунина, А. Толстого, Шмелева, Пришвина), об аполитичности, беспартийности искусства и чисто художественных задачах, только которые и должен решать писатель в своем творчестве. Позднее Ценский выдвинул проект создания «вольной академии художников слова», чтобы наряду с «публицистической» критикой сами писатели занялись бы разъяснением читателям трех слагаемых, составляющих, по мысли Ценского, всякого беллетриста: «мироощущения, философии творчества и техники творчества». Однако мы видим, что произведения Ценского были наполнены острыми социальными вопросами, от которых он, как настоящий художник, не мог уйти. Да и в своем мировоззрении Сергеев-Ценский не был так аполитичен, как хотел представить. Это подтверждается следующим фактом. В октябре 1910 года он категорически отказался сотрудничать в кадетской газете «Речь», ответив редакции лаконичной телеграммой: «Ничего дать не могу». Но в то же время он передал лично знакомому ему большевику Вл. Бонч-Бруевичу написанное в 1905 году стихотворение в прозе «Когда я бу-

ду свободен», которое было опубликовано во втором номере большевистской газеты «Звезда» от 23 декабря 1910 года. В этом же номере была помещена статья В. Ильина (В. И. Ленина) «О некоторых особенностях исторического развития марксизма». Таким образом, Сергеев-Ценский, вопреки своему утверждению, разбирался в политических партиях, показав, что он придает большое значение печатному органу большевиков.

Стихотворение в прозе «Когда я буду свободен» было как бы 'ответом писателя на разгул столыпинской реакции. Посажённый в тюрьму революционер — «враг общества» — бросает своим тюремщикам полные гнева и силы слова: «Я из гибкой и острой стали выкую вам назло свои новые песни, когда буду свободен, и эта сталь пополам перережет ваши дряблые сердца, такие ненужные для жизни!..

Целый вулкан клокочет в моей груди, — он должен найти себе выход!»

Опубликование этого стихотворения в большевистской газете показывало, что произведения писателя могли быть использованы для революционной борьбы. Это хорошо почувствовала полиция: как только царская семья приехала летом в Крым, к Сергееву-Ценскому в Алуште явились трое околоточных надзирателей столичной полиции для наблюдения за писателем. «Я их в дом к себе не пускал, — писал Ценский, — и они в жару, в полной форме бродили по моей усадьбе, проклиная свою службу и умоляя меня поехать прокатиться куда-нибудь...»<sup>41</sup>

В 1910 году была написана и в 1911 опубликована в альманахе «Шиповник» повесть «Пристав Дерябин», в которой писатель правдиво раскрыл зверский облик защитника самодержавной власти пристава Дерябина, заявляющего: «Россия — полицейское государство... А пристав — это позвоночный столб, — факт! Его только вынь, попробуй, — сразу кисель!.. Полиция работает, ночей не спит, только от полиции и порядок...»

А. М. Горький в письме к писателю П. Х. Максимуму от 18 августа 1911 года, рекомендуя ему хорошо ознакомиться с русской классической литературой, советовал не спешить читать произведения современных писателей. Однако Горький настоятельно рекомендовал Максимуму найти и прочитать повесть Сергеева-Ценского «Пристав Дерябин»<sup>42</sup>. В этом произведении Горький видел продолжение Сергеевым-Ценским традиций русских классиков. Это первый известный

нам отзыв А. М. Горького о творчестве Ценского. В другом письме к В. Львову-Рогачевскому в сентябре 1911 года Горький с восхищением отмечает: «Какая сильная вещь «Дерябин»!»

В 1956 году Сергеев-Ценский дополнил повесть «Пристав Дерябин» девятью новыми главами и включил ее в эпопею «Преображение России», поэтому мы подробнее проанализируем ее в главе, посвященной эпопее.

В начале лета 1912 года Сергеев-Ценский снова отправился в путешествие, на этот раз в Архангельск, а потом по Волге спустился до Саратова и в начале июля возвратился домой. По-видимому, на материале этой поездки он думал написать ряд публицистических статей на близкую ему тему о положении в «стольпинской» деревне. «Статья моя (вернее, целый ряд статей) касается наблюдений над новой «хуторской» деревней», — указывал он в своем письме. И хотя замысел остался неосуществленным, а написанная в августе 1912 года статья не сохранилась, этот факт свидетельствует о том, что писателя по-прежнему горячо волновали злободневные социальные проблемы русской жизни.

В связи с организацией в конце 1911 года «Издательского товарищества писателей» в Петербурге, членом правления которого был Сергеев-Ценский, он писал заведующему издательством большевику-искровцу Н. С. Клестову (Ангарскому): «Как манифест в читающую публику должен подать каждый сборник наш; все живое и именно идейно живое должны мы объединить, и тенденциозны даже должны мы быть (в лучшем значении этого слова)»<sup>43</sup>.

Он горячо приветствовал также организацию В. С. Милюбовым «Ежемесячного журнала», популярного и дешевого журнала для народа, вместо закрытого ранее полицией «Журнала для всех». Сергеев-Ценский писал: «Теперь, пожалуй, популярный журнал имеет больше права быть, чем толстый, интеллигентский. Интеллигент завоеван уже газетами, а блузник... блузник оный чреват будущим! Аудитория благодарная, и для нее стоит работать. В «наше» время не было рабочих газет, а уж сколько они новых читателей подготовили, — не счесть! Желаю Вам огромной подписки, успеха и довольства»<sup>44</sup>.

В этом письме Ценский очень высоко оценивает роль большевистской рабочей печати — газет «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда», создавших и воспитавших миллионную массу новых читателей, которые хотели найти в

литературе ответ на самые острые социальные вопросы. Здесь же видна и новая оценка рабочих, за которыми Ценский теперь видит будущее России.

Изменение в мироощущении Ценского объясняется и изменившейся исторической обстановкой в России, где с 1910 года назревала новая революционная ситуация, и это почувствовали многие писатели. Так, Леонид Андреев писал в 1911 году Горькому: «Вид России печален, дела ее ничтожны и скверны, а где-то уже родился веселый зов к новой, тяжелой революционной работе. И по-настоящему сейчас в России грустят только ослы, а умные люди уже веселы. Время дружбы, время связей»<sup>45</sup>. Этим бодрым мироощущением и отличались произведения Ценского того периода.

Зимой 1912/13 года в Петербурге, а весной и летом в Алуште Сергеев-Ценский работал над романом «Преображение». В августе он выехал в Донбасс (в Макеевку и Юзовку), чтобы собрать материал для романа, задуманного еще во время поездки в Сибирь в 1910 году. Рудники в Донбассе принадлежали французским и бельгийским компаниям и очень тщательно охранялись полицией от проникновения в них посторонних лиц, могущих разоблачить каторжные условия труда рабочих в шахтах. С большим трудом, используя личное знакомство, Сергеев-Ценский получил разрешение всего один раз спуститься в шахту «Наклонная Софья». Но тем не менее костяк будущей повести определился, а для получения дополнительного материала Ценский поехал в Ростов-на-Дону и Екатеринослав (ныне Днепропетровск).

Произведения, созданные Сергеевым-Ценским в годы перед первой мировой войной, отличались строго реалистической манерой письма, свободной от импрессионистических элементов стиля и «зарева метафор», гуманистическим содержанием, большим художественным мастерством в композиции, сюжетостроении, языке.

В конце 1911 года были написаны стихотворение в прозе «Четыре подковы» и две поэмы в прозе — «Неторопливое солнце» и «Медвежонок». «Четыре подковы» и «Неторопливое солнце» проводят, по существу, одну идею: человеческое счастье заключается в возможности наслаждаться природой, жить простой жизнью, любить все окружающее. Героями рассказа «Неторопливое солнце» являются рабочие люди — дворник Назар, его жена Зиновья, печник Федор.

Много теплоты и поэзии привнес писатель в изображение одного дня их жизни, пока неторопливое солнце совершало

свой круг по небу, взирая на такую же неторопливую деятельность людей.

«Есть какая-то на земле своя солнечная правда,—говорит писатель,—человеку этого не дано знать, человек только чувствует это смутно, когда вдруг возьмет да поверит сказке о том, например, что никогда не разлюбит, никогда не состарится, никогда не умрет».

В рассказе «Медвежонок» отражены сибирские впечатления Сергеева-Ценского. Это реалистическое произведение было посвящено Илье Ефимовичу Репину. Рассказ вошел в первый сборник, который выпустило «Издательское товарищество писателей» в Петербурге в 1911 году. Здесь же были помещены рассказ И. Бунина «Ночной разговор», рассказ И. Шмелева «Пугливая тишина», роман А. Толстого «Хромой барин» и др. По поводу этого сборника М. Горький писал Миролюбову: «В самоиздательском сборнике превосходен Ценский. Шмелев — портится, Толстой — торопится. Сборник вывезут м. б. Ценский с Буниным»<sup>46</sup>.

Писатель с первых же строк рассказа вводит нас в своеобразные природные условия сибирского края: «Сибирь — большая; едешь-едешь по ней — день, два, неделю, полмесяца без передышки, без останова, — фу ты, пропасть: такая уйма земли — и вся пустая».

В затерявшийся в огромном пространстве городишко Аинск крестьянин Андрей Силин привез продавать чеснок, репу, уток и медвежонок, которого купил командир расположенного в Аинске пехотного полка Алпатов.

Вся жизнь городка была связана с этим полком, и Алпатов привык чувствовать себя благодетелем города. Это был крупный, осанистый мужчина пятидесяти трех лет, добродушный, компанейский, хороший семьянин, любящий своих десятирех детей, но в заботах о них забывающий разницу между своим и казенным карманом.

При прежнем командире бригады генерале Подгрушном, глубоком старике, который путал слова и уставы, забывал свои приказы и распоряжения, Алпатов считался одним из лучших командиров полков. Но вместо Подгрушного был назначен какой-то штабной генерал, который весной должен инспектировать полк.

А медвежонок между тем рос. Когда он стал душить домашних птиц, собак, его отправили в полк, и там солдаты научили медвежонок становиться в строй, отдавать честь и одновременно протягивать лапу за подающим.

Приехавший генерал неожиданно начал не со строевого смотра, а с хозяйственной ревизии, и тогда выявились многочисленные хищения, подставные счета, завышенные расходы, которые допустил заведующий хозяйством полка Бузун, но причастен к этому был и сам Алпатов, купивший лошадей и экипаж на деньги, предназначавшиеся для ремонта казарм и т. д.

На строевом смотре придирчивый генерал проваливал роту за ротой, выражая недовольство плохой подготовкой полка. Когда же генерал увидел на левом фланге одной из рот неизвестно как попавшего на смотр медвежонка, отдающего ему честь, возмущению его не было предела. Попытки прогнать медвежонка привели лишь к тому, что он бросился на генерала и разодрал ему щегольскую шинель. Медвежонка пристрелили. Разгневанный генерал кричал на Алпатова: «Под суд!.. Я вас — под суд!.. За растраты, за упущения, за... за... за... безобразие — под суд!»

Потрясенный Алпатов пришел домой и от кровоизлияния в мозг умер. Так Сергеев-Ценский показал крах патриархального быта России, крах армейского беззакония и лихимства. Правда, конец патриархальщины не явился следствием социальных потрясений, но писатель уловил неизбежность такого конца, показал непрочность российского бытия.

А в августе, когда полком командовал уже другой, в Аинск снова приехал чалдон Андрей Силин, по прозвищу «Деримедведь», привез на продажу мешок чесноку, горку репы, клетку уток, клетку цыплят и вдобавок к этому маленького сосунка медвежонка.

Этим приемом обрамления (как и в «Печали полей»), когда образом крестьянина начинается и заканчивается повесть, Сергеев-Ценский подчеркивает круговорот жизни, показывает, что только народ, его труд, его сила неизменны и прочны на земле. Они основа жизни, которая идет вперед, несмотря на личные трагедии.

Сергеев-Ценский скрупами художественными средствами создал психологически верные характеры действующих лиц. Вот соборный священник отец Герасим, который может прервать службу в церкви и, узнав, чье поминание у него в руках, закричать на старушку: «Так что ж ты мне, старая палка, что ж ты мне копейку, а? Копейку за сорок душ, а? Сорок покойников тебе поминать за копейку, ах, звал..»

И шваркнул, сердитый, поминание вместе с копейкой через всю церковь старухе в ноги». В этих немногих фразах раскрыт целый характер.

Колоритен образ казнокрада полковника Бузуна: «Был он беззаботно весел и прост, и даже молодые субалтерны, едва попавшие в полк, называли его не «полковник», не по имени-отчеству — Никита Фомич, а приятельски-ласково — Бубу. Было у него в разговоре множество присловий, вставок и обращений, кудрявых и мякнющих завитушек: дорогие мои, голуби мои, золото мое, сладость моя; и когда говорил он, можно было разглядеть его глаза, детски влюбленные в того, с кем он говорил. Два самых бойких трактира принадлежали ему, только торговали там подставные трактирщики — бывшие фельдфебели; лесной склад на окраине Аинска... был тоже его».

Но главная удача писателя — создание живого и яркого образа полковника Алпатова исключительно средствами реалистической типизации и символики. Не случайно критик С. Чацкина писала: «Ценский — едва ли не единственная гордость и лучшая надежда современной русской литературы»<sup>47</sup>.

Наполненная светлым чувством радости бытия, поэма «Недра» (1912) показала, что Сергеев-Ценский совсем по-другому решает теперь тему смерти. Смерть — не проявление судьбы, рока, а один из элементов круговорота жизни, ее поступательного движения, когда смерть «благославляет» любовь и новую жизнь. В «недрах жизни» все гармонично и согласовано. Пересказать содержание этой простой, ясной вещи и не нарушить в то же время ее очарования трудно. Она вся как бы спета на одном дыхании, пронизана одним весенним настроением.

В автобиографическом рассказе «Благая весть» (1912) Сергеев-Ценский описал день праздника благовещенья, проведенный им вместе с дворником Володей на даче в Крыму, когда он ждет «благую весть» о начавшемся изменении жизни.

В этом апофеозе природы и всего окружающего, когда хочется сказать: «Нет мира, кроме земного мира, и человек да будет поэт его!», звучит горьковский мотив красоты человеческого деяния. Писатель говорит о себе: «Мне, как начинается весна, неудержимо хочется для земли что-то сделать. Деревья я насажал на ней везде, где можно, и каждую весну почему-то стараюсь. Должно быть, у нас с землей

брачный союз, и каждая весна — пора моей сильнейшей любви к ней, и я не хочу оставить ее неплодной».

Здесь же прозвучал мотив отчуждения Сергеева-Ценского от буржуазного общества, отсутствия взаимопонимания между ним и представителями этого общества. Но для простых трудовых людей, как Володя, или для природы он свой. «Пусть я — чужой людям. Но морю, но горам, но этим моим пестролистным кленам, и ясеням, и туям, этим штамбовым чайным розам... — я родной».

И в этой философии писателя заключается прочность его мироощущения, его критического отношения и неприятия самодержавно-буржуазной действительности.

В начале 1914 года в журнале «Северные записки» начал публиковаться психологический роман Сергеева-Ценского «Преображение», который в отдельном издании 1923 года получил название «Валя». Это был первый роман будущей эпопеи «Преображение России», однако в тот период Сергеев-Ценский рассматривал проблему не в социальном, а в морально-этическом плане, как преобразование человеческой личности, как процесс самосовершенствования передовой части русского общества — интеллигенции. Подробнее об этом будет сказано в главе об эпопее «Преображение России».

В 1910 году во время поездки в Сибирь Сергеев-Ценский услышал ночью в поезде рассказ о попытке самоубийства горного инженера, который писал уже предсмертное письмо, но в этот момент на него напал рабочий, влезший в окно, и убил камнем. В 1913 году писатель видоизменил эту фантасию и после поездки на шахты в Донбасс написал повесть «Наклонная Елена», в которой снова обратился к теме рабочего класса.

В этой повести Сергеев-Ценский нарисовал картину нечеловечески тяжелого труда горняков в шахте и их ужасающей бедности. Честный русский интеллигент начальник шахты инженер Матиец (в поздних редакциях — Матийцев), чувствуя себя неспособным эксплуатировать рабочих ради прибылей хозяев, разочаровавшись в наличии справедливости в жизни, решил застрелиться. В тот момент, когда он писал последнее письмо матери, на него напал пьяный коногон Божок, уволенный до этого Матийцевым с шахты. В борьбе с Божком Матийцев почувствовал ценность жизни, обрел волю к ней и стремление сделать ее иной, осмысленной другими целями и задачами.



Этим произведением Ценский как бы полемизировал с повестью Вересаева «Без дороги», в которой интеллигент Чеканов гибнет от столкновения с народом; Матийцев же в результате такого столкновения обретает жизнь, причем понимает, что в случившемся виноват не Божок, не народ, а та социальная действительность, которая не дает задавленному эксплуатацией народу никакого выхода. Но уже тогда Ценский размышлял о дальнейшей судьбе своего героя. Он писал критику Колтоновской: «Инженер Матиец дан в «Наклонной Елене» как несложившийся еще зеленый мальчик, который впоследствии разовьется в крупную фигуру»<sup>48</sup>.

Повесть «Наклонная Елена» была опубликована в 1914 году как отдельное произведение. Позднее писатель включил ее в свою эпопею как первую часть романа «Преображение человека», вторая часть которого — «Суд» — была написана в 1953 году, где намечено превращение героя в профессионального революционера.

Почти во всех дореволюционных произведениях Сергеева-Ценского звучит тема необходимости и неизбежности преобразования русской жизни. Сам Сергеев-Ценский постоянно выделял эту особенность своего творчества. В письме к критику А. В. Прялкову он отмечал: «Ведь даже и молодые мои стихотворения в прозе и поэмы в прозе, как «Лесная топь», «Печаль полей», «Движения», «Молчалники», «Медвежонок» и пр., все на одну эту тему — «Преображение России»<sup>49</sup>.

Первым, кто почувствовал в Сергееве-Ценском писателя одной большой темы, был А. М. Горький. В письме 1912 года к беллетристу Недолину (псевдоним С. А. Поперека) Горький отмечал: «О Ценском судите правильно: это очень большой писатель; самое крупное, интересное и надежное лицо во всей современной литературе. Эскизы, которые он ныне пишет, — к большой картине, и дай бог, чтобы он взялся за нее! Я читаю его с огромным наслаждением, следя за всем, что он пишет. Передайте ему, пожалуйста, мой сердечный, глубокий поклон»<sup>50</sup>.

Весьма положительно отзывался о Сергееве-Ценском В. Г. Короленко, он подчеркивал, что это «писатель чрезвычайно интересный и тон его теперешних писаний очень хорош»<sup>51</sup>.

Высокую оценку творчеству Сергеева-Ценского дала и большевистская печать. Сергеев-Ценский, помещавший, как правило, свои произведения в передовых демократических

изданиях, охотно печатался в журналах «Образование», «Современный мир» (публиковавших статьи легальных марксистов), а также в большевистской газете «Звезда» (стихотворение в прозе «Когда я буду свободен»).

И хотя писатель был далек от марксистской идеологии и рабочего движения, он своим реалистическим творчеством содействовал росту общественного самосознания, отрицанию существующего социального строя России. Поэтому в газете «Путь правды» от 26 января 1914 года в статье «Возрождение реализма» автор под псевдонимом М. Калинин отметил: «Писателей, изображающих «грубую жизнь», теперь гораздо больше, чем было в недавние годы. М. Горький, гр. А. Толстой, Бунин, Шмелев, Сургучев и др. рисуют в своих произведениях... подлинную русскую жизнь со всеми ее ужасами, повседневной обыденщиной. Даже Сергеев-Ценский — один из бывших и несомненно наиболее талантливых русских декадентов — ныне определенно идет к реализму. Своеобразным жизнерадостным мироощущением проникнуты все его последние произведения»<sup>52</sup>.

Как мы уже рассмотрели при анализе произведений Сергеева-Ценского, отнесение его к декадентам, хотя и «бывшим», данное в первой части этой цитаты, не соответствует действительности. Но зато совершенно правильно он поставлен в один ряд с писателями-реалистами — М. Горьким, А. Толстым, И. Буниным — и подчеркнуто его жизнеутверждающее мироощущение.

Эта жизнерадостность, гуманизм, постановка острых социальных вопросов, связанных с настоящим и будущим России, русского народа, тонкий психологизм и лиризм творчества Сергеева-Ценского, его высокое художественное мастерство и глубокое знание народного языка позволили А. М. Горькому сказать: «... становится все яснее, — что в лице Сергеева-Ценского русская литература имеет одного из блестящих продолжателей колоссальной работы ее классиков — Толстого, Гоголя, Достоевского, Лескова»<sup>53</sup>.

#### Сноски

<sup>1</sup> Письмо Г. Г. Степанову от 15 июля 1950 г. — В кн.: Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 169.

<sup>2</sup> Вуль Р. О выступлениях С. Н. Сергеева-Ценского в 1905 году. — В кн.: «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Воспоминания современников». Тамбов, 1963, с. 163.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 193.

- <sup>4</sup> Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1966, с. 279—280.
- <sup>5</sup> Автобиография от 11 февраля 1945 г. ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 218 л. 6—7-об.
- <sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.
- <sup>7</sup> Сборник «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. I. М., 1956, с. 195.
- <sup>8</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.
- <sup>9</sup> Там же, т. 5, с. 378.
- <sup>10</sup> Рукописный отдел библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. Дернова, № 641, л. 1—2.
- <sup>11</sup> Блок А. Собр. соч., т. 10. Л., 1935, с. 53.
- <sup>12</sup> «Литературная газета», 16 июня 1951 г.
- <sup>13</sup> «Литературная газета», 20 октября 1940 г.
- <sup>14</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 210.
- <sup>15</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Неопубл. статья «Рассказ и роман». ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 213, л. 28.
- <sup>16</sup> Там же.
- <sup>17</sup> Письмо от 10 апреля 1907 г. ЦГАЛИ, ф. 1192, оп. 1, ед. хр. 23, л. 6.
- <sup>18</sup> Морозов М. Очерки новейшей русской литературы. СПб., 1911, с. 92.
- <sup>19</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Неопубл. статья «Рассказ и роман». ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 213, л. 27.
- <sup>20</sup> Письмо от 18 апреля 1910 г. ЦГАЛИ, ф. 1192, оп. 1, ед. хр. 23, л. 4.
- <sup>21</sup> Письмо Н. С. Клецову (Ангарскому) от 22 апреля 1923 г. ЦГАЛИ, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 60, л. 47.
- <sup>22</sup> «Дневник поэта». Архив писателя в Алуште.
- <sup>23</sup> Воровский В. Литературно-критические статьи. М., 1956, с. 175.
- <sup>24</sup> Письмо В. С. Миролюбову. Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР. Архив В. С. Миролюбова, ф. 185, оп. 1, л. 1051.
- <sup>25</sup> Там же.
- <sup>26</sup> Цит. по статье М. Горького «Издадека», статья V. «Запросы жизни», 1912, № 27 от 6 июля, с. 1572.
- <sup>27</sup> Письмо Н. С. Клецову от 20 февраля 1912 г. ЦГАЛИ, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 60, л. 10.
- <sup>28</sup> Приведено в кн.: Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч. в десяти томах, т. 3. М., 1955, с. 574—575.
- <sup>29</sup> «Лебедь», 1908, № 1 (октябрь), с. 33.
- <sup>30</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 136.
- <sup>31</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 215.
- <sup>32</sup> Там же.
- <sup>33</sup> «Литературное обозрение», 1940, № 21, с. 51.
- <sup>34</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. с. 215—216.
- <sup>35</sup> Письмо В. Е. Беклемишевой от 21 апреля 1909 г. Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина. М., ф. 9896, ед. хр. 34, л. 1-об.
- <sup>36</sup> Полянов Н. Домик в Алуште. «Огонек», 1945, № 43, с. 14.
- <sup>37</sup> Цит. по ст. Софронов А. Верность родине. «Литературная газета», 30 сентября 1958 г.

- <sup>38</sup> Чуковский К. Книга о современных писателях. СПб., 1914, с. 81.
- <sup>39</sup> Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (Письма и встречи). Краснодар, 1963 г., с. 120.
- <sup>40</sup> Письмо от 31 января 1914 г. ЦГАЛИ, ф. 155, оп. 1, ед. хр. 470, л. 8.
- <sup>41</sup> Письмо И. А. Ансабергу от 25 февраля 1953 г. «Известия АН Латв. ССР», 1960, № 5, с. 184.
- <sup>42</sup> См. Горький М. Собр. соч., т. 29, стр. 176.
- <sup>43</sup> Письмо от 23 февраля 1912 г. ЦГАЛИ, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 60, л. 11-об.
- <sup>44</sup> Письмо В. С. Миролубову от 16 октября 1913 г. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 1051.
- <sup>45</sup> «Литературное наследство», т. 72, с. 314.
- <sup>46</sup> Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 230.
- <sup>47</sup> Чацкина С. О пантеизме Сергеева-Ценского. «Северные записки», 1913, № 5—6, с. 234.
- <sup>48</sup> Письмо Е. Колтоновской от 25 апреля 1914 г. Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 629, № 30.
- <sup>49</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Воспоминания современников». Тамбов, 1963, с. 9.
- <sup>50</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3. М., 1955, с. 566.
- <sup>51</sup> Письмо Ф. Д. Крюкову от 14 июля 1913 г.— Короленко В. Г. Избранные письма, т. 3. М., 1936, с. 228.
- <sup>52</sup> «Дюктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». М., 1937, с. 15.
- <sup>53</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3. М., 1955, с. 595.

## Глава III

### ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА

Революция русская... Преображение из преобразений!

Когда началась первая мировая война, С. Н. Сергеев-Ценский как прапорщик запаса был призван в ополчение и направлен в Севастополь. В первые дни войны его, как и многих русских писателей (Л. Андреева, А. Куприна, А. Толстого, М. Пришвина, Ф. Сологуба, В. Брюсова и др.), в какой-то мере захватили шовинистические настроения. «Не знаю, придется ли мне быть в бою, — писал он Горнфельду в июне 1914 года, — но ничего против этого не имею».

Однако вскоре Ценский увидел империалистический характер войны и понял, что армия и готовящееся в тылу ополчение представляют собой не что иное, как пушечное мясо для огромной мясорубки войны, которая ведется ради чуждых народу целей. В письме к Н. С. Клецову от 29 мая 1915 года он пишет: «Хватить нас может на какой-нибудь час современного боя (что такое по нынешним боям 6-ти тысячный отрядец?), а до линии боев мы можем доехать за 3-4 дня; там мы и выполним в одно прекрасное время свое предназначение... Пополнять полки приходится ежедневно, и в иных частях давно переменялись все, начиная с командира и кончая последним кашеваром, только одно название части осталось, да знамя»<sup>1</sup>.

Служба в армии, сначала в ополченческой дружине, возглавляемой полковником Полетикой, а затем в запасном 400-м пехотном Хортицком полку, крайне удручала Сергеева-Ценского своей бессмысленностью, слепым подчинением уставам, оторванностью от привычных занятий.

Война обнажила язвы самодержавного государства, показала его гнилость, продажность правящих кругов и генералитета, казнокрадство, необычайный рост всякого рода хищников, которые наживались на народных бедствиях, делили все для своего обогащения.

Прямой и честный прапорщик Сергеев не мог мириться со стяжательством и казнокрадством, царящими в армии, и в частности в их запасном полку. Он резко выступил против этого. В феврале 1915 года Сергеев-Ценский пишет Н. С. Клеостову: «... найдите в книжных магазинах книгу Федора Купчинского «Герои тыла»\* и тут же пришлите мне. Дело в том, что мне пришлось столкнуться, и довольно крупно, с одним из своих начальников, который, говорят, фигурирует в этой книге. Кажется, дело дойдет до суда, а книга эта была бы мне большим подспорьем». Через неделю он снова напоминает о своей просьбе: «Эта книга мне чрезвычайно нужна, и без нее я почти погиб. Ради бога, пришлите немедленно»<sup>2</sup>.

Хотя Сергеев-Ценский не раскрыл, в чем заключалось его столкновение с начальством и с кем именно из многочисленных казнокрадов, названных в книге Купчинского, он вступил в конфликт, мы, в соответствии с романом «Зауряд-полк», в основу которого легли тогдашние наблюдения писателя, можем считать, что этот конфликт был аналогичен тому, который произошел между прапорщиком Ливенцевым и подполковником Генкелем, использовавшим службу в армии для наживы и устройства своего близлежащего имения.

Сергеев-Ценский всячески стремился вырваться из армии и среды разлагающегося офицерства. По-видимому исчерпав все другие возможности, он вынужден был летом 1915 года лечь в госпиталь в Севастополе и добиться освобождения «по болезни». В конце августа 1915 года Сергеев-Ценский был уволен в «бессрочный отпуск» и возвратился в Алушту, где безвыездно прожил вплоть до 1928 года. Такое «затворничество» сыграло свою отрицательную роль в формировании взглядов Ценского на происходящие события, что мы увидим далее.

Служба в армии в 1914—1915 годах дала Сергееву-Ценскому много нового материала, который он использовал поч-

\* Купчинский Ф. Герои тыла. (Очерки преступной деятельности чинов интендантского ведомства во время русско-японской войны), Спб., 1908.

ти через двадцать лет, когда приступил к созданию исторических романов о первой мировой войне («Зауряд-полк», «Лютая зима» и др.).

В творческом отношении период мировой войны для Сергеева-Ценского был почти бесплодным. Он считал, что война «упразднила искусство», а литература заняла чисто служебную роль, выполняющая специфические «заказы» армии. В воспоминаниях о переписке и знакомстве с А. М. Горьким Сергеев-Ценский так говорил о своем настроении в тот период: «Эта ужаснейшая и преступнейшая из войн не только опрокинула во мне с детства возвращенную любовь к культуре и уважение к ней, она меня совершенно опустошила. По-прежнему одиноко живший, иногда месяцами не говоривший ни с кем, я надолго замолчал и как писатель. Участие в каких-то журналах и альманахах, которые не способны ни в какой степени остановить, прекратить неслышанную и омерзительнейшую бойню, мне казалось тогда полнейшей чепухой, игрой двухлетних младенцев»<sup>3</sup>.

Интересно в этом плане отношение к войне двух крупнейших писателей того времени. Л. Андреев в статье «Пусть не молчат поэты» писал: «Главное заключается сейчас в том, чтобы заставить услышать войну, сосредоточить на ней и ее вопросах не только чисто внешнее внимание, но и внутренне глубоко ею заинтересовать, потрясти, взволновать»<sup>4</sup>. В противоположность этому Сергеев-Ценский в одном из писем подчеркивал, что «война раздробила мою... сущность не тем, что она — катастрофа для человечества, а тем, что она катастрофа в человечестве, не извне, а изнутри... воюю, следовательно, я — человек; убиваю, следовательно, я — человек; осмысленно разрушаю созданную десятками тысячелетий культуру, следовательно, я — человек... Этот новый для меня человек... показался мне столь омерзительным, что я вот именно теперь стал пессимистом, то есть перестал быть (на время, может быть) художником»<sup>5</sup>. Поэтому не случайно он отказался от приглашения Л. Андреева сотрудничать во вновь созданной «банковской» газете «Русская воля», не смог также участвовать в журнале М. Горького «Летопись».

В этот период Сергееву-Ценскому становится все яснее решающая роль в исторических событиях народных масс, народа, одетого в солдатские шинели. «Я читаю каждый день, — пишет он Клестову, — гениальнейшее по захвату

и масштабу произведение, представляющее продукт творчества миллиарда людей...»<sup>6</sup>

Изменяется и замысел романа «Преображение». Еще в начале войны Сергеев-Ценский указывал: «Будьте уверены, что теперь некому читать журналы и интересоваться какими-то «Преображениями» на бумаге, когда преобразается восchio жизнь». В дальнейшем Сергеев-Ценский начинает все отчетливее понимать, что главное не в преобразении личностей интеллигентов, а в преобразении самой жизни, что за поступками и судьбами отдельных людей, втянутых в водоворот исторических событий, видна судьба целой страны и эта судьба находится в руках народа. Еще более укрепила его в этой мысли начавшаяся в России революция.

Сергеев-Ценский, как и многие другие представители русской интеллигенции, страстно ненавидел прогнивший самодержавный строй, отрицал его в своем творчестве, жаждал изменения существующей жизни. Свержение царизма в феврале 1917 года он воспринял как большое и радостное событие. Но затем Сергеев-Ценский растерялся: не имея представления о том, как должно строиться новое общество, он пугался насилия над представителями старого мира, боялся разгула анархии в России и «гибели интеллигенции».

В феврале 1917 года он писал критику А. Б. Дерману: «Мне кажется, что предстоящий нам зимний, а затем и весенний сезоны будут ужасны. Это будет сплошной грабеж и погром. Погибнет интеллигенция русская, преклонявшаяся перед мужиком...»<sup>7</sup>

Все больше начинает бояться Сергеев-Ценский гибели и разрушения русской культуры в результате анархии, преувеличивает роль меньшевистских лидеров в революции («выпустили русские пары, с которыми они мало знакомы»), не понимая их предательской политики сговора с буржуазией. «...Где у других революция, т. е. переворот, — пишет он 14 октября 1917 года, — там у нас просто кавардак со стихиями. «Стихии» очень удобны, когда хотят объяснить анархию»<sup>8</sup>. И хотя Сергеев-Ценский здесь же подчеркивал: «...но сам лично я — не политик. Я только художник, даже тогда, когда ничего не пишу...», он в своих письмах отразил ошибочные взгляды, присущие в тот период большинству буржуазной интеллигенции.

Подобные взгляды разделяли многие писатели. Так, А. Куприн считал, что немедленное раскрепощение народа



может привести к анархическому бунту, и, опасаясь его, приписывал народу «страсть к разрушению». А. Блок в своих произведениях писал об историческом «возмездии» и о стихии, разрушающей старый мир. Даже А. М. Горький не избежал тогда ошибок. Он считал, что пролетариат не сумеет подчинить стихийную силу крестьянства сознательной революционной дисциплине. Поэтому самым надежным союзником пролетариата он считал не крестьянство, а интеллигенцию. Однако в отношении к ней народа Горький преувеличивал отдельные факты насилий и произвола.

Нечеткость во взглядах, мировоззрении Сергеева-Ценского в период революции и становления Советской власти усугублялась и очень сложной политической обстановкой в Крыму в 1917—1921 годах. Социалистическая революция произошла в Крыму значительно позднее: Советская власть была установлена в Севастополе 16(29) декабря 1917 года, а в Симферополе 13(26) января 1918 года, но уже во второй половине апреля началось вторжение в Крым немецких войск и иностранная оккупация, в ноябре на смену немцам пришли войска Антанты.

Интервенты были изгнаны в апреле 1919 года, когда в Крым вступили части Красной Армии. Но в конце июня 1919 года Крым был занят белогвардейцами, и только в начале ноября 1920 года Крымский полуостров был окончательно освобожден. 19 октября 1921 года была образована автономная Крымская советская республика.

Постоянная смена власти, правительств, жизнь по законам военного времени порождали анархию, злоупотребления властью, авантюризм. Об этом времени хорошо рассказывал сам Сергеев-Ценский в неопубликованной автобиографии: «Я должен сказать, что пережить годы 18-й, 19-й, 20-й и 21-й в таком маленьком пограничном городишке, как Алушта, с ее очень пестрым, но в основном татарским населением, было не то что тяжело, а почти ежедневно опасно для жизни, и то, что я все-таки уцелел тогда, я приписываю необыкновенному счастью, выпавшему мне на долю...» И Сергеев-Ценский далее привел три факта, когда его хотели расстрелять авантюристы, примазавшиеся к революции.

«Случай первый.

Меня окружают вооруженные люди в солдатских шинелях, по национальности поляки, все из местных лазаретов, где они лечились от разных болезней...

Довольно спокойно наблюдал я, как наводились на меня наганы и винтовки, как вдруг пронизал все мое спокойствие чей-то истерический женский крик: «Бросайтесь в окно! Вас хотят убить!»

Как подстегнутый этим криком, я растолкал обступивших меня и кинулся к окну, вскочил на подоконник и бросился со второго этажа вниз. Это было в марте 1918 года, мне шел 43-й год.. я не только не сломал себе ног, но даже мне удалось и скрыться.

В чем же было дело? Готовилась в Алуште Варфоломеевская ночь для интеллигенции, — о чем я узнал через несколько дней из газеты «Таврическая правда», издававшейся в Симферополе. Статья была гневная — Совнарком Крыма призывал к порядку инициаторов этого подлого дела. Как оказалось, в проскрипционном списке, состоявшем из 26 имен, мое имя стояло первым.

Случай второй. В числе тех, которые хотели меня убить (и стреляли мне вслед, когда я выпрыгнул из окна), был некий Танаевский, устроившийся начальником милиции Алушты. Спустя некоторое время, когда я вернулся к себе на дачу, оказалось, что образовался в Алуште какой-то штаб восставших против Советской власти, а из Ялты шел умирять восстание большевистский отряд в полторы тысячи человек. И вот Танаевский, успевший уже переметнуться, узнает, что я вернулся, и приходит к мысли, что меня надо непременно уничтожить, как живую против него улику, если придет большевистский отряд. Дело в том, что после неудачи с Варфоломеевской ночью в Алуште, получились одна за другой две телеграммы от Совнаркома Тавриды, чтобы вернуть мне конфискованное у меня имущество, а также оставить неприкосновенной мою личность.

Я стоял недалеко от своей дачи на горе и смотрел вниз на пристань, к которой пришвартовывалось какое-то мелкое военное суденышко, а в это время около меня появились два конных милиционера-татарина и, не зная меня, спрашивают у меня же, где тут живет какой-то писатель Ценский, которого начальник милиции Танаевский приказал им гнать нагайками до самой Алушты, а если он не захочет и под нагайками бежать в Алушту, застрелить его... Вдруг раздался выстрел от пристани по Алуште... Милиционеры помчались вниз...

Случай третий. Через два дня после того я зашел переночевать в один из соседних домов, так как ночевать у себя было рискованно... Никто в доме не видел, как я вошел, — ни старуха, хозяйка дома, ни ее внуки.

Вдруг среди ночи кто-то принялся энергично стучать в дверь, крича: «Отворяй!..» Деваться мне было некуда... Я стал просто за дверь... Сквозь щель между дверью и дверной коробкой я видел, как хозяйка... впустила одного за другим пятерых вооруженных людей, между ними одного чрезвычайно смуглого в матросском бушлате...

— Вы здесь у себя кого-то прячете, нам известно.

— Я? Боже избави! Никого не прячу! — даже побожилась старуха.

И вот я слышу: «Ценского прячете! Где он?» — «Ни боже мой! Никакого Ценского у меня нет! Обыщите!..» И старуха со свечой вошла в ту комнату, в которой я стоял за дверью... Стоило только кому-нибудь отворить половинку двери... и все, — и я был бы уведен на шоссе и там застрелен...

Все осмотрено. Ушли посетители. Старуха заперла двери. Я подождал минуты две-три и покинул свое убежище. У бедной женщины от неожиданности выпала из рук свеча...

После того я получил из центра мандат о неприкосновенности, а от местных властей даже винтовку для самообороны...»<sup>9</sup>

Все это произвело на Сергеева-Ценского очень тяжелое впечатление и привело к отрицательному отношению к «совдепу». Ценский в ограниченном миреке Алушты и Кырма не смог правильно оценить эти единичные факты: он стал воспринимать их как свидетельство разгула анархии и безвластия по всей стране. Эти настроения еще долго довели над писателем и породили ошибки в его творчестве 20-х годов.

В конце 1918 года Сергеев-Ценский написал повесть «Капитан Коняев» о Февральской революции в Севастополе, во время которой погиб отставной капитан 2-го ранга Коняев, убежденный монархист и националист, защитник самодержавия. Позднее писатель переработал повесть и включил ее в эпопею «Преображение России» как этюд, предваряющий роман «Весна в Крыму».

В 1918 и начале 1919 года Сергеев-Ценский работал над продолжением «Преображения» — романом «Morituri», который позднее, после присоединения к нему второй час-

# 1. Преобразование

Ореченные на гибель Роман

(Роман)

Вопрос ~~и~~ Моритати

Орч

Свѣтлой горами:

Степной земли, и селасъ тотъ селъ „свѣтлой“ загубица и погубилъ, какъ все другія селы, выметеныя изъ оубога въ верховъ общества, перемѣнилась изъ сѣмьи и вѣнчанъ годоватъ въ чужіе чужь, и такъ утѣшались въ тѣмъ.

Но тотъ, кого называли свѣтлымъ годоватомъ, воевода братъ Иванъ Васильевичъ Худалетъ, хотѣлъ и зналъ, вѣдѣлъ такъ именно его называли, — не понималъ, въ чемъ оно свѣтло.

Онъ жилъ на свѣтлой улицѣ воеводъ въ соотвѣтномъ дворѣ въ тѣмъ же селѣ на улицѣ, въ томъ городѣ, на волости котораго онъ жилъ въ концѣ ноября арестованъ. Длинный Иванъ Васильевичъ стоялъ въ Никольскомъ дворѣ, обывало поговаривали о своей покойной женѣ.

Въ городѣ, нѣтъ было скандинавъ о Худалетѣ, тѣмъ же онъ въ своемъ дворѣ на улицѣ воеводъ: онъ тамъ же погубилъ тамъ, и то не всегда, — а жилъ въ городѣ, у воеводъ.

Это были хрупкій на видъ человекъ, блѣдный, длиннотелый, съ маленькимъ чужимъ теломъ и чужими волосами и крѣпкимъ спокойнымъ взглядомъ, нѣтъ было, тѣмъ же, годоватъ (вѣнчанъ) ~~нѣтъ было~~, длиннотелый воевода и воеводъ погубилъ тамъ, тѣмъ же одно это при первомъ взглядѣ на него напоминало Артема на испанскъ и суратно, — советамъ не имѣлъ вѣнчанъ воеводъ воеводъ воеводъ.

Какъ понималъ братъ погубилъ тамъ онъ считалъ воеводъ, крѣпкимъ по гадъ изъ замѣнѣ погубилъ воеводъ, нѣтъ не понималъ, воеводъ тамъ же, но не у него изъ воеводъ: годоватъ не было тамъ же, тѣмъ же, тѣмъ же, тѣмъ же.

Факсимиле первой страницы романа «Обреченные на гибель».

ти — «Выпадающие из гнезд», был назван «Обреченные на гибель».

Предстоящее вступление в Крым Красной Армии вызывает у Сергеева-Ценского необоснованные опасения: «Мне, побывавшему уже в переплете, — пишет он 11 марта 1919 года Дерману, — не о писании «Сев. рассказов» приходится думать, а об эвакуации из Крыма». На болезненную впечатлительность Сергеева-Ценского в этот период давила также сложная политическая атмосфера в Крыму, куда со всех концов страны сбежались антисоветски настроенная буржуазная интеллигенция и бывшие «столпы» общества.

Опасение Сергеева-Ценского пострадать от восстановления Советов в Крыму, конечно, оказалось ложным. Наоборот, Советская власть взяла писателя под свое покровительство. 8 мая 1919 года Алуштинский военно-революционный комитет выдал ему следующий мандат: «На основании предписания Симферопольского комиссариата просвещения от 25 апреля 1919 г. № 4 ...сим удостоверяется, что гражданин Сергей Николаевич Сергеев-Ценский как великий представитель русского искусства и замечательный русский писатель находится под высоким покровительством Советской власти»<sup>9</sup>.

Писатель мог спокойно работать над своими произведениями. Но трудное материальное положение мешало этому. Чтобы прожить, Сергеев-Ценский купил корову, сам пас и доил ее, обменивая часть молока у татар на хлеб. Помочь доить корову вызвалась знакомая Христина Михайловна Бунина, приезжавшая летом на дачу к соседям Ценского. В 1919 году она с десятилетней дочерью застряла в Крыму, после того как махновцы убили ее мужа инженера, выехавшего из Харькова после них. Христина Михайловна окончила в Петербурге высшие женские курсы и консерваторию. На почве общих интересов к литературе, живописи, музыке возникла между ними дружба, зародилась любовь, и в 1919 году Сергей Николаевич женился на Христине Михайловне. Кончилось его одиночество, возникла крепкая, дружная семья. В 1945 году Ценский писал об этом: «Женитьба на Христине Михайловне была величайшей удачей в моей жизни. Женщина огромной энергии, Христина Михайловна прекрасно разбиралась в этой житейской путанице, какая царила тогда и после кругом и в какой я лично неспособен был ничего понять. Взяв на себя все хозяйственные заботы, моя жена предоставила мне возможность писать — а это для

меня, прирожденного писателя-художника, было самое важное»<sup>11</sup>.

А обстановка в Крыму продолжала оставаться сложной. В конце июня белогвардейские войска заняли Крым. Сергеев-Ценский отрицательно относился ко всем действиям белогвардейцев. Несмотря на угрозы, он, будучи прапорщиком запаса, категорически отказался вступить в белую армию Врангеля. Сергеев-Ценский видел, что белогвардейцы не имеют поддержки в народе, что их неизбежно ждет гибель, потому что массы идут за большевиками.

Когда под мощными ударами Красной Армии в октябре 1920 года начали рушиться «неприступные» укрепления белой армии на Перекопе и среди белогвардейцев началось паническое бегство за границу, у Ценского не возникло даже и мысли покинуть родину. Он так вспоминал об этом периоде: «Когда армия генерала Врангеля покидала Крым, мне на Ялтинском шоссе встретился знакомый профессор, шедший за подводой с чемоданами.

— Куда это вы?

— За границу, за границу, Сергей Николаевич. А вы почему преспокойно разгуливаете? Красные уже в Перекопе.

— А я остаюсь.

— Как остаетесь?! — ужаснулся профессор. — Да ведь вас, как бывшего офицера, красные комиссары тотчас же отправят к Духонину.

— За что? Я против них не воевал. У Врангеля не служил. Нет, я не намерен бежать из России.

— Но России нет, Россия погибла, — твердил профессор.

— Вы говорите погибла?! Да, старая Россия погибла, а новая — идет. И я от нее никуда не побегу»<sup>12</sup>.

Сергеев-Ценский не совершил ошибки многих русских писателей — И. Бунина, А. Куприна, И. Шмелева, К. Бальмонта, А. Ремизова и других, ушедших за рубеж или временно, как А. Толстой и А. Белый, покинувших родину. Поэтому писатель мог позднее с гордостью сказать:

Мне не случилось родину терять  
И жить за рубежом не приходилось;  
Как мог бы я поверить и понять  
Чтоб там, за рубежом, вольнее сердце билось!  
Стыдом бы счел я верить в этот бред!

Осенью 1921 года в Крыму начался голод. Материальное положение семьи Сергеева-Ценского было очень тяжелым.

Еще 1 февраля 1921 года Сергеев-Ценский послал А. М. Горькому из Алушты телеграмму с просьбой сообщить, «нет ли возможности беллетристу существовать исключительно литературным трудом. Здесь писателю жить нечем». Однако в период гражданской войны книги Сергеева-Ценского нигде не переиздавались, новые произведения не печатались. Жить действительно было не на что.

В этой связи и нужно рассмотреть вопрос о предполагаемом отъезде писателя за границу. В конце 1922 года Сергеев-Ценский обратился к А. М. Горькому, Н. С. Ангарскому (Жлестову) и некоторым другим лицам с просьбой помочь получить заграничный паспорт и визу на въезд в Германию. Изучение переписки Сергеева-Ценского по этому поводу показывает, что такой шаг вызывался исключительно материальными факторами, а не политическими мотивами: никаких разногласий с Советской властью у писателя не было. Он сам подчеркивал это в письме Н. С. Ангарскому 22 апреля 1923 года: «Я, как Вам известно, аполитичен, за границу хочу поехать лечиться от безденежья русских издательств и своего собственного, так что причин для нецензурности моего выезда нет никаких»<sup>13</sup>.

Однако, несмотря на полученные визы и приглашение Горького из Германии: «Вам бы приехать сюда хоть на краткое время для того, чтоб издать здесь свои книги и тем самым закрепить за собою право собственности на них для Европы»<sup>14</sup>, Сергеев-Ценский не решался покинуть родину. Он писал об этом Горькому: «Я давно уже отвык от себя, как писателя, и вот уже 8 лет как живу физическим трудом, занимаясь маленьким хозяйством... Жить в Берлине будет для меня значить снова стать писателем — раз, эмигрантом — два, русским — три... Поневоле задумаешься над такой метаморфозой!.. Понятна поэтому моя нерешительность в вопросе о переезде за границу. Нельзя ли и печататься за границей и не выезжать в Берлин? Я мог бы Вам прислать для ознакомления и для начала листов 20 своих новых рассказов, которых здесь поместить было нельзя...»<sup>15</sup> Сергеев-Ценский пришел к окончательному выводу: «Я решил никуда за границу не ехать,— пишет он А. Г. Горнфельду,— а сидеть дома... Занимаюсь коровьим хозяйством, тем и существую». Так прожил Сергеев-Ценский до конца 1925 года. С января 1926 года он, после содействия М. Горького, стал получать академический паек, который дал писателю возможность существовать и заниматься литературной работой.

В период революции и в начале 20-х годов Сергеев-Ценский продолжал оставаться на точке зрения «беспартийности», на которую он стал еще в начале 900-х годов. Но теперь, в условиях победившей народной революции, подобная точка зрения показывала лишь слабость мировоззрения писателя, его неспособность понять новые условия жизни. «Я беспартийный,— пишет он Полонскому в марте 1926 года,— и всегда был беспартийным, и беспартийным останусь. Никто, конечно, не требует от меня партийности, и было бы странно, если бы требовали этого не только от меня, человека уже сложившегося, но и от всякого вообще художника слова»<sup>16</sup>.

В своем утверждении «надклассовости» литературы Сергеев-Ценский в 20-е годы сближался с идеями одной из литературных групп того времени — «Серапионовы братья» (Вс. Иванов, К. Федин, Н. Тихонов, В. Каверин и др.), хотя и не входил ни в какие литературные группы и объединения. Теоретик «Серапионовых братьев» Л. Лунц отстаивал независимость искусства от политики, проводил идею беспартийности художника, расходясь с главным положением марксистско-ленинской эстетики о том, что в классовом обществе нет и не может быть «нейтрального» искусства.

Но оставаться нейтральным наблюдателем было очень трудно. Сергеев-Ценский в упомянутом уже письме к Полонскому указывает: «Важно было для меня за годы революции сохранить... критерий событий *чисто художнический* (курсив Ценского.— П. П.). И это — в полном одиночестве. Это было не так легко, смею вас уверить. Нельзя было даже на час допустить себя преобразиться, наблюдая преобразование, ибо преобразиться самому значило потерять себя как художника». Однако события революции дали писателю совершенно новое понимание жизни и новое направление его творчеству. «И если я,— пишет здесь же Сергеев-Ценский,— вследствие невозможности печатать написанное, и терпел нужду, то *революции я все-таки могу быть только благодарен*. Роман «Преображение» я начал писать и печатать в конце 13-го в начале 14-го года. И вдруг — война, — чем не Преображение? И за ней революция русская... Преображение из преобразений!...»<sup>17</sup> (курсив мой.— П. П.).

Сергеев-Ценский, всегда исходивший в своем творчестве из жизни, стремится наблюдать за изменениями, происходящими в новом строящемся мире. Ограниченный рамками



жизни в Крыму и специфической местной обстановкой, он хочет знать, что делается за пределами Крыма. В октябре 1922 года он пишет А. Б. Дерману: «Так как Вы, наверное, уже в Полтаве, то я хотел бы получить от Вас ответы на несколько вопросов.

Вы проехали через несколько губерний... Каков мужик?.. На ком пашет... Довольный ли вид имеет обыватель? Благоговлеет ли существующий порядок?.. Уцелела ли в Полтаве какая-нибудь интеллигенция... Духовная жизнь в Харьковке?»<sup>18</sup>

Говоря о жадном интересе Сергеева-Ценского ко всему новому, что рождалось в стране, к становлению новых форм государственности и взаимоотношений между раскрепощенными людьми, мы в то же время не можем не отметить противоречивости во взглядах и поведении писателя, проявления брюзжания и недовольства окружающим. Отголоски личных неприятностей, перенесенных писателем в период революции и гражданской войны, сказывались не только в переписке Сергеева-Ценского, но, к сожалению, и в некоторых его произведениях 20-х годов.

В 1921 году была написана пьеса «Хозяин (Миллион и одно убийство)», которая впервые опубликована лишь в 1963 году. Действие происходит в Крыму в период белогвардейщины, когда Красная Армия уже подходила к Перекопу. Ценский показывает новые веяния в деревне, рост классового самосознания крестьян. Сход села Бешурани делает «пересмотр» святым, чтобы уменьшить число религиозных праздников, причем святых, которые «из помещиков» или «милитаристы», исключают из святцев.

Деревня классово разделена: на одной стороне бедняки — молодой крестьянин Филат, солдат Песнин, старики Федор и Проша, на другой — кулак Гордей и его сын Степан, поп отец Сергей. Дело доходит до рукопашных схваток. «Погоди, дай нашим прийти!» — грозит Гордею Филат. Он же объясняет Устинье, что сход был созван для агитации — «раскачку делаем навстречь нашим... Гонят добровольцев... Надо отседова нашим помочь дать...». Возвращающийся из плена солдат Петр Гирич заявляет: «Помещику теперь крышка, земля наша будет!..»

Однако далее Ценский повернул пьесу на путь мелодрамы: кулак Гордей, чтобы купить нового жеребца (взамен павшего), решает ограбить Устинью, которая продала перекупщикам кабана за миллион рублей. Когда воры лезут

к ней в дом, их убивает неожиданно вернувшийся муж Устины Петр — «хозяин».

Пьеса интересна постановкой темы деревни, изменившейся в результате революции, и была одной из первых попыток в литературе объяснить причину победы Советской власти на селе.

В 1921—1922 годах Сергеев-Ценский написал четыре небольшие повести — «Чудо», «Рассказ профессора», «Жестокость», «В грозу». Несмотря на разность сюжетов, их объединяет авторская позиция: при изображении событий гражданской войны и первых лет Советской власти писатель выделяет лишь элементы стихийности, произвола и жестокости.

В повести «Чудо» Сергеев-Ценский воссоздает обстановку в Крыму во время немецкой оккупации 1919 года. Идущий в Ялту катер наскочил на мину. Все пассажиры погибли, за исключением дьякона, который тяжело раненный сумел доплыть до берега, как раз против дачи хирурга Князева, который и вылечил его. В этом случае дьякон увидел чудо. И, едва оправившись от ран, он произносит в церкви покаянную речь, отрекается от своего сана и бесполезной прежней жизни и решает стать водовозом. Однако «за скандал, учиненный в храме», «отцы города» посадили его в немецкую комендатуру, а там о дьяконе забыли и не кормили три дня. В заключении дьякон пересмотрел всю свою жизнь и увидел, что он готовился быть только дьяконом и больше ничего не умеет делать и никем другим стать не может, а «раз есть церковь — должен быть и дьякон...». И когда его освободили, он снова пошел служить в церкви. Дьякон приходит к выводу: «Хоть и обманывает иногда вера, все-таки лучше верить, чем совсем не верить...» И хотя в повести разоблачалось духовенство — от приходских священников до служителей культа высшего ранга, все же она была шагом назад, по сравнению с такими антиклерикальными произведениями Ценского, как рассказ «Молчальники» или пьеса «Хозяин».

Повесть включала в себя также различные слухи, которые писатель, как уже указывалось, позаимствовал из рассказов бежавших в Крым «бывших», а также из реакционной буржуазной печати. Действия представителей революционной власти этими лицами истолковывались как грабеж, ущемление свободы и прав интеллигенции, и по их мнению, «только чудом может спастись Россия... а если не будет

чуда, значит, пришел час...». Но если отбросить эти наслоения, то мы увидим, что в разработке характеров персонажей, в их психологической характеристике, воссоздании места и времени действия, простоте письма Ценский остался таким же большим мастером, как и прежде, и создал художественное произведение, о котором М. Горький писал: «Прочитал Ваше «Чудо», очень хорошая вещь! Буду уговаривать американцев перевести ее...»<sup>19</sup>

Повесть «Рассказ профессора» состояла из четырех глав, но в 1924 году в сборнике «Недра» (кн. 4-я) были опубликованы только две первые, так как Сергеев-Ценский дал искаженную картину советской действительности. Повествование ведется от лица профессора, которого, конечно, не следует отождествлять с самим Сергеевым-Ценским. Здесь писатель использовал лишь свои наблюдения.

Герой повести — командир полка Рыбочкин. Он сын торговца, бывший офицер царской армии, один из предводителей банды зеленых. Рыбочкин перешел на сторону красных лишь тогда, когда они стали громить белогвардейцев, и дослужился до командира полка. Когда Рыбочкин был еще в царской армии, гадалка нашла у него на руке ярко выраженную «линию убийцы». Он поверил в это и в соответствии с предсказанием однажды беспричинно застрелил встретившегося ему горца, а затем действительно стал равнодушным убийцей.

Теперь этот авантюрист и карьерист представляет в крымском городке Советскую власть. За боевые действия на Пerekопе его должны произвести в командиры бригады.

К первым двум опубликованным главам Сергеев-Ценский сделал следующее примечание: «Предлагаемый отрывок из повести о Рыбочкине рисует фигуру этого случайного краскома в его собственном освещении. Двух мнений о нем быть не может: он достаточно красноречив и точен. В дальнейшем повесть дает его развернувшимся во всю ширь своей беспринципной механической и маниакальной натуры. В конце повести он, как злоупотребляющий доверием Советской власти и ее дискредитирующий, разъясняется и получает должное возмездие»<sup>20</sup>.

Однако, несмотря на подобное утверждение, автор создал повесть, в которой правда единичного факта была поставлена выше правды действительности. Сергеев-Ценский как бы забыл о типизации явлений, без которой невозможно создание подлинно реалистического художественного произведе-

ния. Ведь Рыбочкин был исключением, а не правилом. Об этом писал Ценскому В. П. Полонский, когда в начале 1926 года ознакомился с рукописью повести: «Эта вещь, объективно, независимо от ваших намерений, будет читателем воспринята как вещь контрреволюционная. И впечатление от нее будет тем сильнее, чем более мастерски она сделана. А сделана она замечательно. Передонов — ценок перед вашим Рыбочкиным. Но какой это вредный! Вам, очевидно, не везло в ваших встречах с революционерами: Рыбочкин ведь, если бы его не уничтожили бандиты, был бы расстрелян нами. Таких негодяев иногда порядочно примазывалось к армии и к Ч. К. — рано или поздно все они попадали под гильотину революции. Но неужели Вы встречали только таких?»<sup>21</sup>

Надо сказать, что в дальнейшем, после того как Сергеев-Ценский давно изменил свои неправильные взгляды, он снова вернулся к этому произведению. В конце 1945 года он записал в дневнике: «Из «Рассказа профессора» надо сделать для крымских сборников рассказ под заглавием «Белый офицер...» Таким образом, согласно этому замыслу Рыбочкин должен был выступить в своей действительной сущности как белый офицер, сознательно пытавшийся скомпрометировать командование Красной Армии. Подобные факты в период гражданской войны имели место, и при таком повороте сюжета рассказ был бы правдив и типичен.

Еще больше «правда факта» проявилась у Сергеева-Ценского в тот период в рассказе «Жестокость» (впервые опубликован в 1926 году в журнале «Новый мир» № 2 и 3). В основу этого рассказа положено описание отступления красных из Крыма в ночь на 21 июня 1919 года и захват членов уездного ревкома контрреволюционно настроенными крестьянами села Бешурани. Восставшие крестьяне жестоко расправились с комиссарами: их живыми закопали по голове в землю.

Объективизм, затушевывание классовой природы гражданской войны привели Сергеева-Ценского к существенным ошибкам. Он вывел в рассказе шесть комиссаров, но типизировал их по национальному признаку, а не по классовой принадлежности (хотя большинство из них выходцы из семей бедняков). В изложении биографий и в характеристике революционной деятельности комиссаров объективизм нарушается: писатель подчеркивает в них черты какой-то механистичности, автоматического выполнения директив, а не

проявление в их действиях и поступках глубокой идейной убежденности и ясно осознанной классовой необходимости.

Крестьяне также выступают как единая, нерасчлененная масса, в которой совпадают интересы и кулака Елисея и бедняка деда Никиты Фролова. Ценский показал, что восстание в Бешурани возникло из-за неправильных действий местного комбеда и ревкома, причем председателем ревкома был выведен бывший матрос-анархист с бандитскими замашками, а членами комбеда — братья-конокрады.

Объясняя свою позицию в рассказе «Жестокость», Сергеев-Ценский писал П. Н. Зайцеву в октябре 1924 года: «...не вижу в нем никакого выпада против Советской власти. Рассказ, по-моему, объективен. Ребят, которых казнят мужики, я, кажется, изобразил как художник, т. е. непредубежденно; карикатур я не делал... Никакой ненависти к коммунистам я своим рассказом не возбуждаю, это первое. А второе: не возбуждаю я ненависти или любви к мужикам. Мне казалось, что самый суд и казнь у меня изображены так, что только жаль мужиков, так же как и казненных...»<sup>22</sup>

Но Сергеев-Ценский не понял, что в рассказе является нетипичным не сам факт контрреволюционного восстания, а образы комиссаров, что члены комбеда (которые, возможно, и были в действительности такими) приобретали на страницах рассказа обобщающее значение, независимо от желания писателя, и тем самым приводили к неправильно изображению революции в деревне.

Суровой критике подверг этот рассказ В. П. Полонский, главный редактор журнала «Новый мир», в своем обстоятельном письме к Сергееву-Ценскому в феврале 1926 года. Он писал, что ему пришлось делать в рукописи («Жестокость» — чрезвычайно сильная вещь) купюры. «Мне, коммунисту, революционеру, было больно делать их в произведении большого мастера, который, несмотря на свой художественный талант, не смог дать правильное распределение света и тени, дал ряд совершенно ложных штрихов — и тем самым значительно ослабил силу своего произведения». Причину неудач писателя Полонский справедливо видел в том, что тот закупорил себя в Крыму, никуда не выезжал, и революция прошла в стороне от него, и рисует он революционные ситуации понаслышке, по информации людей, тем или иным образом от революции пострадавших. В заключение Полонский писал: «А если бы Вы проехали сейчас по

нашей стране да посмотрели, как буйно бьет молодая, зеленая жизнь на развалинах старины, как много нового и хорошего рождает каждый день — рядом с грязью и смрадом прошлого, Вы, может, тогда поняли бы мое чувство обиды, когда я вычитал в Вашей повести нелюбовь к революции. Возможно, что Вы, как и много других, материально пострадали. Но Вы — художник, Вы должны преодолеть в себе это личное и мелкое...»<sup>23</sup>

И хотя в своем ответе Сергеев-Ценский все еще продолжал отстаивать правду факта, заявляя, что он ни в коей мере не хотел бросить тень на Октябрьскую революцию, он вскоре — и под влиянием Полонского, и под влиянием критики этой повести в печати — отказался от своих взглядов. Позднее Ценский так объяснял свое пристрастие в тот период к трудностям жизни: «Я должен провести через горнило бедствий народ, который пришел к величайшим победам и весь мир привел к пониманию того, что доктрина коммунизма единственно возможна для преобразования жизни трудящихся народов мира. Великий подвиг Октября не был парадным шествием революционного народа. Это был трудный, страдальный путь»<sup>24</sup>.

В 1923 году Крымиздат выпустил отдельным изданием роман «Валя», который Ценский сразу же послал Горькому в Сорренто. Книга очень понравилась Алексею Максимовичу, и он советовал автору продолжать ее дальше до размеров «Войны и мира».

В 1923 году Сергеев-Ценский закончил вторую часть — «Обреченные на гибель». К этому времени у него уже изменился замысел цикла романов о судьбе русской интеллигенции. Эта тема в советской литературе начала 20-х годов становилась одной из главных. И хотя писатели различных направлений по-разному ставили и решали ее, для большинства из них стало ясно, что интеллигенция имеет свое будущее лишь в том случае, если свяжет свою судьбу с судьбой народа, примет активное участие в революционной борьбе.

В соответствии с этой мыслью Сергеев-Ценский и назвал роман — «Обреченные на гибель». Позднее писатель отметил: «Я назвал его так потому, что действующие лица, перейдя из романа «Валя», столкнулись с другими, столь же инертными, непригодными не только для преобразования их в активных борцов за дело революции, но и для всякого преобразования вообще»<sup>25</sup>.

В романе, рисуящем русское общество накануне первой мировой войны, Ценский показал, что среди безвольной и пассивной русской интеллигенции, обреченной ходом исторических событий на гибель, растут новые силы, которым принадлежит будущее. Таков образ большевика Худолея, который в дальнейшем станет профессиональным революционером, и художника Алексея Фомича Сыромолотова, обретающего новые творческие силы от связи с жизнью, с народом.

Размышления Сергеева-Ценского о судьбах родины и народа заставляют его обратиться к историческим темам, к образам гениальных представителей русского народа в прошлом, искать способы и формы изложения исторических событий, фактов, материалов и документов в беллетристических произведениях с сохранением всей специфики художественности. С этой целью, а также в противовес пропагандируемым в тот период взглядам пролеткультовцев и футуристов, резко отрицавших значение культурного наследия прошлого, Сергеев-Ценский в 1925 году пишет пьесу «Поэт и чернь» — о последних месяцах жизни, дуэли и смерти своего любимого поэта М. Ю. Лермонтова. До конца 20-х годов он создал еще две пьесы о Лермонтове, и мы рассмотрим их вместе несколько позднее.

В 1926—1928 годах Сергеев-Ценский написал несколько рассказов на крымских материалах. В части этих рассказов развивалась прежняя мысль Ценского о том, что революция и гражданская война вызвали в людях рост жестокости, преступности, падения нравственных устоев. В большинстве случаев носителями плохих качеств оказываются бывшие красноармейцы (рассказы «Назад к предкам», «Старый полоз» и др.), и их действия вступают в противоречие со старыми представлениями буржуазного гуманизма. Рассказ «Назад к предкам» по существу всего лишь злой анекдот, а в «Старом полозе» взята незначительная тема.

В рассказе «Павлин» (1928) воссоздавалась картина годового 1920 года в Крыму. Кругом царит воровство и жестокость. Сильные побеждают слабых. То же происходит и в природе: красивую, но бесполезную птицу — павлина убил хищный филин. «Слабые погибнут, сильные останутся! Закон!» — обобщает один из героев рассказа.

Три плотника — Максим, Лука и Алексей (рассказ «Сливы, вишни, черешни», 1928) — рассуждают о росте человеческой жадности, беспричинного зверства, хамства, воровства.

Особенно возмущается этим Алексей. Но когда его товарищи вышли из балагана, «Алексей внимательно поглядел на ящик новых трехдюймовых гвоздей, стоящий под верстаком, потом... решительно запустил правую руку в ящик, набрал гвоздей, сколько могла держать рука, и, отвернув фартук справа, проворно всыпал их в карман широких штанов...». Так собственнические инстинкты оказались сильнее благородных слов и пожеланий. А в рассказе «Мелкий собственник» (1928) писатель утверждает, что чувство собственности чуть ли не рождается вместе с человеком.

Сергеев-Ценский не сразу увидел в сложной обстановке ломки старого уклада зародыши нового, которые возникли в жизни молодого Советского государства. Характеризуя своеобразие того времени, В. И. Ленин указывал: «Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или цепи развития... Бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на пло-хо еще очищенной от щебня почве, всего важнее»<sup>26</sup>.

Обломки старого мира долгое время заслоняли от Ценского новую жизнь. Но было бы ошибкой утверждать, что все произведения Сергеева-Ценского 20-х годов были написаны в негативном плане. Писатель, всегда тесно связывавший свое творчество с жизнью, вдумчиво и честно постигавший ее, не мог не увидеть и того нового, что появилось в этой жизни. Таким новым была самоотверженная борьба народных масс с белогвардейцами.

В прекрасном рассказе «Живая вода» (1927), который Ценский называл поэмой, писатель с суровой правдивостью изобразил, как белые казаки с садистской жестокостью пытаются большевика Федора Титкова и его товарищей. «Когда захватили их в этой станице и связали им руки, их спросили коротко: — Большевики? Они ответили также коротко: — Большевики!»

Больше всего истязали Федора Титкова: ему переломали руки, сломали ребра, выбили зубы; он много раз терял сознание, и, когда снова приходил в себя, его опять жестоко били. Наконец всех вывезли за станицу, чтобы выбросить трупы в овраг. Здесь беспредельно мужественный и упорный Федор снова очнулся, тогда в него дважды выстрелили из винтовки, после чего сбросили с высоты. В овраге Федора



нашли крестьянки, у которых он попросил напиток. Ночью они отвезли его в больницу, но считали, что он там все равно умрет. Однако коммунист Федор Титков, отведав «живой воды» из рук народа, перенес нечеловеческие страдания, выжил к несказанной радости простых женщин-крестьянок, для которых он стал своим, родным. Идея этого рассказа — в торжестве правды коммунизма, в завоевании ею широких народных масс.

В рассказе «Младенческая память» (1926) писатель отметил изменения, которые происходят в жизни и психологии народа. Появились совершенно неизвестные в маленьких городах в дореволюционное время метеорологические и пастеровские эпидемиологические станции, везде делают прививки против болезней, а «тогда, тридцать шесть лет назад, прививок никаких... не знали». «Любопытный пошел теперь народ, и в науку верят...» — говорит один из персонажей.

Рассказ «Аракуш» (1926) ставит тему необходимости для человека мечты, стремления к чему-то светлому, лучшему. «Невыносимо без мечты... Тускло, тоскливо, очень душно...» Пусть даже это будет только мечта поймать мифическую певчую птицу аракуша, у которого двадцать четыре певчих колена, тогда как у самого знаменитого соловья всего лишь двенадцать. Старый птицелов Авдеич, который обрисован в рассказе необычайно тепло и душевно, пятьдесят лет надеется найти и поймать аракуша.

Так же светел и радостен мир природы, где происходит поединок домашней собаки Графа с гордой птицей грифом, посаженным в клетку («Гриф и Граф», 1927).

Таким образом, в творчестве Сергеева-Ценского во второй половине 20-х годов наметился перелом: он начинает отходить от изображения неустроенности и жестокости жизни в период гражданской войны и разрухи и подмечать новые веяния в советской действительности. Решающее значение имела здесь сама революционная практика социалистического строительства. В этой связи Сергеев-Ценский писал 20 января 1928 года И. Е. Репину: «А как Ваше здоровье, дорогой Илья Ефимович? Не позволит ли оно Вам летом прокатиться от хладнокровной Балтики к горячему Черному морю? Взглянули бы на Чертомлык, на Днепро и кручи... Увидели бы, какой такой там теперь Днепро-строй строят, как об этом пишется в газетах. Этим летом, если жив-здоров буду, разрешу и я себе глянуть на Но-

вую Россию, а то с моей горы ничего нового мне не видно...»<sup>27</sup>

Процесс эволюции миропонимания писателя совершался бы быстрее, если бы на Ценского не оказывала отрицательного влияния рапповская критика.

Романы Сергеева-Ценского «Валя», «Обреченные на гибель» и ряд рассказов этого периода были встречены критикой крайне недоброжелательно. Исходя из вульгарно-социологических схем о «чистой» пролетарской литературе, творцом которой якобы могли быть только выходцы из рабочего класса, критики этой группы обрушились на Сергеева-Ценского с обвинениями во «внутренней эмиграции», в «контрреволюционном бытовизме» и т. п. Некоторые критики, не стесняясь в выражениях, заявили, что «в лице С. Н. Сергеева-Ценского мы имеем писателя, являющегося выразителем обнаженно контрреволюционных настроений», называли его «мастером клеветнического извращения социальных перспектив». Высказывались утверждения о том, что Ценский «живет прошлым и хочет его воссоздать для борьбы с настоящим. Это, если угодно, реванш», а Бочачер даже заявил: «Творчество Сергеева-Ценского — идеологическая агентура классового врага...» И ни один из критиков не отметил прекрасного рассказа Ценского «Живая вода», как будто его и не было, хотя мы можем сказать, что этот рассказ был написан с позиций социалистического реализма.

Подобная критика рапповцев, ставящая целью «уничтожить» писателя-попутчика, шла вразрез с политикой партии в области литературы. В. И. Ленин еще в 1922 году подчеркивал: «Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»<sup>28</sup>. XIII съезд РКП (б) в мае 1924 года обратил внимание рабоче-крестьянских писателей на необходимость повысить художественный и идейный уровень своих произведений, отказаться от кружковщины. «Вместе с тем необходимо, — указывалось в резолюции съезда, — продолжать ведущуюся систематическую поддержку наиболее даровитых из так называемых попутчиков, воспитывающихся школой, товарищеской работой совместно с коммунистами»<sup>29</sup>.

Еще более четко эти задачи были сформулированы в резолюции ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», в которой, в частности, подчеркивалось, что в период пролетарской

диктатуры перед рабочей партией стоит вопрос о том, как поставить на службу революции техническую и иную интеллигенцию и идеологически отвоевать ее у буржуазии.

Эти решения партии, несомненно, оказали большое положительное влияние на Сергеева-Ценского и на других крупнейших писателей этой среды — К. Федина, А. Толстого, Л. Леонова, К. Тренева и других.

Необъективная, грубая критика глубоко ранила Сергеева-Ценского. В одном из писем 1928 года он с грустью признается: «Мои дела плоховаты. Высунулся я в прошлом году с «Обреченными на гибель», и начали меня травить в организованном порядке, а в «На литпосту» дописались до того, что и книги мои нельзя-де пускать в библиотеки. Вообще, туго»<sup>30</sup>.

Но критика наносила не только моральные раны. Она вызывала и практические шаги: произведения Сергеева-Ценского не издавались. Издательства на письма писателя не отвечали или присылали ответы с большими задержками. Для выезда из Алушты в Москву, чтобы лично установить контакты с работниками издательств, Сергеев-Ценский не имел средств.

Снова пришлось вмешаться в это дело А. М. Горькому, который 30 декабря 1927 года пишет А. Б. Халатову, тогдашнему директору Государственного издательства: «Дорогой Артемий Багратович, извините, что снова беспокою Вас. Необходимо обратить Ваше внимание на глубокую несправедливость, допускаемую кем-то по отношению к прекрасному писателю Сергееву-Ценскому. Его повести, его роман печатаются в «Новом мире», рассказы в «Красной ниве», роман «Валя» издан Госиздатом. Он превосходный техник, литературная молодежь должна учиться по его книгам.

Но вот издательство «Мысль» хотело издать собрание его сочинений, издало уже один том, а остальные кто-то запретил издавать. Почему? Если это начало борьбы с «частником» и Госиздат хочет сам издать ценные книги — я понимаю. Но так ли? Нет ли тут недоразумения, крайне обидного для автора?

И затем, как все писатели, он живет исключительно на свой литературный заработок. Зачем обижать полезного и ценного человека, который уже почти 25 лет работает, переведен на европейские языки?

Очень прошу Вас, А. Б., обратите внимание на этот факт. Было бы крайне приятно видеть Ценского напечатанным

в Госиздате так отлично, как печатается Мамин-Сибиряк, например»<sup>31</sup>.

Показательным по отношению к Сергееву-Ценскому является обсуждение в Госиздате пятилетнего перспективного плана выпуска классиков на 1928—1932 годы, происходившее на расширенном заседании Госплана 29 сентября 1928 года. После доклада Халатова и выступления Пиксанова было предоставлено слово В. П. Полонскому, который, в частности, сказал: «Что такое «классик»?.. Если Сологуб не «классик», почему «классик» Леонид Андреев?.. Я не возражаю против включения в план В. В. Вересаева, как «классика», но если включен Вересаев, почему не включен Сергеев-Ценский? Этот замечательный мастер — самый крупный осколок дореволюционного писательства. Он начинает принимать все более живое участие в нашем литературном движении. Только тем, что в Госиздате невнимательны к настоящим литературным вещам, можно объяснить, что в план его издания не вошли такие произведения, как «Медвежонок», «Пристав Дерябин» — высокие по искусству. Правда, не все вещи Ценского одинаково хороши, но у него есть настоящие, необычайно сильные произведения, которые, однако, не переиздаются»<sup>32</sup>. Полонского поддержал А. М. Горький.

С середины 20-х годов Сергеев-Ценский начинает работать над романами о первой мировой войне. С того момента, когда в произведениях Ценского начинает действовать русский народ, мы можем говорить о замысле цикла романов «Преображение России» как об эпосе. Для воплощения новых идейных замыслов нужна была и новая художественная форма, которая бы наилучшим образом их выражала. Поэтому Ценский, как и другие писатели, изображающие движение народных масс в революции (Серафимович «Железный поток», Фурманов «Чапаев», А. Толстой «Сестры» и др.), обратился к жанру романа-эпопеи потому, что эта форма давала возможность показать действительность в развитии, в становлении, давала возможность широко и глубоко показать, как народ идет к революции, к преобразованию всей жизни.

В этот период Сергеев-Ценский написал пьесу об Октябрьской революции, которая, к сожалению, не сохранилась и, по-видимому, утеряна с частью архива писателя, вывезенного фашистами в Германию. Мы располагаем лишь письмом Сергеева-Ценского к С. А. Обрадовичу от 12 ноября 1928

года, в котором писатель сообщает: «Из материала готового к печати и современного (или близкого к современности) у меня в данный момент есть только пьеса из эпохи Октября... Если она не отяготит сборника (в ней 3 1/2 листа), то напишите, я пришлю ее Вам»<sup>33</sup>.

Создание этой пьесы свидетельствует о том, что писатель упорно искал новые темы, стремился преодолеть свои ошибочные представления о советской действительности. Но Ценскому, как и большинству писателей старшего поколения, в первые годы существования Советской власти не удавались произведения на современные темы. Так, В. Вересаев, написавший в 1920—1923 годах роман «В тупике», в котором рассматривал революцию и гражданскую войну в Крыму собственно с тех же позиций, что и Сергеев-Ценский в «Жестокости» и «Рассказе профессора», после этого романа ничего не создал. «Писал почти исключительно детские и отроческие свои воспоминания... Есть у меня еще три статьи о Пушкине... Вот все, что могу предложить»<sup>34</sup>, — сообщал он в 1926 году Полонскому.

К. Тренев указывал, что «подлинно художественно изображать большие исторические события возможно, только отойдя от них на большое расстояние... иначе страсти и пристрастия участника события... затемнят и искривят зеркало»<sup>35</sup>.

К. Федин писал Горькому: «...здесь, в полунасмешку, зовут меня «академиком». Может быть, за то, что я... почти не прикоснулся к теме, с которой все мои однокашники давным-давно обвенчались, — к современности... Я отгораживался от нее умышленно, ожидая «своего времени»<sup>36</sup>.

Объясняя такое положение, А. М. Горький, который также не создал произведений на современную тему, пишет Федину: «... ведь писатель-то ныне работает с материалом, который зыблется, изменяется, фантастически соединяя в себе красное с черным и белым... И современное искусство слова еще не настолько мощно и всевластно, чтоб преодолеть эту сложность бытия...»<sup>37</sup>

Чувствуя «сложность бытия», Сергеев-Ценский переключился на разработку исторических тем. Но обращение к истории было вызвано, как мы уже указывали, и стремлением писателя понять истоки величайших преобразований в жизни народа, через историю подойти к изображению современности.

Пьесу Сергеева-Ценского «Поэт и чернь» (1925) соби-  
лась поставить в Москве 4-я студия МХАТа, но по разным  
причинам постановка не состоялась. В начале 1927 года  
Сергеев-Ценский послал рукопись пьесы М. Горькому. Озна-  
комившись с нею, Горький сообщил: «Пьеса показалась  
мне слишком «бытовой». Лермонтов засорен, запылен в ней,  
и явление Демона недостаточно освещает его». В другом  
письме он добавляет: «...мне кажется, что человек, который  
написал «Мцыри» и «Ночевала тучка золотая», был острее,  
непримиримей»<sup>38</sup>.

Горький правильно подметил основной недостаток пьесы.  
В ней изображены последние месяцы жизни Лермонтова  
вплоть до роковой дуэли с Мартыновым, но показаны глав-  
ным образом балы, пикники, гулянья на бульваре, кутежи  
и дана всего лишь одна сцена, изображающая творчество  
великого поэта, когда он ночью пишет стихотворение «Про-  
рок» и ему является видение — Демон.

Сам Ценский объяснял такое содержание пьесы тем, что  
он «хотел по мере сил и возможности восстановить Лермон-  
това как человека, а не дать только театральный персонаж  
на котурнах... Я изучил по возможности все, что осталось  
от Лермонтова и о Лермонтове, и ни один лермонтолог на  
чтении пьесы в «4-й студии» не упрекнул меня в невежестве  
по своему предмету...»<sup>39</sup>

В 1928 году пьеса вышла как повесть в Харькове, в изда-  
тельстве «Пролетарий». В связи с этим Сергеев-Ценский сде-  
лал незначительные исправления: раскрыл ремарки и пере-  
нес имена действующих лиц на концы фраз, но структура  
пьесы и ее диалоги остались без изменения.

В 1928 году Сергеев-Ценский написал пьесу «Поэт  
и поэтесса», а в 1929 году — «Поэт и поэт». Первая пьеса  
была выпущена в 1930 году отдельным изданием в виде  
повести, а в 1939 году «Московское товарищество писателей»  
издало все три произведения как роман в трех частях «Ми-  
шель Лермонтов».

Действие повести «Поэт и поэт» происходит в январе —  
марте 1837 года, когда Лермонтов стремится познакомиться  
с Александром Сергеевичем Пушкиным, над которым уже  
сгущаются трагические тучи. Лермонтову удалось увидеть  
Пушкина лишь издали на балу, а вскоре он узнает о дуэли  
и ранении Пушкина Дантесом и пишет свое знаменитое сти-  
хотворение «На смерть поэта».

В последних трех картинах-главах описывается арест

и допрос Лермонтова жандармами в связи с этим стихотворением и, наконец, высылка и отъезд на Кавказ Лермонтова, направленного прапорщиком в Нижегородский драгунский полк.

Сергеев-Ценский учел критику пьесы «Поэт и чернь», и теперь бытовая сторона жизни Лермонтова занимала второстепенное место, главное внимание было уделено духовному росту Лермонтова, как поэта и гражданина.

Повесть «Поэт и поэтесса» посвящена знакомству Лермонтова с французской поэтессой Адель Оммер де Гелль на Кавказе, а затем их встрече в Крыму, примерно за год до смерти Лермонтова\*. Автор показывает вначале Лермонтова таким, каким он бывал иногда: веселым, живым, способным на эксцентричные и мальчишеские выходки. Но затем постепенно выясняется, что все это напускное, что поэт жестоко страдает и от пошлого окружения, и от невозможности встретить человека, который бы его понял.

Образ Лермонтова в трилогии трагичен. С первого же момента появления поэта перед читателем последний чувствует его обреченность. Повести о Лермонтове интересны воссозданием правильного колорита эпохи и среды, они ценны как историко-литературный документ, с достаточной степенью правдивости создающий образ великого русского поэта.

В ноябре 1928 года Сергеев-Ценский пишет трагедию «Гоголь уходит в ночь», которая была выпущена как повесть лишь в 1933 году в издательстве «Советская литература». Этому изданию было предпослано предисловие автора: «Предлагаемая читателю повесть является 3-й частью трилогии «Ночь и Гоголь», в которой я усиленно пробую вскрыть причины трагедии Гоголя: его бессилие выполнить до конца задуманную работу — «Мертвые души». Под «Ночью» в своей трилогии я понимаю николаевскую Россию. Названия отдельных частей трилогии таковы: 1. Гоголь бежит от ночи. 2. Ночь настагает Гоголя. 3. Гоголь уходит в ночь».

Это была повесть о последних полутора месяцах жизни Гоголя (с января по 21 февраля 1852 года) в доме приятеля — графа Александра Петровича Толстого — ханжи и будущего обер-прокурора Синода. Гоголь предстает перед нами

\* В действительности Лермонтов не был знаком с Оммер де Гелль. Сергеев-Ценский в данном случае был введен в заблуждение литературной мистификацией П. П. Вяземского «Лермонтов и г-жа Оммер де Гелль» («Русский архив», 1887, № 9).

больным, капризным и очень религиозно настроенным человеком. Он постоянно рассуждает то о черте, о дьяволе, то на философско-религиозные темы. Эти разговоры всячески поддерживает его духовник — отец Матвей из Ржева. Гоголь не хочет переиздавать свои сочинения, о выпуске которых было уже объявлено в печати, думает выбросить из собрания сочинений «Вечера на хуторе близ Диканьки» и свои пьесы.

Не все нормально и в психике Гоголя, который морит себя длительным постом: у него начинаются галлюцинации, он слышит какие-то голоса.

Сергеев-Ценский почти клинически точно прослеживает все усиливающуюся депрессию и распад личности Гоголя\*. В припадке помрачения сознания Гоголь сжигает в печи вторую часть «Мертвых душ» и рукописи других произведений. Сначала Гоголь ужаснулся содеянному, но затем заявил: «Умирать, умирать надо!.. Что бумажные мертвые души, когда... у самого-то... у самого... мертвая душа!»

Гоголь умирает. Перед смертью он видит фантастическую пляску персонажей своих произведений.

Сергеев-Ценский показал сложный и трагический период в жизни Гоголя — период крушения всех идеалов и всего светлого, что было в его жизни и деятельности. Обычно исследователи творчества Гоголя очень глухо говорят об этом периоде и раскрывают трагедию Гоголя только как трагедию русской действительности того времени, как стремление Гоголя остаться в рамках самодержавно-полицейского государства. Ценский сделал смелую попытку показать Гоголя этого периода как человека, причем человека больного и глубоко несчастного, сознающего свою болезнь, но не желающего и не пытающегося бороться с нею, потому что у самого стала... «мертвая душа».

Поэтому нам кажутся неправомерными и неправильными упреки критиков Сергееву-Ценскому в том, что он не связал биографию Гоголя с исторической жизнью и, более того, что в повести якобы дано «смакование смерти как биологического факта». Безусловно, если бы Сергееву-Ценскому удалось осуществить свой замысел полностью и написать две другие части трилогии — «Гоголь бежит от ночи» и «Ночь наступает Гоголя», он создал бы разносторонний

\* Современная медицинская наука дала почти то же самое заключение о последних днях жизни Гоголя и причине его смерти (см. журнал «Наука и религия», 1967, № 1).



портрет Гоголя, показав писателя в расцвете творческих сил и поэтического гения.

1928 год можно считать переломным в мировоззрении Сергеева-Ценского. Огромное воздействие на него оказала правильная политика партии в строительстве новой жизни, победа сознательного начала над стихийной мелкобуржуазной анархией в результате успехов народа в социалистическом строительстве. Плодотворное влияние оказала и дружеская объективная критика его творчества Вяч. Полонским, Д. Горбовым, Н. Замошкиным, А. Лежневым, а также личные встречи с Полонским, Новиковым-Прибоем, Никандровым, Низовым, Замошкиным и другими, дружеское письменное общение с А. М. Горьким.

В результате всего этого Сергеев-Ценский пересмотрел свои прежние взгляды на социалистический гуманизм, революционную дисциплину. Позднее в набросках поэмы «Октябрь» он напишет:

Завоеванья Октября  
В жизнь проводи рукой суровой!  
Суровой, да!.. Железной, да!..  
Из слабости не выйдет силы.

Особенно большое впечатление произвели на Ценского грандиозные перемены в жизни народа. По этому поводу он писал в июле 1928 года А. М. Горькому: «Попробуй-ка другая, столь же огромная, и бездорожная, и дикая страна так же быстро перейти от анархии и разрухи к такому порядку, как у нас! Лично я тоже этому удивляюсь: это — факт неопровержимый, и в истории другого такого отыскать нельзя. Объясняется он, мне кажется, тем, что народ повел.

Пусть никаких других «чудес не совершается, достаточно и того, что есть»<sup>40</sup>.

Совершенно по-другому относится теперь Сергеев-Ценский к «правде факта». В мае 1929 года в беседе с начинающим писателем В. Д. Пушкиным он заявляет: «Сила художника не в натуралистическом описании факта, а в раскрытии его, в осмысливании. Художник, загораясь идеей, должен творить выше и дальше факта»<sup>41</sup>.

Особенно большое значение имела для Сергеева-Ценского встреча 16—17 июля 1928 года с А. М. Горьким в Крыму, в Ялте, совместная поездка на плато Ай-Петри и в Гурзуф. Горький советует Ценскому поехать по стране, посмотреть,

как преобразуется жизнь. «И у вас, в Крыму, — говорил Горький, — тут тоже нового всякого очень много, а ведь вы же хотите все это видеть своими глазами... Следует, имейте в виду, Сергей Николаевич, весьма следует почаще смотреть, что делается нового!..» О решающем значении для себя встречи с Горьким Сергеев-Ценский писал 5 октября 1928 года В. Полонскому: «С Горьким я провел в Ялте два дня. Он очень бодр и радушно настроен. Более четкого классового взгляда на лица, вещи и события, чем у него, я никогда ни у кого не находил»<sup>42</sup>.

По совету Горького Сергеев-Ценский уже в августе отправился на Кавказ — в Пятигорск и Кисловодск, затем проехал по всей Военно-Грузинской дороге. Эта поездка дала ему новые фабулы, а главное, обилие новых впечатлений создало у писателя настроение бодрости и желания работать для родной страны, для народа.

В этот период Сергеев-Ценский снова начал писать стихотворения и в одном из них («В горных лугах») отмечает:

Шаг мой все шире и шире,  
Гуще и выше трава...  
Славно б пожить в этом мире  
Век бы еще... или два!

Это жизнерадостное рабочее настроение писателя проявляется и в стихотворении «Изрезанный берег», где он пишет о вечном взаимодействии земли и воды, «зеленого и голубого»:

И если бы мне показалось на миг  
Сцепенье их праздной субботой,  
Сын бурного века, я бросил бы крик:  
«Вы что же там стали!.. Работай!..»

Таким входил Сергеев-Ценский в 30-е годы, годы первых пятилеток, годы невиданного индустриального строительства и трудового энтузиазма народа. От бывшего пессимизма и удрученности у него не осталось и следа.

В 1929 году после длительного перерыва Сергеев-Ценский приехал в Москву. Здесь он пробыл несколько недель, познакомился с редакциями издательств и журналов, договорился о своем участии в их деятельности. Возвратившись в Алушту, Сергеев-Ценский засел за работу, продолжая внимательно следить за всеми событиями в стране и за рубежом.

«Не писал Вам целую вечность — два года! — замечает Ценский в письме к Горькому в марте 1931 года. — Впрочем, наши два года это побольше, чем вечность! Необыкновенно много произошло за эти два года, страшно изменилась вся жизнь наша... Эти два года я просидел сиднем у себя дома и подготовил к печати 4 новых книги...»<sup>43</sup>

Советская действительность второй половины 20-х годов ставила перед писателями специфические задачи. Новый, советский читатель хотел видеть произведения, которые бы отражали героические усилия народа по преодолению хозяйственной разрухи, вызванной империалистической и гражданской войнами, показывали гигантский размах промышленного строительства в Советской России и роль народных масс.

«Сейчас, — писал А. В. Луначарский, — к литературным задачам мы должны подходить несравненно шире. Наша страна нуждается в самопознании, в анализе всего нашего быта, нового человека и его сознания в новых условиях... Читатель жаден и ждет познания нашей действительности через литературу... Продукция, удовлетворяющая социальный заказ, должна быть прежде всего художественно свободной. Но старый писатель, пришедший из прошлого, не слышит этого основного заказа. Удовлетворяясь частностями, он обходит гигантские запросы»<sup>44</sup>.

Сергеев-Ценский, однако, уловил это требование времени. В начале 30-х годов он создает рассказы, посвященные преодолению пережитков прошлого в сознании людей — собственности, стяжательства, мещанства, рисует образы новых людей и новые элементы быта, пишет пьесу о колхозном строительстве.

Сергеев-Ценский все с большей радостью и гордостью наблюдает за расцветом жизни в родной стране, сравнивает его с упадком и кризисом в Западной Европе. Он пишет Горькому: «Читаю Ваши статьи в «Известиях» и все больше убеждаюсь, что закат Европы близок. Как бы «скучно» мы ни жили, но безработных у нас нет — это факт, и у нас, во всяком случае, есть все данные к полному довольству в ближайшие годы, а на Западе количество безработных будет неизбежно расти, и это вызовет бурю».

В этом же письме Ценский спрашивает Горького: «Собираетесь ли в этом году посмотреть на достижения? Надо бы, надо, если позволит здоровье! Очень много нового. Даже и у нас в Алуште теперь колхоз «Память Ильича», а около

табачный совхоз и на Кастели куриный. В одном табачном совхозе до 1800 рабочих,— все молодежь. Посмотришь кругом на этот океан молодежи, совершенно невообразимый раньше, и думаешь: «Статистика не точна. У нас не 160 миллионов вообще населения, а 159 миллионов молодежи, и только один миллион приходится на пожилых, на стариков, на инвалидов. В конце концов, этим-то именно и объясняются наши успехи и наш энтузиазм»<sup>45</sup>.

Сергеева-Ценского неудержимо потянуло поехать по стране, обязательно самому повидать все перемены, происшедшие за годы Советской власти. В 1931—1932 годах он в качестве корреспондента «Известий» посетил стройки пер-



*С. Н. Сергеев-Ценский с группой писателей (30-е годы).*

вой пятилетки в Харькове, Днепропетровске, Керчи, побывал на Днепрогэсе и во многих других местах. «Не видя этихстроек и их строителей,— объяснял позднее Сергей Николаевич,— я не смог бы продолжить эпопею! Мне нужно было самому повидать все новое, растущее в годы наших славных пятилеток, посмотреть жизнь народа, поговорить с людьми!...»<sup>46</sup>

23 ноября 1932 года в газете «Известия» была опубликована обстоятельная статья Сергеева-Ценского «Харьковский тракторный». Отметив сказочную быстроту строительства («завод вырос за один год»), огромное количество занятых на нем рабочих, прекрасный благоустроенный поселок для рабочих со столовыми и магазинами, дома с отдельными квартирами для семейных и т. д., Сергеев-Ценский указал также и на недостатки, допущенные в ходе строительства. Статья горячо обсуждалась рабочими и инженерно-техническим персоналом завода, она помогла им устранить многие упущения и недоделки.

В 1931 году Сергеев-Ценский получил в Москве квартиру и стал ежегодно проводить здесь зиму, занимаясь творческим трудом, посещая редакции. Один из старейших работников «Нового мира» Н. П. Смирнов вспоминает: «Ценский стал бывать в «Новом мире»... в 1931—1932 годах. Он производил впечатление некоторой величавости и тяжеловесности. Говорил он довольно скупой, явно дорожа словами, чувствовал себя среди литераторов как-то неуютно. Во всем его поведении сказывалась большая замкнутость»<sup>47</sup>.

Замкнутость Сергеева-Ценского явилась следствием не только долгого затворничества в Алуште, но проистекала также и от того, что критика продолжала по-прежнему крайне резко нападать на писателя, умышленно не замечая происшедших в его творчестве перемен. Под влиянием многочисленных статей рапповских критиков, опубликованных в газетах и журналах в 20-е годы, у читателей создавалось неправильное представление о творчестве писателя, а о самом С. Н. Сергееве-Ценском складывалось мнение как о человеке, далеком от советской действительности, от повседневной жизни страны, разрабатывающем преимущественно темы прошлого.

На самом же деле, как мы уже видели, С. Н. Сергеев-Ценский с большим вниманием и интересом постигал новую жизнь и стремился отразить ее в своих произведениях.

В творчестве Сергеева-Ценского конца 20-х — первой половины 30-х годов можно выделить несколько основных тем. Это прежде всего обличение мещанства, обывательщины, пытающихся приспособиться к новым условиям, данное в рассказах «Блистательная жизнь» (1928), «Как прячутся от времени» (1929), «Воспоминания современников» (1933), «В поезде с юга» (1934).

Герой рассказа «Блистательная жизнь» Мирон Мироныч Гуржин, писец страховой конторы в провинциальном городке, всю жизнь, как крот, просидел в своем домике, напряженно решая такие жизненные проблемы: «как и чем отклонить грозящую неприятность: молчаливостью, вежливым поклоном или же положиться на проворство ног». Важнейшие внешние события — война, революция — шли мимо него и его жены Феоны Петровны. И только в гражданскую войну эта «блистательная жизнь» мещанина потерпела крах: белые разграбили их домик, и они были вынуждены бежать. Но автор не верит, что эта чета могла бесследно пропасть: «Она непременно укрепилась где-нибудь в другом месте... и если вы знаете, где живут они теперь... то сообщите мне об этом». Автор подчеркивает невероятную силу приспособления мещанина к любым условиям существования. Писатель говорит об этом же и в рассказе «Как прячутся от времени». Задача мещанина — урвать для себя кусочек побольше, причем безразлично, какими средствами это будет достигнуто: можно снять в аренду старое кладбище и вторично продавать «бесхозные» памятники, а можно быть одновременно попом, сторожем, каменщиком и всем чем угодно, лишь бы была от этого выгода. Прячась от времени, мещанин развивает перед членами семьи свою индивидуалистическую философию: «Вы живете как на острове, и должны все держаться друг за друга зубами и помогать...»

Обыватель всегда старается найти в других людях только отрицательное. В рассказе «Воспоминания современников» три человека — маляр, рыбак и письмоносец — в воскресный день предаются воспоминаниям, но память подсказывает им только такие случаи, которые рисуют человека плохим, сами же рассказчики в своей жизни следовали правилам премудрого пескаря. «Я всегда за других ховался, а наперед никогда не лез», — говорит бывший матрос Курутин. В рассказе «В поезде с юга» действует дипломированный мещанин инженер-строитель Мареуточкин, который забыл свое боевое прошлое и находится во власти донжуанских увлечений, желая жить в комфорте, хорошо кушать. Все это Мареуточкин пытается прикрыть демагогической фразеологией о необходимости пролетариату для своего утверждения в мире иметь многочисленное и здоровое потомство.

В непосредственной связи с темой мещанства стоит проблема собственности, так как в накопительстве, приобре-

тении собственности мещанин видит главную цель своей жизни. Сергеев-Ценский задумал в начале 30-х годов цикл произведений «Мелкие собственники» и написал часть рассказов и повестей. Таковы «Мать и дочь» (1931), «Кость в голове» (1932), «Маяк в тумане» (1933).

В рассказе «Мать и дочь» автор очень ярко показал, как стремление к собственности погубило жизнь человека, хотя жажда накопления и прикрывалась высоким чувством материнской любви. Штукатур Павел («Кость в голове»), честный, отзывчивый человек, не способный к обману и подлости, также изломал свою жизнь, случайно став владельцем собственности. Здесь же проводится мысль, что личного счастья не может быть без участия человека в общественной деятельности. Рассказ Павла о своей жизни напоминает по сказовому стилю «Очарованного странника» Н. С. Лескова.

В этом рассказе Сергеев-Ценский затронул также тему революционного брожения среди матросов и таинственного взрыва на севастопольском рейде крейсера «Мария». В дальнейшем писатель использовал этот эпизод в самостоятельной повести «Утренний взрыв» (1951), которая вошла в эпопею «Преображение России».

С наибольшей силой показал Сергеев-Ценский губительное влияние собственности на человека в рассказе «Маяк в тумане». Крестьянин Пантелеймон Дрок, поселившийся в Крыму, задался мыслью во что бы то ни стало построить на принадлежащем ему участке земли дом и создать крепкое хозяйство. Все это он должен сделать своими руками, без применения наемной силы, чтобы потом не смогли обвинить его в эксплуатации других людей. Надрываясь, Дрок работает буквально день и ночь. Он на себе перетаскал в гору кровельное железо, бутовый и строительный камень, кирпич, дерево. Дрок сам, с помощью жены, днем строил дом, а ночью вскапывал киркой и лопатой участок. «Я же работаю как скаженный, — говорит он. — И так, что, бывает, встану ночью, сижу на кровати, а сам себя ругаю: и ноги у меня больные, и руки болят, и спину мою ломит, и цапать идти надо, и до того даже, что я уже с вечера ищущую, как бы мне с женой поругаться!» Наконец неимоверно тяжелые труды Дрока увенчались успехом: дом построен, в сарае стоит корова и телка, на участке растут кукуруза, пшеница, табак. Однако это не приносит Дроку желаемого спокойствия. Его начинают преследовать несчастья: дети (а их у

Дрока шесть человек) ломают себе руки, падают в колодец, подрываются на гранатах. Сам он, надорвавшись на поле, заболел. Корова подохла. В довершение всех бед сгорел дом со всем имуществом. Дрок от горя обезумел. Все его труды-мучения оказались напрасными. Он решает бросить жену с маленькими детьми и уйти куда глаза глядят, — пусть они живут как знают, пусть помирают с голода, так как помощи ему ждать неоткуда, а власть якобы заберет даже земельный участок. Это состояние Дрока хорошо подтверждают слова В. И. Ленина о мелком хозяйчике, «который взбесился... от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой»<sup>48</sup>.

В этот критический момент приходит Дроку на помощь Советская власть. Председатель горсовета коммунист Опилков обещает продать в кредит старый сарай, чтобы Дрок мог взять оттуда железо и дерево для ремонта дома, обещает освободить Дрока от сельхозналога и выдает четыре пуда муки. Он говорит Дроку: «...ты не то чтобы лодырь, а бешеный прямо работник, кто же у тебя землю отнимать будет?»

Так в тумане собственности, эгоизма Дроку засветил маяк — народная Советская власть, полная гуманизма и заботы о трудящихся. В конце рассказа автор показывает, что в душе Дрока происходит поворот, он начинает интересоваться окружающей действительностью.

Тематически к этим рассказам примыкает и повесть Сергеева-Ценского «Львы и солнце» (1931), входящая в эпопею «Преображение России». Решая проблему изображения народа в истории, Ценский показал Февральскую революцию в Петрограде, народные демонстрации, борьбу с полицией. Но он изобразил также и крах собственничества, ложь и обман, свойственные старому миру.

Разбогатевший во время войны поставщик овса для армии Полезнов был смертельно ранен случайным выстрелом. Перед смертью он назвал свою фамилию, которую окружающие поняли как Бесплезнов. Этим удачным приемом Ценский хорошо показал, что для старого мира собственник и стяжатель был «полезнов», но для нового, нарождающегося общества он «бесплезнов».

В рассмотренных нами рассказах и повестях Сергеев-Ценский выступает ярким мастером реалистической прозы.



В них еще нет ясных перспектив будущего. Отрицая пережитки прошлого, писатель не всегда показывал новое, идущее на смену старому. Но в эти годы Сергеев-Ценский, бесспорно, начинает становиться на путь социалистического реализма. Причем это происходило не посредством усвоения писателем каких-то внешних схем и рецептов творчества, а создавался живой творческий метод познания жизни, прояснялось значение борьбы большевистской партии за упорчение социалистического строя. И писатель-патриот, всегда стремившийся быть верным жизни, не мог не отразить эту борьбу в своем творчестве. Преодолевая мелкобуржуазные представления, внимательно и с симпатией присматриваясь ко всему новому, Сергеев-Ценский начинает выдвигать в своих произведениях на первый план образы людей, которые могут служить примером и которым принадлежит будущее.

Уместно напомнить, что сам термин «социалистический реализм» впервые был употреблен в передовой статье «Литературной газеты» за 29 мая 1932 года, где было сказано: «Массы требуют от художника *искренности, правдивости революционного, социалистического реализма* в изображении пролетарской революции».

В конце 1932 года на первом пленуме Оргкомитета Союза советских писателей были предприняты попытки определить основные свойства метода социалистического реализма.

Но пока дефиниция нового метода рассматривалась в писательских организациях, многие советские писатели, в том числе и Сергеев-Ценский, практически становились на его рельсы, поскольку главная роль в этом переходе принадлежала самой советской действительности, которую писатели отражали в своих произведениях правдиво, в ее поступательном развитии.

В начале 30-х годов Сергеев-Ценский написал пьесу о новой колхозной деревне (до сих пор не опубликованную). Он показал, как в процессе коллективного труда перевоспитывается единоличник Антон Королев. Его дочь Груня и жена Марья давно хотят вступить в колхоз, и сам «нехотимец» Антон решил было подать заявление, но его отговаривает лжеколхозник Иван Сивец, соблазняя большим заработком на лесосплаве, куда Иван устроился сторожем в запани.

Антон на лесосплаве работает в бригаде комсомольца Андрона Королева, который очень тактично пытается пере-

воспитать Антона, показывая ему общественное значение труда и соцсоревнования. Антон случайно увидел, как вредитель Иван Сивец открыл запань и впустил туда дрова, которые закрыли выход сплавному лесу. Сивец убеждает Антона скрыть преступление, доказывая, что благодаря ему их бригада, соревнующаяся с другой бригадой, получила выгоду: они раньше закончат сплав и получают премию. Но Антон вскоре убеждается, что поступает нечестно, покрывая вредительство и присвоив чужую премию (сапоги), предназначавшуюся Андрону Королеву и выданную ошибочно ему, Антону Королеву, из-за сходства фамилий. В конце концов Антон разоблачает Сивца.

Пьеса Сергеева-Ценского мало сценична, образы ее схематичны, действия героев прямолинейны, их внутренний мир не раскрыт. Но идея пьесы ясно выражена. Она вложена в заключительные слова заместителя начальника сплава участка Лазаря Борисовича: «Власть Советская не любит, чтобы ей «потрафляли». Она любит, чтобы работали — по-новому чтобы работали. Чтобы в работе создавались не только гребенки, но и люди». Писатель и показал, что победу одержали идеи социалистического соревнования, коллективного труда, выразителями которых являются комсомольцы Андрон, Вася, Груня.

О воспитании нового, советского человека, о людях социалистического общества говорится в рассказе и повестях «Сказочное имя» (1930), «Счастливица», «Конец света» (1931), «Платаны» и «Нежные чувства» (1934).

В повести «Счастливица» Сергеев-Ценский нарисовал эпический образ труженицы Евфалии Кондратьевны Уточкиной, семидесятилетней старухи, еще бодрой и крепкой. За свою долгую трудовую жизнь она вырастила двенадцать детей, из которых в живых в настоящее время осталось пять, остальные погибли на войне, умерли от болезней и т. п., но у нее уже много внуков и правнуков. Теперь Евфалия Кондратьевна пользуется заслуженным отдыхом. Она получает пенсию, каждый год ей дают путевки в дома отдыха (мы с ней встречаемся в подмосковном доме отдыха), в Москве у нее отдельная комната со всеми удобствами, есть радио, она часто ходит в театр, кино, цирк. «Не-ет, мне теперь только жить да жи-ить!» — говорит она доктору. И действительно. Уточкина с огромным вниманием относится ко всему окружающему, а в жизни так много нового, интересного, мимо которого нельзя пройти равнодушно.

Повесть «Счастливица» — это прославление настоящего и еще более светлого будущего, которого добьется трудящийся человек на освобожденной земле. Здесь счастливым является тот, кто отдает свои силы работе на благо общества.

Деятнадцатилетний парень Савка Трусов («Нежные чувства») влюбился в приезжую учительницу, однако та посчитала, что с такой фамилией человек не может иметь «нежных чувств». Уязвленный Савка решил доказать обратное.

Как только сошел с большой сибирской реки лед, Савка решил спуститься на лодке до Северного Ледовитого океана. В этом путешествии он преодолел невероятные трудности и препятствия, и когда в Ленинграде ученые сказали, что в его поступке много героического, Савка спросил, можно ли ему переменить свою фамилию Трусов на Героев. На замечание одного из ученых, что это можно было сделать и без поездки на лодке, Савка с достоинством заявил: «В рабочей республике нашей, товарищи, пускай всякий себе заработает также и фамилию свою, а не то чтобы только паек». Так в сознании советских людей выросло убеждение, что человек должен оцениваться только по его делам.

С темой становления нового советского человека, рождения новой морали тесно связана и тема социалистического гуманизма. Эту тему Сергеев-Ценский рассматривает в остро полемическом рассказе «Стремительное шоссе» (1932). Семь человек едут в легковой машине из курортного городка на железнодорожную станцию. Из дорожного разговора мы узнаем о большой плодотворной деятельности пассажиров, восхищающихся размахом строительства новой жизни. «Страна наша потрясающе богата, — говорит хозяйственник Торопов, — но и огорчающе огромна. Сколько нам надо людей, чтобы освоить ее в кратчайший срок! И ничего нам не хватает: ни рабочих, ни угля, ни железа, потому что мы растем, растем и растем, и без конца намерены расти, черт возьми...»

И вот на пути стремительно мчащейся с перевала машины оказался старик Аким, глухой, больной, доживающий свои последние дни. Он ходил в медпункт за порошком от кашля, а затем, забыв куда и зачем ему нужно идти (у него в сознании уже мешались явь и видения), пошел по шоссе в противоположную от дома сторону. Аким не слышал гудков автомашины. Шофер хотел объехать его справа через кусты, но сидевший рядом горняк резко повернул руль ма-

шины влево, в результате старик был сбит. Оказалось, что за кустами был глубокий обрыв, которого шофер не видел, и машина неизбежно упала бы вниз, погибли бы восемь здоровых людей. Содержание рассказа определяет вывод: во имя правильно понятого гуманизма должны были остаться в живых нужные для общества люди. Помимо прямого смысла, в рассказе имеется и переносный, выраженный в заключительной фразе: «Если тот, кто мешает ходу, не свернет, он будет раздавлен».

Свои впечатления о советской действительности Сергеев-Ценский суммировал в романе «Искать, всегда искать!», который в дальнейшем стал одним из завершающих эпопею «Преображение России». В период подготовки романа (1934) Сергеев-Ценский выехал в Днепропетровск, посетил там коксохимический завод, наблюдал его работу, беседовал со многими инженерно-техническими работниками, которые послужили прототипами героев романа «Загадка кокса». В конце 1934 года писателя посетил в Алуште Л. М. Сапожников, выведенный в романе под именем Лени Слесарева.

Роман «Искать, всегда искать!» состоит из двух частей. В первой, «Память сердца» (1932), Ценский вывел одного из первых положительных героев своих произведений — большевика, профессионального революционера Даутова, который после царской каторги отдыхает в июле 1917 года в Крыму. Даутов — это подпольный псевдоним инженера Матийцева из повести «Наклонная Елена». Даутов, человек широкого политического кругозора, твердо знает, как следует преобразовать Россию посредством социалистической революции и диктатуры пролетариата. «Человек еще не начинался на земле, — заявляет Даутов, — вот что надо сказать! Это мы, мы начнем на земле новый исторический период — период человека...» Эти слова перекликаются со словами одного из первых произведений Ценского «Полубог»: «Человек — в мечтах... но придет время, и мечты будут делом». Теперь же эти мечты в заявлении Даутова являются их осуществлением, они стали делом всех трудящихся, большевистской партии.

Даутов производит неизгладимое впечатление на учительницу Серафиму Петровну Толмачеву и ее маленькую дочь Таню, которые затем долгое время сохраняют его обаятельный образ в памяти своего сердца, после того как Даутов исчез в огне гражданской войны.

Во второй части — «Загадка кокса» (1934) — Ценский создает еще один положительный образ — образ нового советского интеллигента, ученого Лени Слесарева, выходца из простой трудовой семьи. Ценский детально проследил рост человека умственного труда, начиная с детских лет, когда он получил первые трудовые навыки. «А сколько комсомольцев вывел я рядом с основным героем повести! — писал Сергеев-Ценский. — Притом даны они у меня в период разрухи и возникновения рабфака, откуда потом перешли они в горный институт..»

Кроме горного института с его студентами и профессорами, я дал в «Загадке кокса» и коксовый завод, да еще в состоянии аварийном, так что повесть вышла и «производственной», как принято называть это»<sup>49</sup>.

Леня Слесарев и Таня Толмачева находят «разгадку» кокса, то есть способ, при помощи которого можно сделать коксующимися разные сорта каменного угля. В этом романе Ценский решил свою старую тему взаимоотношения человека и природы, показав, что свободный, раскрепощенный человек познает законы природы и приобретает над нею власть.

Роман Ценского «Искать, всегда искать!» — актуальное произведение о новой социалистической действительности — становится в один ряд с романами и повестями начала 30-х годов других советских писателей на производственную тему, тему социалистического строительства, такими, как «Соть» Л. Леонова, «Гидроцентрль» М. Шагинян, «Энергия» Ф. Гладкова, «День второй» И. Эренбурга, «Время, вперед!» В. Катаева. Этот роман был одним из первых произведений социалистического реализма в советской литературе.

В 30-е годы Ценский пишет и первые исторические романы об империалистической войне 1914—1918 годов, входящие в эпопею «Преображение России»: «Зауряд-полк» (1934) и «Массы, машины, стихии...» (1935), который позднее стал называться «Лютая зима».

В этих романах появляется еще один из главных героев эпопеи — прапорщик Ливенцев, который, так же как художник Сыромолотов и большевик Даутов, пройдет через большинство произведений, выражая мысли автора о путях интеллигенции в революции.

В названных романах нет подлинных исторических лиц, но они показывают русский народ, одетый в солдатские шинели, в переломный период русской истории.

В романе «Зауряд-полк» действие происходит в тылу осенью 1914 года в ополченской дружине, куда были призваны военнообязанные, не служившие ранее в армии. В военной терминологии того времени слово «зауряд» обозначало замещающего кого-нибудь, имеющего звание, но не чин. Так, например, зауряд-прапорщик занимал младшую офицерскую должность, но не имел офицерского чина; зауряд-полк в данном случае являлся не линейным, боевым, а запасным полком. Однако в романе это слово получило другое звучание: зауряд-полк — это ничем не выделяющийся, обычный, типичный для царской армии полк. В этом плане Сергеев-Ценский дал уничтожающую характеристику генеральского и офицерского состава как совершенно неспособного к командованию войсками. Сами войска показывают полную неподготовленность к военным действиям. Солдатам были абсолютно чужды цели войны, развязанной правящими кругами.

В романе «Лютая зима» изображены боевые действия пехотного полка на Галицийском фронте зимой 1914—1915 годов. Бездарное командование обрекло солдат на бессмысленную гибель в совершенно неподготовленном наступлении, на смерть от морозов и метелей в холодных окопах. Все это приводит к самострелам и стихийному массовому оставлению окопов целыми подразделениями солдат, вышедших из повиновения. Главным героем является народ, постепенно понимающий, кто действительный виновник всех его бед и несчастий. У прапорщика Ливенцева зреет сознание того, что единственным выходом из создавшегося положения является революция, которую должен совершить вооруженный народ.

Подробнее эти романы будут рассмотрены в главе об эпопее «Преображение России».

В 30-е годы Сергеев-Ценский продолжал писать биографические произведения о великих русских писателях. В конце 1933 года был создан роман «Невеста Пушкина». Отдельные пьесы, составляющие это произведение, были опубликованы ранее в некоторых периодических изданиях.

В романе «Невеста Пушкина» (в основу которого положены факты из переписки А. С. Пушкина с друзьями и Гончаровыми) Сергеев-Ценский создал поэтический образ Пушкина-человека, живого, энергичного, остроумного, но мало внимания уделил раскрытию внутреннего мира великого русского поэта. Образ Пушкина получился одно-

сторонним и обедненным, так как остались вне повествования творческие замыслы поэта и неоправданно много места заняли разные его финансовые затруднения и расчеты.

Рассматривая в целом произведение Сергеева-Ценского о великих русских писателях Пушкине, Лермонтове, Гоголе, следует отметить, что им присущ ряд недостатков, главный из которых — бытовая приниженность писателей, недостаточное раскрытие их творческого лица. Но сам Ценский подчеркивал, что он «в своих биографических романах... не извращал фактов, но... писал о великих поэтах русских, как поэт...»<sup>50</sup>. Обратился же он к этой теме не только потому, что хотел в противовес пролеткультовцам, отрицавшим культуру прошлого, подчеркнуть значение и ценность русской классической литературы, но также и в соответствии со своим творческим замыслом создания исторических романов эпопеи «Преображение России». «Обращаясь тогда к историческим темам,— писал Ценский,— я научился работать над документами архивного характера, над письмами, воспоминаниями современников...»<sup>51</sup>

Анализируя произведения Сергеева-Ценского, мы установили, что в начале 30-х годов писатель преодолел идейные колебания и перешел к всестороннему изображению советской действительности, показу того нового, что появилось в жизни советского общества, во взаимоотношениях между людьми и в их сознании. Эта тематика целиком соответствовала взглядам писателя, позднее сформулированным следующим образом: «Я не считаю писателя большим художником, если он не видит величия своей эпохи, ее славы, героических черт и с головой уходит в ползучий бытовизм. Характерная особенность великого поэта — возвеличивать и поэтизировать то, что составляет нашу жизнь, оставаясь в то же время верным правде»<sup>52</sup>.

Однако критика 30-х годов предвзято и упорно старалась не замечать ни существенных изменений в творчестве Сергеева-Ценского, ни того, что он становился на позиции социалистического реализма. Оставаясь в своих оценках на точке зрения 20-х годов, эти критики «не замечали» таких произведений Ценского, как «Счастливица», «Искать, всегда искать!», исторических романов о первой мировой войне и др. (о которых трудно было сказать что-либо отрицательное), а при анализе других сочинений писателя путем недобросовестного цитирования извращали их содержание и приписывали Ценскому вымышленные ими самими взгляды. Так, А. Еф-

ремин в статье, посвященной 30-летию литературной деятельности Сергеева-Ценского, делал вывод: «Реакционные тенденции его пера достаточно проявлены, чтобы отнести его в инвентарь враждебных сил СССР, тех сил, которые противостоят строительству социализма». Этот вывод «базируются» на таких, например, утверждениях: «Повесть «Живая вода» имеет целью смешать в кучу и стереть классовые грани, показать «агломерат» крестьян, действующих единой толпой...»<sup>53</sup> То обстоятельство, что в этом рассказе белому казачеству противостоит убежденность и мужество большевиков, которые в конечном счете привлекают на свою сторону новые массы крестьянства, критик постарался не заметить.

Е. Усиевич, задававшая тон всей этой критике, поскольку выступала в журнале «Литературный критик», в большой статье 1935 года «Творческий путь Сергеева-Ценского» упорно старалась отрицать какое-либо художественное значение произведений писателя. Нет необходимости воспроизводить все извращения фактов, допущенные в этой статье, удивляющей нарочитой предвзятостью и злобностью, приведем только вывод критика: «...Создавая свою культуру и осваивая культуру прошлого, мы должны следить за тем, чтобы не поглощать ту накипь, грязную пену культуры прошлого, какой было вырождающееся штукарское творчество декадентской плеяды, с Арцыбашевым и Сологубом и ее «меньшой братией»<sup>54</sup>. Таким образом, творчество крупнейшего русского художника, высоко ценимого А. М. Горьким, в 1935 году называется Усиевич «грязной пеной культуры прошлого», а сам Ценский относится к «меньшой братии» декадентской плеяды. Для Е. Усиевич «не существует» таких реалистических произведений Сергеева-Ценского, как «Печаль полей», «Медвежонок», «Недра», «Пристав Дерябин», «Наклонная Елена», «Живая вода», «Искать, всегда искать!», поэтому она и не упоминает их в своей статье. «Ценность» такой обзорной статьи о творческом пути писателя, когда исключаются его крупнейшие реалистические произведения, очевидна.

Критик А. Котляр в статье «Философия обывательщины» побивает все рекорды извращения творчества Сергеева-Ценского. Так, утверждается, что рассказ Ценского «Как прячутся от времени» — «символ веры» писателя, а наша действительность в изображении Ценского — это кладбище; в рассказе «Маяк в тумане» — маяком, якобы, по мысли



Ценского, является крепкое единоличное хозяйство; большевик Даутов — революционер-профессионал — это всего лишь фанатик, в худшем значении этого слова и т. д. После такого «вкладывания» прямо противоположного смысла в произведения Ценского делается вывод, что писатель «в каждом рассказе облюбовывает, смакует извечную человеческую жадность, подлость, жажду утробного благополучия», а раз это так, то «сейчас, в 1935 году, Сергеев-Ценский как-то особенно архаичен в своей реакционной костности»<sup>55</sup>.

В настоящее время трудно понять и объяснить причины такой необъективной критики писателя. Но факт остается фактом, что она длительное время велась, мешала Сергееву-Ценскому работать, изживать действительные недостатки в своем творчестве, затрудняла публикацию его произведений.

В июле 1935 года Сергеев-Ценский был вынужден обратиться к председателю ССП А. М. Горькому. Он писал: «Я не хотел бы беспокоить Вас своими личными делами, если бы не считал их до некоторой степени общеписательскими. Весьма систематически ведется в последнее время против меня в различных органах печати травля. Очевидна цель этой травли — привести меня, как писателя, к молчанию. Приемы травли старые, испытанные приемы: передержки, цитаты, выхваченные без контекста, совершенно дикое толкование моих произведений, наконец, полное перевираание их»<sup>56</sup>.

Подобный стиль критики вообще, а по отношению к Сергееву-Ценскому в частности, вызвал несогласие многих писателей. Е. Петров выступил в 1938 году в «Литературной газете» с большой статьей «Реплика писателя», в которой отметил: «Главная беда заключалась в том, что одновременно с усиленным раздуванием фальшивых репутаций искусственно принижались репутации больших мастеров литературы. На их литературные репутации ставилось клеймо, о каждом из таких художников составлялась коротенькая и злющая характеристика, которая от непрерывного повторения приобретала большую, иногда даже сокрушающую силу...

В этом смысле особенно показательна литературная судьба С. Сергеева-Ценского.

«В генеалогическом древе литературы», которое... было нарисовано в журнале «На литературном посту», С. Сергеев-

Ценский был изображен в виде висельника и под ним красовалась игривая подпись: «Живой труп».

Через несколько месяцев после выступления Е. Петрова в журнале «Литературный критик» № 9—10 за 1938 год появилась анонимная статья «Критика на правах художества» (автором ее была Е. Усиевич), в которой роман Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», публиковавшийся в журнале «Октябрь», оценивался не как самостоятельное и оригинальное произведение, а всего лишь как... подражание Льву Толстому, а в отдельных образах (Василий Михайлович Хлапонин) — Салтыкову-Щедрину.

Вполне понятно, какие чувства рождала рапповская критика у Сергеева-Ценского. Е. Петров в упомянутой статье отмечал: «Удивительны в Сергееве-Ценском сила воли, писательская дисциплина и любовь к труду. Почти не находя серьезной и содержательной критики своих произведений, весь искусанный злыми критическими комарами, он не только оставался одним из самых плодovitых советских писателей, но и непрерывно совершенствовал свой большой талант. После превосходного романа «Массы, машины, стихии» (по-моему, это лучшее, что было создано советской литературой о войне 1914—1918 гг.) С. Сергеев-Ценский выступил с большим историческим романом «Севастопольская страда».

Сам Сергеев-Ценский в беседе с Е. Пермитиным (1937) указывал: «Я не отношу себя к писателям, которые считают критику не только бесполезной, но даже вредной. Что бесчестные критики вредны, это я утверждал и буду утверждать всегда... Несправедливость критиков у меня рождает прилив новой, сумасшедшей энергии: «Врете! Пробью и ваши крепкие головы! Заговорите, пусть даже когда умру, но заговорите!»<sup>58</sup>

Во второй половине 30-х годов Сергеев-Ценский создал две пьесы, которые еще не опубликованы и хранятся в архиве писателя. В пьесе «Сноп молний» (9—20 августа 1935 года) действие происходит во время гражданской войны. Однако пьеса не имеет острого драматического конфликта, в ней поверхностно решается тема гражданской войны. Много внимания уделено быту второстепенных персонажей и не показано, что гражданская война была жестоким столкновением противоположных классов и противоположных идеологий.

Более интересна пьеса «Каменоломни», в которой мы встречаем некоторых героев из первых романов эпопеи «Преображение России». В основе пьесы лежат подлинные факты из жизни партизанских отрядов — «Красные каски» под командованием Ивана Петриченко в Орта-Мамайских каменоломнях возле Евпатории в декабре—январе 1918—1919 годов и отряда Кутепова в Аджимушкайских каменоломнях близ Керчи в марте—мае 1919 года. Сергеев-Ценский объединил, типизировал деятельность этих отрядов и передвинул ее по времени на конец 1920 — начало 1921 года.

В пьесе Ценского в каменоломнях близ города скрывается партизанский отряд, помогающий Красной Армии изгнать белогвардейцев. Возглавляет отряд городская ячейка большевиков: Худолей, Зеликман, Фаня Шполянская. Командир отряда — матрос Хилюк. В противоположном лагере — командир крепости генерал Баснин, контрразведчики капитаны Скляренко и Заремба, бежавшие помещики, буржуазная интеллигенция. Переходят на сторону красных полковник Козубцев и капитан Воронеж.

В этой пьесе Сергеев-Ценский показал дальнейшую судьбу ряда персонажей эпопеи «Преображение России», которых он изобразил в романах, посвященных кануну и первым годам мировой войны. Так, бывший гимназист Павлик Каплин («Валя») стал разведчиком и секретарем штаба партизанского отряда. «А он делу нашему предан, находчивость у него есть», — говорит о Павлике командир отряда. Николай Худолей («Обреченные на гибель») продолжает идти по пути профессионального революционера-большевика. Коммерсант Лепетов («Валя», «Обреченные на гибель») — кадет и черносотенец — заканчивает свою жизнь как предатель и палач, предложивший задушить партизан вместе с семьями в каменоломнях газами. Он казнен партизанами.

Белогвардейцы обречены, они изолированы от народа: жители города на стороне партизан. Командир Хилюк говорит: «Вы знаете, число партизан все растет, число наших красных войск на фронте все прибывает, а белые, чем они живы? Только поддержкой иностранных судов боевых... Мы на земле, мы и под землей, и вся деревня тоже за нас стоит, а уж за кого деревня стоит, тот битым не будет!»

Сергеев-Ценский в этой пьесе правильно показал природу столкновения двух классовых лагерей и конечную победу народа, возглавляемого большевиками, в числе которых он вывел и действительную участницу крымского подполья Фаню Шполянскую. Писатель создал разнообразные, подчас сложные характеры действующих лиц, исторически точно воспроизвел атмосферу подпольной борьбы с белогвардейцами.

В 1936 году, вскоре после смерти А. М. Горького, Сергеев-Ценский закончил воспоминания «Моя переписка и знакомство с А. М. Горьким», в которых подчеркнул, какое большое значение в его жизни имел Горький и как последний в свою очередь высоко ценил его произведения.

Период 20-х и первой половины 30-х годов был наиболее сложным, переломным в творчестве Сергеева-Ценского. Писатель постепенно изживал одностороннее восприятие послереволюционной советской действительности, внимательно наблюдал за строительством социалистического государства и в гуще жизни находил новых героев для своих романов и повестей. Эти герои в его произведениях вместе с народом, родиной стремились к светлому будущему, в которое безраздельно поверил и сам писатель. Сергеев-Ценский в своем творческом методе постепенно переходил на прочную базу социалистического реализма, и в этом переходе первостепенная роль принадлежала самой действительности Советской России, а также правильной политике Коммунистической партии в отношении советской литературы в целом и дореволюционных писателей в частности.

Во второй половине 30-х годов Сергеев-Ценский был занят разработкой и воплощением овладевшей им темы Севастопольской обороны 1854—1855 годов, что мы рассмотрим в следующей главе.

#### Сноски

<sup>1</sup> Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина (РОБЛ), ф. 9, ед. хр. 89, л. 12—12 об.

<sup>2</sup> Там же, л. 2, 3.

<sup>3</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3. М., 1955, с. 567.

<sup>4</sup> «Биржевые ведомости», 18 октября 1915 г.

<sup>5</sup> РОБЛ, ф. 356, карт. 9, ед. хр. 52, л. 14—14 об.

<sup>6</sup> РОБЛ, ф. 9, ед. хр. 89, л. 11 об.

<sup>7</sup> РОБЛ, ф. 356, ед. хр. 52, л. 5—5 об.

<sup>8</sup> Там же, л. 9 об.

- <sup>9</sup> Автобиография от 11 февраля 1945 г. ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 218, л. 7—8 об.
- <sup>10</sup> Экспозиция мемориального дома-музея С. Н. Сергеева-Ценского в Алуште.
- <sup>11</sup> Автобиография от 11 февраля 1945 г., ед. хр. 218, л. 10—10 об.
- <sup>12</sup> Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 155.
- <sup>13</sup> ЦГАЛИ, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 60, л. 48 об.
- <sup>14</sup> Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 410.
- <sup>15</sup> Письмо от 25 мая 1923 г. Архив писателя в Алуште.
- <sup>16</sup> ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 313, л. 13.
- <sup>17</sup> Там же, л. 14 об.
- <sup>18</sup> РОБЛ, ф. 356, ед. хр. 53, л. 2.
- <sup>19</sup> Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 411.
- <sup>20</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Поэт и поэтесса. М., 1930, с. 120.
- <sup>21</sup> ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 2, ед. хр. 74, л. 5 об.
- <sup>22</sup> ЦГАЛИ, ф. 1610, оп. 1, ед. хр. 29, л. 8—8 об.
- <sup>23</sup> ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 2, ед. хр. 77, л. 2—4 об.
- <sup>24</sup> Макаренко Г. Большой художник слова.—В кн.: «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве. Воспоминания современников». Тамбов, 1963, с. 125.
- <sup>25</sup> «Литературная газета», 1 октября 1935 г.
- <sup>26</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 205.
- <sup>27</sup> «Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского». Симферополь, 1965, с. 61.
- <sup>28</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 23.
- <sup>29</sup> «КПСС в резолюциях и решениях», изд. 7, ч. I. М., 1953, с. 869.
- <sup>30</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, с. 775.
- <sup>31</sup> «Огонек», 1958, № 13, с. 23.
- <sup>32</sup> ЦГАЛИ, ф. 611, оп. 1, ед. хр. 615, с. 63.
- <sup>33</sup> Там же, ф. 1874, оп. 1, ед. хр. 413, л. 1.
- <sup>34</sup> «Новый мир», 1964, № 10, с. 193.
- <sup>35</sup> «Советские писатели. Автобиографии», т. II. М., 1959, с. 469.
- <sup>36</sup> «Литературное наследство», т. 70, с. 471.
- <sup>37</sup> Там же, с. 497.
- <sup>38</sup> Горький М. Собр. соч., т. 30, с. 14, 20.
- <sup>39</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, с. 762.
- <sup>40</sup> Там же, с. 778.
- <sup>41</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве», Тамбов, 1963, с. 95.
- <sup>42</sup> ЦГАЛИ, ф. 1328, оп. 1, ед. хр. 313.
- <sup>43</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, с. 781.
- <sup>44</sup> Луначарский А. В. Статьи о советской литературе. М., 1958, с. 116.
- <sup>45</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Повести и рассказы. Симферополь, 1963, с. 782—783.
- <sup>46</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве», Тамбов, 1963, с. 177.
- <sup>47</sup> Смирнов Н. Первые годы «Нового мира».—«Новый мир», 1964, № 7, с. 192.
- <sup>48</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 208.
- <sup>49</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 208, 209.

<sup>50</sup> ЦГАЛИ, ф. 1460, оп. 1, ед. хр. 181, л. 14 об.

<sup>51</sup> Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 109.

<sup>52</sup> Там же, с. 184.

<sup>53</sup> «Новый мир», 1932, № 3, с. 216, 214.

<sup>54</sup> «Литературный критик», 1935, № 3, с. 112.

<sup>55</sup> «Художественная литература», 1935, № 7, с. 13—15.

<sup>56</sup> Письмо от 22 июля 1935 г. Архив писателя в Алуште.

<sup>57</sup> «Литературная газета», 10 августа 1938 г.

<sup>58</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве», Тамбов, 1963, с. 72.

## Глава IV

### «СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА».

Севастопольская кампания была прежде всего делом исполинских трудов русского народа, одетого в серые шинели.

«Ребята, помни: если надо умереть на защите этого бастиона, умрем до единого все,— но ретирады не будет. А ежели кто из вас услышит, что я скомандую ретираду,— коли меня!»

*Вице-адмирал Корнилов*

К созданию огромного исторического романа «Севастопольская страда» Сергеев-Ценский пришел в результате работы над эпопеей «Преображение России». В 1934—1935 годах он приступил к изображению первой мировой войны и увидел, что в русской истории уже были аналогичные события, которые раскрыли гнилость самодержавной России, но одновременно показали и могучие жизненные силы русского народа. Это была Крымская война 1853—1856 годов.

В период первой мировой войны пришли в движение миллионные массы народа, происходили огромные сражения, в которых участвовали многие десятки тысяч солдат с обеих сторон. Все это необходимо было изобразить в романах эпопеи «Преображение России» в соответствующей художественной форме и наиболее впечатляющими приемами и способами. Таких навыков Сергеев-Ценский еще не имел, и он решил сначала создать произведение о Крымской войне, где события разворачивались в меньших масштабах.

В серии статей «Слово к молодым» Сергеев-Ценский говорит об этом следующим образом: «И хотя я много думал о Крымской войне 1853—1856 годов, когда писал роман «Зауряд-полк», место действия которого Севастополь, все же только написав следующий роман «Массы, машины, стихи»... я решил взяться за «Севастопольскую страду». Ведь общая политическая ситуация как Крымской войны, так и первой мировой была сходная: западные державы нападали на Россию...

Прежде всего... мне нужно было изобразить эпоху Николая I, подходы к чему у меня были и раньше»<sup>1</sup>.

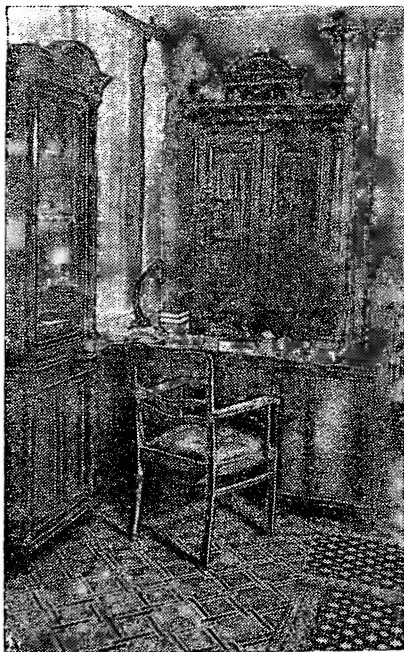
Подступами к изображению эпохи Николая I Ценский считал написанные ранее повести-пьесы о русских писателях Пушкине, Лермонтове, Гоголе. Сергеев-Ценский не только глубоко изучил реакционную николаевскую эпоху, но и приобрел навыки работы с историческими документами, их незаметного для читателя использования в ткани художественных произведений.

Вначале замысел описать события Крымской войны был ограниченным. Сергеев-Ценский хотел создать популярную книжку для юношества по истории Севастополя. Однако вместить огромный материал в рамки задуманного оказалось невозможным, и вскоре Сергеев-Ценский отказался от прежнего замысла. У него созрела мысль о создании огромного романа, посвященного патриотизму, величию и силе русского народа, который, несмотря на вековую кабалу и крепостное рабство, сумел отстоять честь и независимость родины. «Мой замысел написать эпопею,— указывал Ценский,— родился из более скромной мысли написать историю Севастополя для детей в виде книжки небольшого объема; в ней описание защиты Севастополя должно было занять страниц пятьдесят. Но когда я начал читать материалы, то сам собою сложился у меня план эпопеи в сто печатных листов...

Я писал эпопею, что называется, запоем, отчасти потому, что видел важность и своевременность взятой темы... но больше всего потому, что я был покорен несказанным величием и красотой подвига рядовых русских солдат и матросов, самозабвенно защищавших в течение целого года то, что «невозможно было защищать», по мнению обоих главных командующих всеми силами Крыма,— и князя Меншикова, и князя Горчакова»<sup>2</sup>.

Чтобы написать эпопею, Сергееву-Ценскому нужно





*Письменный стол писателя.*

было проделать огромную и скрупулезную работу историка-исследователя. Большое значение имело также обстоятельство, что писатель еще с детства слушал рассказы своего отца, участника Севастопольской обороны, читал печатные материалы и мемуары защитников Севастополя, которые были в домашней библиотеке. Теперь, в 1936 году, все это нужно было восстановить в памяти. Сергеев-Ценский указывает: «Эпопею «Севастопольская страда» я писал в течение двух с половиной лет на основе большого, тщательно изученного мною исторического материала, а также многочисленных воспоминаний современников. Среди источников я должен особо выделить сочинения Маркса и

Энгельса, собранные в девятом и десятом томах, затем «Записки о Крымской войне» Чернышевского и многие страницы из книги Герцена «Былое и думы»<sup>3</sup>.

В экспозиции мемориального дома-музея Сергеева-Ценского в Алуште помещен составленный писателем список материалов, на основе которых была написана «Севастопольская страда». В этом списке более 50 названий книг, часть которых состоит из многих томов, не говоря уже о комплектах исторических журналов («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник» и др.) за десятки лет.

Сергееву-Ценскому пришлось проделать огромную работу не только по изучению разного рода исторических материалов и документов, но и по их переосмыслению. Воспоминания и дневники участников войны и исследования дореволюционных историков были, как правило, написаны в верно-подданническом, монархическом духе, в них действитель-

ные факты Крымской войны, поступки и дела участников Севастопольской обороны тенденциозно искажались, все заслуги по обороне города приписывались отдельным личностям и умалялась роль рядовых защитников Севастополя, роль народа. Необходимо было очистить подлинные исторические факты от всей наносной шелухи, дать им правильное истолкование. Все это Сергеев-Ценский смог сделать благодаря внимательному изучению трудов классиков марксизма-ленинизма, и в первую очередь многочисленных статей Ф. Энгельса и высказываний В. И. Ленина о Крымской войне. Они вооружили Ценского правильной идеологией и методологией, что дало ему возможность создать произведение социалистического реализма. Сергеев-Ценский мог с гордостью сказать корреспонденту «Известий»: «Мы, советские писатели, пользуемся марксистско-ленинским методом освещения исторических событий, чего не знали старые художники»<sup>4</sup>.

Сергеев-Ценский тщательно собрал факты боевых действий рядовых защитников Севастополя и вывел их на страницы эпопеи, показав тем самым подлинных героев войны. Писатель использовал также и свое право на вымысел: положив в основу действительные факты, он, в соответствии со своей концепцией и замыслом, домысливал многие ситуации и поступки своих героев (таковы образы крестьянина Терентия Чернобровкина, в дальнейшем пластуна Василия Чумаченко, монаха Ионникия — Аники-воина, супругов Хлапониных и других). Сергеев-Ценский часто для описания одного и того же исторического эпизода привлекал свидетельства различных авторов, даже противостоящих друг другу, что позволяло ему подчеркнуть классовую или национальную природу этих оценок и взглядов.

«...Труды и дни севастопольцев-моряков, — говорил Сергеев-Ценский, — были мною изучены как историком, поданы в эпопею как художником слова, то есть и образно, и детально, и любовно, а не беспристрастно... «Севастопольская страда» рождалась в беспрестанном большом труде, в непрерывном накоплении знаний...»<sup>5</sup>

Сергеев-Ценский написал огромное произведение (100 печатных листов) очень быстро, менее чем за четыре года: в 1936 году была создана 1-я часть, в 1937 — 2—4-я, в 1938 — 5—8-я, в 1939 — 8—9-я части и эпилог. Однако возникли трудности с опубликованием. Члены редколлегии журнала «Октябрь» и рецензенты отвергали роман как

произведение якобы «квасного патриотизма», и только благодаря настойчивости редактора журнала Ф. И. Панферова, который послал рукопись непосредственно Сталину, «Севастопольская страда» была принята к опубликованию и печаталась в журнале в течение 1937—1939 годов. В журнальной редакции были опущены некоторые главы («Казнокрады», «Юбилей» и др.). В первом отдельном выпуске «Севастопольской страды» (М., 1939) роман был восстановлен Сергеевым-Ценским в полном объеме и с тех пор переиздавался без каких-либо существенных изменений.

В процессе работы над эпопеей Сергеев-Ценский накопил столько материала, что до начала Отечественной войны 1941 года написал еще несколько произведений: историческую повесть «Синопский бой» (1940), очерк «Севастопольская оборона» (1940), трагедию «Вице-адмирал Корнилов» (1940), пьесы «Малахов курган», «Хлапонины», «Главком Меншиков» и два киносценария — «Севастопольская оборона» и «Севастопольский бастион» (другое название — «Боевой бастион»).

В своей эпопее Сергеев-Ценский дал широкую картину жизни России в середине XIX века и раскрыл суть эпохи николаевской реакции через события Севастопольской обороны, причем он оценивал прошлое с точки зрения социалистической идеологии, что позволило ему увидеть и показать в подвиге русского народа, то есть крестьян, одетых в солдатские и матросские шинели, не только проявление патриотизма, но и как следствие — грядущую отмену крепостного права. После Крымской войны в России сложилось такое положение, когда, говоря словами Ленина, «низы не хотели», а «верхи не могли» жить по-старому.

Сергеев-Ценский очень метко выразил основное содержание николаевской эпохи в нескольких словах: «Николай процарствовал лет тридцать, а заморозил Россию на шестьдесят». Причиной этого являлся патологический страх Николая I перед революцией, которая «бродила» по Европе и сметала монархические режимы один за другим (в Париже, Неаполе, Флоренции, Милане), «все известнее становились имена творцов самого революционного учения — Маркса и Энгельса». Чтобы задавить даже проблески свободной мысли, Николай прибегал к крайним мерам. «Это был век розог, кнута, шпицрутенов, ссылки и каторги», — пишет Ценский. Вся жизнь общества была пронизана доносами и слежкой: «Все доносили и всё доносили; не опасаясь

доносчиков, можно было говорить разве только с самим Николаем». В этих условиях вершителями судеб людей становились жандармы, «голубые мундиры» — знаменитое Третье отделение личной канцелярии Николая I, а сам царь превратился в жандарма Европы.

В объяснении и истолковании исторических фактов и явлений Сергеев-Ценский твердо придерживался материалистического принципа детерминизма. Не отрицая случайностей, он указывал, что они являются формой проявления объективных причинных связей.

«В бесконечно длинной цепи исторических событий, — писал Ценский в эпосе, — нет ничего «беззаконного», и какую бы массу счастливых или несчастных случайностей ни открыл в этих событиях поверхностно пробегающий по ним глаз, все эти случайности отнюдь не случайны, — они в неразрывной связи между собою».

Ценский показывает, что спор о «святых местах» Палестины и о том, кто будет владеть «ключами вифлиемской церкви» — католики или православные, был лишь предлогом для войны, истинная же причина ее заключалась в борьбе России, Франции и Англии за господство на Балканах, за обладание рынками сбыта и за контроль над проливами. Неразрешимые противоречия в этих вопросах и привели к войне.

Развитие и ход боевых действий определяют композицию эпоса, которая развивается как хроникальный роман, отражающий все важнейшие события обороны Севастополя. Однако в этой, казалось бы, спокойной композиции заложена внутренняя динамика. Сюжет эпоса движет и обостряет постоянная борьба и столкновение противоположных сил: лагерь союзных войск — и русская армия; обобщающий образ крепостнической России — и собирательный образ русского народа; бездарные военачальники во главе с Николаем I — и великие патриоты Корнилов, Нахимов, Истомин, Хрулев — действительные организаторы обороны Севастополя; крепостники-помещики — и протестующее, обездоленное крестьянство; бескорыстие и пламенный патриотизм народа, а также выражающих его самосознание передовых офицеров — и карьеризм, казнокрадство, безразличие к судьбе России представителей николаевской бюрократии — военной и гражданской и т.д. Все это делает огромное произведение живым, интересным, динамичным и отнюдь не скучным, как пытались утверждать некоторые

критики. Об этом лучше всего свидетельствует неуываемый интерес читателей к замечательному произведению писателя-патриота.

Некоторые критики противопоставляют «Тихий Дон» «Севастопольской страде», считая последнюю не эпопеей, а всего лишь беллетризованной летописью Севастопольской обороны. Такое сравнение абсолютно неправомерно, так как написаны произведения в совершенно разной манере в соответствии с творческим замыслом писателей, следовательно, в них и разный подход к изображению событий: у Сергеева-Ценского в центре повествования коллективный героизм народа, у Шолохова — трагическая судьба Григория Мелехова. Если проводить сравнения, то к «Севастопольской страде» в композиционном отношении ближе всего стоят романы А. Толстого из эпопеи «Хождение по мукам» — «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро». А. Толстой писал В. Полонскому в 1927 году: «Трудность романа огромна (размеры, охват), но еще труднее... сделать из материала гражданской войны, развертывающегося в хронологической последовательности, не литературно-исторический очерк, а роман, т. е. превратить все это в ткань искусства»<sup>6</sup>.

Сергеев-Ценский, так же как и А. Толстой, справился со всеми трудностями и создал действительно высокое произведение искусства, о котором А. Серафимович писал: «В самое последнее время Сергеев-Ценский, признанный мастер психологического повествования, обнародовал монументальное произведение — эпопею «Севастопольская страда», в которой открыл новые свойства своего дарования. В эпопее работа художника соединена в одно целое с пытливостью историка-исследователя. Велико познавательное значение эпопеи. И столь же велик в ней пафос утверждения силы русского народа, силы русского оружия. Глубочайшая любовь к родине — вот тот источник, который делает всю картину описанной Сергеевым-Ценским страды живой, волнующей, правдивой, современной в прямом смысле этого понятия»<sup>7</sup>.

При создании своей эпопеи Сергеев-Ценский опирался прежде всего на традиции Льва Толстого, который, будучи активным участником событий тех лет, в рассказе о Севастопольской обороне подчеркивал: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...» В изображении боевых действий Сер-

геев-Ценский также следовал за Толстым, который показывал войну «не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а... войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...»

В советской литературе ко второй половине 30-х годов был накоплен значительный опыт в изображении действий народных масс в переломные периоды истории. Сергеев-Ценский безусловно учитывал творческую практику таких писателей, как А. Серафимович («Железный поток»), Д. Фурманов («Чапаев»), А. Чапыгин («Разин Степан»), Г. Шторм («Повесть о Болотникове»), А. С. Новиков-Прибой («Цусима»).

Сергеев-Ценский изображает главным героем Севастопольской обороны русский народ: «Ведь солдаты русские были сами люди деревни; они знали, что такое земля...» Для народа война не кратковременный героический порыв, а тяжелая, напряженная и трудная работа — страда. Поэтому не произвольно, а глубоко обдуманно Сергеев-Ценский назвал эпопею «Севастопольская страда». «Это были подвиги народа, а не отдельных людей, того народа, который неторопливо, хозяйственно занял на планете Земля столько удобных и неудобных просторов...» И каждый солдат понимал, что пришло время защищать родину от натиска почти целой Европы, а не воевать на чужой земле ради ее захвата. Для народа это разные вещи, и этим объясняется то непоколебимое упорство, мужество и повседневный коллективный героизм, который проявляли защитники Севастополя. «В матросах и солдатах вокруг себя на кургане Витя видел не геройство момента, не геройство часа, двух, трех часов подряд... а то отстоявшееся геройство повседневности, которое перестало уже всем казаться чем-нибудь особенным, а стало необходимым по своей целесообразности.

Если закатилась, например, бомба небольших размеров в блиндаж через двери, и вертится, и шипит, готовая взорваться, и убить, и искалечить осколками несколько человек, то, конечно, должен же кто-нибудь броситься к ней, схватить ее руками и выбросить вон из блиндажа, — как же иначе? Это, конечно, геройский поступок, но подобных поступков было много, к ним привыкли, они никого уже не удивляли... Так же точно жили в городе и семьи многих матросов, и матроски часто приходили на бастион к своим мужьям, приносили им пирогов и оладьев, плакали исподтишка, сморка-

ясь в фартуки, когда рассказывали то — как «разнесло снарядишком» их хату, то — как убило наповал их соседку, или мальчонку Петьку, или годовалую девочку Анютку; но, уходя, шли не торопясь, даже когда начиналась жаркая перестрелка и ядра гулко бухали в землю, обдавая их грязью. Другие такие же матроски продолжали спокойно торговать у горжи бастиона обитнем и бубликами».

Сергеев-Ценский новаторски решил задачу показа коллективного образа народа, его психологии и героизма. Рисуя боевую страду Севастополя, писатель и в картинах рукопашных схваток в полевых сражениях, и при ночных вылазках или при отражении атак противника, и под жестокой бомбардировкой севастопольских укреплений показывает русских солдат и матросов как единый боевой коллектив, воодушевляемый одними стремлениями, действующий дружно, не щадя себя при натиске на противника или при оказании помощи товарищам, попавшим в тяжелое положение. «У них было и еще одно могучее средство спайки: чувство своей явной необходимости для государства... Это сознание своей необходимости развило в каждом моряке и чувство собственного достоинства, и готовность к решению любой ответственной задачи и жертве собою».

Не могу не привести хотя бы одной картины боя, нарисованной Ценским. Вот, казалось бы, второстепенное сражение за Кладбищенскую высоту. В течение ночи траншея на кладбище много раз переходила из рук в руки в результате жестоких штыковых схваток батальонов Подольского и Эриванского полков с отборной французской гвардией...

«Брошенные в атаку французские батальоны заняли злополучную траншею уже в пятый раз в эту ночь. Но из ворот пятого бастиона выступали в поле два батальона боевых минцев...

Минцы появились перед кладбищенской траншеей тогда, когда французы уже считали ее своею. К ним между тем шли свежие подкрепления... Гвардейцы нового, вызванного из последнего резерва батальона, егеря, роты иностранного легиона — все сгрудились около траншеи с одной стороны, а с другой — вновь и вновь собирались на поддержку минцев отброшенные было подольцы и эриванцы, и этот предрассветный бой превзошел все предыдущие по своему упорству.

И с той и с другой стороны это был бой солдат одной нации с солдатами другой, так как офицеры, если и оставались еще в небольшом числе, не имели возможности руководить ими.

Ожесточение обеих сторон достигло предела. Рычание, ругань, звяканье штыка о штык, страшное действие прикладов, брызги чужой крови, слепящие и без того полусзрячие в темноте глаза, предсмертные стоны, вопли тяжело раненных, свалившихся под ноги бойцам, — все это было непередаваемо по своему напряжению, и все-таки русские одержали верх в этой последней схватке, в пятый раз и уже окончательно заняв свои траншеи и преследуя бегущих французов до их траншей.

Однако наступал рассвет. Хрулев отдал приказ отступить... но это было не отступление. Это был марш победителей. Солдаты шли под песни. Впереди минцев шагал высокий унтер-офицер Пашков, полковой запеваля, со страшным лицом, закопченным пороховым дымом, забрызганным запекшейся кровью, в мундире, разодранном штыками в семи местах, и, заломив фуражку-бескозырку на правый бок, затягивал тенором необыкновенной чистоты и силы...

А минцы, сколько их оставалось, подхватывали душевно, с присвистом...

Следом за минцами со своими песнями шли эриванцы, за ними — подольцы, и, может быть, именно эта неожиданность, неслыханность, необычайность — песни вдруг тут же после кровопролитнейшего штыкового боя, длившегося целую ночь, — так подействовали на французских артиллеристов, что они не сделали ни одного выстрела по русским ротам, возвращавшимся на свою оборонительную линию в плотных колоннах, по местности вполне открытой и при белом рассвете».

Главную роль народа в обороне Севастополя понимают лучшие выразители его воли. Так, один из организаторов обороны города адмирал Нахимов заявляет офицерам: «Матрос есть главный двигатель на военном корабле, а мы с вами только пружины, которые на него действуют... Все сделает матрос, если мы с вами забудем о том, что мы — помещики, дворяне, а он — крепостной! Он — первая фигура войны — матрос, да-с! А мы с вами — вторые-с! Он — матрос, — вот кто!.. Так же и солдат!»

Героизм народа проявлялся в Севастополе не только непосредственно в боевых действиях, не меньшего героизма



требовали и трудовые подвиги. «Севастопольская кампания, — пишет Ценский, — была прежде всего делом исполненных трудов русского народа, одетого в серые шинели. Количество земли, вырытой и переброшенной с места на место солдатами, совершенно не поддается учету. Сплошная, притом двойной вал тянулся на десять километров и потому был заметен; но все эти бесчисленные траншеи, эполементы, ложементы, блиндажи, пороховые погреба, минные колодцы и галереи и множество других менее заметных работ, притом возобновляемых... каждую ночь, — одним этим совершенно баснословным трудом может долгие, долгие годы еще гордиться русский человек...»

Этот ратный повседневный труд и сознание постоянной «игры» со смертью вызывали в солдатах не страх и не растерянность, а чувство холодного спокойствия и презрения к смерти.

После одной из бомбардировок главнокомандующий встретил носилки с раненым:

«— Много ли осталось вас здесь на бастионе? — спросил Горчаков.

Не опуская носилок, передний из солдат, несколько подумав, чтобы ответ был как можно более точен, сказал отчетливо:

— На три дня должно хватить, ваше сиятельство!» — так оценивали свое мужество русские матросы и солдаты.

В изображении Сергеевым-Ценским народа нет фатализма, чувства обреченности, бесцельности всех его подвигов. Наоборот, показывая народ как деятельную и активную силу, Ценский проникнут оптимизмом, верой в лучшее будущее народа. Эту мысль выражает в романе бывший петрашевец солдат Дебу: «Крымская война и все, что с ней связано... является подготовкой к переделке русской жизни...»

«Не так уж много нужно было ума, — пишет Ценский, — чтобы понять даже и в то время, что борьба в этой крайней южной точке России ведется на два фронта: с иноземными врагами и с вековой крепостнической отсталостью.

И Александр II начинал понимать это так же, как и многие другие около него... Севастопольская кампания внушила ему настойчивую мысль о реформе сверху, чтобы избежать революции снизу».

Создавая коллективный образ народа, Сергеев-Ценский вывел в эпопее и много индивидуальных персонажей, худо-

жественно раскрывая их единство с общей солдатской и матросской массой. Причем индивидуализированные герои являются подлинными историческими лицами, упоминание фамилий которых или краткие сообщения об их подвигах содержались в изученных писателем исторических материалах. «Моя задача состояла в том, чтобы из имени сделать образ», — говорил Сергеев-Ценский.

Такими подлинными защитниками Севастополя были солдаты Арефий Алексеев, Семен Павлов, Егор Мартышин, Матвей Шелкунов, гусар Сорока, унтер-офицеры Захаров, Зарудин, матросы Петр Кошка, Игнат Шевченко, монах Ионникий Саванов, сестра милосердия Прасковья Ивановна Графова, подросток-наводчик Николка Пищенков и многие другие.

Рядовые защитники Севастополя изображены на страницах романа, как правило, в моменты их наивысшего духовного взлета — героического подвига в боевой обстановке. Сергеев-Ценский, описывая этот подвиг, не раскрывает психологии персонажа, но о мыслях и чувствах, владеющих этими лицами, лучше всего говорят сами поступки их.

После неудачной атаки солдат Бородинского полка Матвей Шелкунов один, по собственной инициативе и сметке, прикрывает отступление раненых товарищей.

« — Ты что там стрелял? — шепеляво спросил его главнокомандующий.

— Прикрывал отступление, ваше сиятельство, — очень отчетливо ответил бородинец.

— Мне показалось, что еще там кто-то стрелял в кустах...

— Никак нет, ваше сиятельство, я один там был, только я перебежку делал от куста к кусту. Он по дыму стреляет в меня, а я уж из другого места в него ловчусь. А ползуны мои этим временем дальше себе отползают.

— Ползуны? Какие ползуны? — не понял Горчаков.

— Которые раненые, ваше сиятельство... Я троих на себе принес, ну, там еще сколько-то осталось. Я им сказал: «Ползи, братцы, а я вас прикрывать буду...»

Сознание высокой ответственности перед родиной, перед товарищами оказывается для русского солдата важнее всего: даже умирая, он прежде всего думает об исполнении воинского долга. Смертельно раненный на Камчатском люнете солдат Егор Мартышин, известный многими своими ратными делами, сказал, когда за носилки взяли четверо солдат: «Я ведь легкий... да еще и крови сколько из меня выш-

ло... так неужто вдвоем меня не донесут, а? Если с каждым, кого чугунка зацепит, по четыре человека уходить станет, то этак и Камчатку некому будет стеречь!»

Самым прославленным храбрецом Севастополя был матрос Петр Маркович Кошка. Созданию его образа Ценский уделил наибольшее внимание. Он нарисовал Кошку исторически правдиво, в нем воплощаются лучшие черты русского народа: беззаветная храбрость, находчивость, личная инициатива, глубокое чувство товарищества, готовность к самопожертвованию, душевная щедрость и отзывчивость, простота и отсутствие какой бы то ни было рисовки, позы.

Когда враги, глумясь, выставили на своем бруствере тело убитого матроса, Кошка не смог снести надругательства над товарищем. Рискуя жизнью, он ночью, напав на себя грязный мешок, подполз почти к самым вражеским окопам. Здесь его застал рассвет, и Кошка был вынужден пролежать без движения, без воды и пищи целый день всего в нескольких десятках шагов от окопа противника. На следующий вечер Кошка притаил тело товарища, вызвав на себя ожесточенный ружейный огонь. Таких боевых эпизодов, описанных Ценским, было много.

Петр Кошка являлся непременным участником всех вылазок. Когда же вылазок не предвиделось, он один отправлялся на поиск и обязательно приносил несколько штуцеров, которых почти не было у русских солдат. По нему обыкновенно французы и англичане открывали ураганный огонь, изводя множество зарядов, а довольный Кошка, ухмыляясь, говорил: «Вот как я их распатронил, чертей!.. Неужто это и в самделе вся их братия по мне одному так старается?.. Чудное это дело — война! Один человек, значит, может всех союзников осозунуть!»

Петр Кошка стал олицетворением мужества защитников Севастополя. «Все мы — Кошки!» — заявили участники одной из вылазок.

Сергеев-Ценский включает в художественную ткань повествования многочисленные примеры бесстрашного поведения жителей Севастополя — главным образом матросских жен и детей, которые остались в городе и подвергались не меньшей опасности при бомбардировках, чем военные. Жители были привычны ко всему. Когда прошел слух, что защитники Малахова кургана и большое число раненых, скопившихся там, испытывают страшную жажду, так как в ожидании штурма никто не может покинуть укрепления,

туда потянулась вереница женщин с коромыслами, на которых висело по два ведра студеной воды. «Их шло снизу больше, чем пришло на курган: дошло только пять матросок, — остальные погибли. Но рядом с одной из дошедших, широко раскрывая глаза среди грохота взрывов и дыма, шагала ее семилетний сынишка: мать привела его затем, чтобы тяжело раненный муж ее дал ему перед смертью «отцовское благословение, навеки нерушимое».

Сергеев-Ценский ярко показал, что Севастопольская оборона была народной войной и потерпел поражение здесь не народ, а прогнивший крепостнический строй, изживший себя, задержавший развитие России на много десятков лет. Могучие силы народа были скованы феодально-крепостническими формами жизни.

Народу противостоит в эпосе не только противник, но и помещичий класс. Если народ спаян единой волей, единым стремлением защитить отечество, то дворянский класс разобщен, в нем писатель выделил две группы: выражают народное самосознание адмиралы Корнилов, Нахимов, Истомин, генералы Хрущев, Хрулев, ряд офицеров-патриотов; не понимают народ и идут против его желания Николай I, оба главнокомандующих — Меншиков и Горчаков, большинство бездарных командиров частей, многочисленные карьеристы, подхалимы, казнокрады.

В зависимости от этого деления Сергеев-Ценский, создавая образы генералов и офицеров, использует разнообразные изобразительные средства. В обрисовке Николая I Ценский продолжает обличительную традицию Л. Н. Толстого, который дал удивительно меткий портрет самовлюбленного самодержца в повести «Хаджи-Мурат».

На страницах романа Сергеева-Ценского Николай I появляется в начале Крымской кампании, когда фельдъегерь ротмистр Грейг докладывает о сражении при Альме. Царь величествен и самоуверен, он спокоен, и на его шестидесятилетнем лице нет ни единой морщины. Но стоило Грейгу сказать о проигранном сражении и о том, что некоторые полки бежали, как царь оглушительно крикнул: «Вре-ешь, мерзавец!» Стального цвета страшные глаза выкатились, выпятилась нижняя челюсть и заметно дрожала, а длинная-длинная рука царя, сорвавшись с подлокотника вольтеровского кресла... дотянулась до Грейга, схватила его за борт мундира, притянула несколько к себе и тут же отшвырнула его к стене...

— Мои войска могут отступать, но беж-ать... бежать перед противником, кто бы он ни был, ни-ког-да! Запомни это!»

Эта сцена ярко вскрывает суть николаевского режима, загнивающего внешнего, показной стороной своей мощи: блестяще проведенными парадами и бесцельными маневрами армии, картинной стройностью пехоты и вымуштрованной кавалерии, внутренним «спокойствием» в государстве и ролью «жандарма Европы», борющегося с революцией, в какой бы форме и в какой бы стране она ни началась. На самом же деле вся эта гигантская система прогнила до самой сердцевины, вместо действительной мощи была показная мишура, что беспощадно вскрыла Крымская война, и это ярко показал Сергеев-Ценский.

В начале войны Николай еще продолжает действовать и чувствовать себя по-старому: при приеме очередного парада «недостаточная вымуштрованность лошадей при захождении пронизала его, как штуцерная пуля английского фузилера». Но, маршируя всю жизнь сам и заставляя неукоснительно образцово маршировать других, Николай упустил из виду развитие техники, то обстоятельство, что нарезные ружья в иностранных армиях имеют неоспоримое преимущество перед русскими гладкоствольными, что винтовые паровые суда в английском и французском флотах сделают невозможным сопротивление им русских парусных и даже колесных паровых судов. «Виновником технической отсталости России в то время был сам царь», — подчеркивает Сергеев-Ценский.

Стремясь руководить Крымской кампанией из Петербурга, царь не только не хотел считаться с технической отсталостью русской армии, но даже ожидал от нее исключительных подвигов и предупреждал Меншикова, что не даст ему подкреплений. Однако следующие одно за другим поражения быстро отрезвили Николая, и тогда он с ужасом увидел, что у него нет ни одного талантливого генерала, «что ему не удалось выпестовать ни одного по-настоящему большого государственного человека».

Мастерски раскрыв крах иллюзий Николая, Сергеев-Ценский показал, что царь не извлек из этого урока и не нашел другого выхода, как, уединившись в своей спальне, становиться на колени перед образами, молиться и петь псалмы Давида или надломленно плакать. Изменился и внешний вид Николая: он похудел, постарел и даже заметно поседел.

И тем не менее царь не захотел устранить первопричину всех бед — изжившее себя крепостное право. Когда, простудившись, Николай смертельно заболел, он не дополнил своего завещания «хотя бы одним только пожеланием своему преемнику раскрепостить крестьян». Он составил завещание не как царь, а «только как первый по своему богатству русский помещик».

Под стать своему владыке и главнокомандующий русскими войсками князь Александр Сергеевич Меншиков, заядлый крепостник, владелец почти десяти тысяч крестьян. С Николаем роднила его и уверенность в безошибочности своих действий.

Образ Меншикова в эпопее трагичен. Умный и талантливый, он был одним из образованнейших людей России, хорошо изучил многие науки, был всесторонне подготовлен в военном деле — пехотном, кавалерийском, инженерном, морском, умел командовать и повелевать людьми, — и в то же время хорошего главнокомандующего из него не получилось. Истоки трагедии Меншикова в его антинародности, в отсутствии любви к родине. Он прежде всего царедворец, а затем уже главнокомандующий. «Князь старается думать так и то, что думают по этому вопросу там, в Петербурге, — говорит один из его адъютантов. Он сам заявляет: «Если мне известно мнение его величества, я не имею права держаться каких-либо других мнений!»

Меншиков проявляет полнейшую, преступную бездеятельность в подготовке Севастополя к обороне с суши, так как царь считал, что противник высадится не в Крыму, а на Кавказском побережье. Даже тогда, когда Севастополь был обложен флотом союзников, начальствующие лица вместо подготовки укреплений были заняты закладкой нового собора. Меншиков начал неподготовленное наступление на Балаклаву лишь из-за того, чтобы не подвергнуть опасности великих князей, приезжающих в армию. «Как старый царедворец, он... понимал, что для него будет гораздо лучше потерять сражение и половину армии, но сохранить невредимыми царевичей, чем даже при полной победе потерять хоть одного из них». Так мог поступить только человек, которому чуждо чувство любви к родине.

Повелевая сотнями тысяч человек, Меншиков в то же время не верил в людей, не верил в способность русских солдат на подвиги из-за любви к своей родине. Прежнее безразличие к солдатам и матросам после проигранных по его ви-

не сражений изменилось: «...теперь отношение его к ним — пешим и конным — было непреодолимо презрительным». Хирург Пирогов после беседы с Меншиковым думает: «За кого же принимаете вы солдат, что вы их бросаете, как собак, чуть только они ранены? И как же могут они биться при таких условиях, если убеждены, что вы их не считаете за людей?»

Отличительная черта Меншикова как главнокомандующего — это полное неверие в победу и в возможность отстоять Севастополь. В этом заключалось его расхождение с войском, которое было готово на любые подвиги ради защиты отечества. Меншиков не мог воодушевить людей, как это делали Корнилов, Нахимов, Хрулев, потому что сам ни во что не верил, да и свое назначение на роль защитника родины считал происками врагов при дворе. Поэтому он все больше устранился от дел, возложив защиту города сначала на Корнилова, а затем на Нахимова, в руководстве же полевой армией все меньше беспокоил людей. «Он как бы сжимался, усыхал, втягивался в свою раковину, как улитка, уходил в отставку у всех на глазах».

Глубоко символична картина, когда Меншиков, едущий сдавать дела новому главнокомандующему, буквально застрял в степи в море грязи и до вечера просидел в коляске, пока не привели пять пар волов. Грязь, топь крепостнической России засосала, сковала силы и способности этого, безусловно, талантливого человека и не дала ему возможности использовать их для блага родины. Говоря о Меншикове, Е. Петров отмечал, что этот образ «представляет собой настоящий шедевр современной прозы...»<sup>8</sup>.

Прямой противоположностью Меншикову является новый главнокомандующий — князь Горчаков. Человек весьма ограниченных способностей, постоянно меняющий свои мнения, приказы и распоряжения, оторванный от действительности, Горчаков был «упоен восторгом, что едет спасать Севастополь, Крым, всю Россию». Еще не видя Севастополя и позиций, он уже выработал свой план ведения войны: путем создания огромного количества контрпрошей (земляных укреплений) постепенно «отжать» ими союзников от Севастополя к морю. Однако это был надуманный, кабинетный план: у Горчакова не было столько войска, чтобы защитить все эти апроши, которые к тому же нельзя было построить там, где они так красиво и удобно располагались на бумаге.

Внешний вид Горчакова не мог произвести положительного впечатления: длинноногий, сутулый и хлипкий, он по близорукости не видел дальше десяти шагов и не слышал ничего, что говорилось в пяти метрах от него. Однако Горчаков совершает под Севастополем многочисленные рекогносцировки с огромной блестящей свитой (обнаруживая тем самым свои замыслы), после которых союзники всячески усиливали в этих местах свои укрепления. «Что же это такое? Выходит, что от всех этих хлопот князя польза не нам, а только французам!» — говорит один из генералов.

С Меншиковым Горчакова роднило лишь одно: неверие в победу, в возможность защиты города. Когда действительность опрокинула план контрапрошей, Горчаков выдвинул другой, противоположный: не расширяться, а сжиматься, чтобы как можно скорее... выжать из Севастополя весь гарнизон. Так главнокомандующий был побежден гораздо раньше, чем была побеждена армия, вверенная его руководству.

Подчиняясь требованию нового царя Александра II во что бы то ни стало «предпринять что-либо решительное», Горчаков намечает наступление на Черной речке, по поводу которого Тотлебен говорит: «Ведь вести полки наши на прекрасно укрепленные позиции, которые защищает противник, превосходящий в силах, это значит вести их на полный расстрел, чем же они заслужили такую казнь?» И тем не менее Горчаков готовит армию к заведомому разгрому, не имея мужества отказаться от выполнения «высочайших указаний».

Горчаков сочинял приказ за приказом, согласно которым сегодня части маршировали в одну сторону, а завтра в другую. «Сам же он совершенно потерял способность спать и не давал спать никому из чинов своего штаба».

Возмущенный всей бестолковщиной, исходящей от Горчакова, генерал Хрулев кричит: «Эта слепая кабыла, голенище старое это, ка-кой же он, к чертовой матери, главнокомандующий, скажите на милость? Дурацкий затрепанный анекдот, а не главнокомандующий!»

Падение Севастополя Горчаков принял с радостью, так как оно освобождало его от тяжелой, непосильной для него заботы и ответственности.

Подобны Горчакову и многие другие генералы: «ветреная блондинка» Моллер, «святоша в мундире» Остен-Сакен, который, например, заявляет: «А что нужно нашему русскому



солдату? Причастить его перед смертью, — вот, что для него главное...», таковы генералы Ред, Данненберг, Коцебу, старший брат Горчакова — Горчаков 1-й, военный министр Долгоруков, многочисленные карьеристы и казнокрады среди чиновной бюрократии. Это все антинародные силы, влекущие Россию к поражению.

Лучшая, патристически настроенная часть дворянства разделяет вместе с солдатами и матросами все тяготы войны, отдает все свои силы защите независимости родины. В первую очередь таковы вице-адмиралы Корнилов и Нахимов — два Аякса флота, его мозг и сердце. Они продолжают славные боевые традиции Суворова и Кутузова.

При анализе этих образов нужно принимать также во внимание историческую повесть «Синопский бой», о которой Ценский писал Ф. Панферову, что она «представляет как бы пролог к «Севастопольской страде»...

В этой повести Сергеев-Ценский описал блестящую победу русского флота над турецким в Синопском бою в ноябре 1853 года и создал образы организаторов этой победы: Нахимова, командующего русской эскадрой, и Корнилова, начальника штаба Черноморского флота. Развивая эти образы в «Севастопольской страде», Сергеев-Ценский показал, какое огромное значение для войск, для обороны города имели личные качества командиров, насколько их методы руководства войсками соответствовали духу русских матросов и солдат и как благодаря этому были достигнуты огромные успехи в первые месяцы обороны Севастополя.

Сознание огромной ответственности перед родиной, своего воинского долга, большие организаторские способности выдвинули Владимира Алексеевича Корнилова во главу обороны, когда князь Меншиков фактически бежал из Севастополя, оставив совершенно не защищенный с суши город на произвол судьбы. Командование всем севастопольским гарнизоном было поручено Моллеру, но последний сразу передал все дела и заботы Корнилову.

Корнилов сумел за несколько дней не только построить оборонительные сооружения, но и воодушевить войска. Ценский подчеркивает, что умение управлять людьми, воодушевлять их на подвиги основывалось у Корнилова на твердой вере в народ, в его неисчерпаемые физические и моральные силы.

Опасность, которой ежедневно подвергался Корнилов, в конце концов привела к роковому концу: он упал, сражен-

ный неприятельским ядром. Последние слова этого героя были: «Отстаивайте... Отстаивайте Севастополь!»

Как-то само собой получилось, что все заботы и тяжесть обороны легли на плечи Нахимова. Сергеев-Ценский всесторонне нарисовал образ этого замечательного человека, любимица простых солдат и матросов. В этой близости Нахимова к рядовым защитникам много общего с Кутузовым, они оба являются выразителями народного самосознания. Прирожденный моряк Нахимов, став во главе сухопутной обороны, не растерялся и своим личным примером, бесстрашием, спокойствием добивался тех же результатов, что и Корнилов.

«Он не отличался красноречием,— пишет Ценский,— однако никто из командиров во флоте не мог так говорить с матросами, как он, потому что никто лучше его не знал ни быта, ни нужды, ни сердца матроса, и матросы его любили, хотя он был очень требователен по службе. В разговоре между собой они не называли его ни «адмиралом», ни «Нахимовым»,— он был у них просто «Павел Степаныч».

Это было высшее признание народом замечательных личных качеств Нахимова, главной чертой которого было полное забвение себя и своих интересов, раз дело касалось службы. Но, строгий на службе, он имел мягкое сердце вне ее. Он знал по фамилии всех матросов-комендоров на батареях, он нашел время побыть на свадьбе матроса Подгрушного и первой севастопольской сестры милосердия Даши. «И вот «отец матросов» стоял уже в хате, в тесном кругу матросов и матросок с Карабелки; на столе, наскоро прибранном, красовалось все, что могло найтись как закуска под водку...» Адмирал Нахимов пил с матросами водку, закусывал зеленым луком и бычками и радовался вместе со всеми: несмотря на войну, жизнь идет своим чередом.

Сцена смерти и похорон Нахимова является в эпопее одной из самых сильных. Сергеев-Ценский показывает, что защитники Севастополя хоронили не просто адмирала, а народного героя, незаменимого руководителя обороны города, падение которого было уже давно предreshено.

К числу выдающихся военачальников относится и генерал Хрулев, возглавляющий войска Корабельной стороны,— прославленный храбрец, который на белом коне, в черной папахе и лохматой кавказской бурке всегда оказывался впереди атакующих войск.

«Благодетели, за мно-ой!» — кричал он своим диковинным голосом, неизменно потрясающим солдатские сердца,

и «благодетели»... ринулись вперед сквозь облака дыма и пыли за белым конем командира, лихо сдвинувшего на затылок папаху». Способность Хрулева увлечь за собой солдат коренилась в его непоколебимой вере в мужество и патриотизм русских войск, и солдаты это прекрасно понимали.

Трудно перечислить все положительные образы, выведенные Сергеевым-Ценским в эпопее, но следует обязательно назвать вице-адмирала Истомина, капитан-лейтенанта Лесли, капитана 2-го ранга Будищева, лейтенантов Бирюлева и Стеценко, генералов Липранди, Саймонова, полковников Скудери, Сабашинского, унтер-офицера Ипполита Дебу. Нужно упомянуть и великого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова, проделавшего огромную работу по организации медицинской службы в Севастополе.

Подробно обрисовал Сергеев-Ценский и представителей враждебного лагеря. Более полно разработал он образы главнокомандующих: французской армии — маршала Сент-Арно и генерала Канробера; английской — лорда Раглана, а также талантливых генералов армии союзников — Боске, Кардигана, Каткарта. Много внимания уделено правителям Франции — Наполеону III, его побочному брату графу Морни, английским лордам. Все эти персонажи выведены в романе в полном соответствии с подлинными историческими фактами, но истолкованы эти факты с точки зрения марксистско-ленинского мировоззрения.

Большое композиционное значение имеют в эпопее образы представителей двух семей — Зарубиных и Хлапониных. Через вымышленных персонажей, членов семьи Зарубиных, Сергеев-Ценский связывает воедино фронт и тыл Севастополя, показывает патриотизм населения и его готовность разделить с войсками все тяготы военной страды. Сын Зарубиных Витя — юнкер, а затем мичман — идет служить на самый ответственный участок обороны — Малахов курган, а дочь Варя поступает сестрой милосердия в госпиталь к Пирогову. Через восприятие Вити и Вари писатель рисует многие сцены и эпизоды эпопеи.

Еще более важно значение в эпопее образов супругов Хлапониных: они позволяют писателю композиционно ввести в эпопею и показать широкие картины жизни русского общества, а также связать жизнь тыла с боевыми действиями в Севастополе. Писатель указывал: «Чету Хлапониных — артиллерийского штабс-капитана и его красавицы жены — я взял из воспоминаний адъютанта Меншикова полковника

Панаева, но сказано о них там очень немного, и мне необходимо было придумать длинную историю о поездке их в глубину России, в село к дяде Хлапонина, причем историю их связать с историей пластуна Чумаченко (личности тоже исторической), бывшего крепостного крестьянина Чернобровкина. Я сделал Чернобровкина крепостным дяди Хлапонина, которого он убивает, после чего бежит на Кубань, где его принимают в пластуны»<sup>9</sup>.

Таким образом, основной внутренний конфликт николаевской эпохи — борьба между крепостниками и крестьянами — в эпопее был выражен во взаимоотношениях помещика Василия Матвеевича Хлапонина и крестьянина-протестанта Терентия Чернобровкина.

Самодур помещик ненавидит свободолюбивого Терентия и решает отдать его в солдаты, невзирая на большую семью. Это переполнило чашу терпения Чернобровкина и привело к убийству помещика. Терентий бежал на Кубань, спасаясь от расправы. Вместе с кубанскими пластунами под именем Василия Чумаченко он попадает в Севастополь и вскоре становится одним из самых прославленных героев Севастополя. За храбрость его награждают двумя Георгиевскими крестами.

Но и после окончания войны Чернобровкин по-прежнему оставался разлученным с семьей беглым крестьянином, преступником. Терентий думает повиниться царю и сказать ему: «...что же он делал в бегах, этот беглый? Русскую землю оборонял, тебе, батька наш, служил, — вот что он делал! И сколько через это страданий разных перенес, несть им числа! И скольких неприятелей покарал-порешил, а которых в плен взял вот этими руками своими, за что от тебя же и награды имею!.. Неужто ж не дозволишь... нам с жинкой, с ребятами — как их теперь уже пятеро — в казаки на Кубань записаться, а вину мою чтобы скостить велеть?..»

На это Дмитрий Хлапонин говорит: «Нет, брат Тереха, ничего из этого путного не выйдет!.. Лучше уж не просить тебе прощения, потому что... все равно не простят».

В образе Чернобровкина Сергеев-Ценский воплотил многие важные черты русского национального характера: свободолюбие, ненависть к угнетателям, беззаветную храбрость, верность в дружбе и любви. Этим образом писатель хотел сказать, что подвиги Чернобровкина, подвиги русского народа не могли пропасть даром, а единственным средст-

вом для освобождения народа являлась отмена крепостного права.

Большое место занимает в эпосе изображение боевых действий. Картина Крымской войны складывается из описания шести больших полевых сражений и шести ожесточенных бомбардировок и штурмов Севастополя, не считая отдельных вылазок гарнизона, отражения местных атак противника и т. п. В описании каждого сражения писатель находит новые краски, новый угол зрения на ход боя, подчеркивает особые, характерные именно для этого сражения детали и главные моменты боевых действий. Все это позволяет Сергееву-Ценскому избежать однообразия, делает описание ратных подвигов волнующим, неповторимым. Причем с каждым сражением нарастает напряженность боев, увеличивается стойкость русских солдат и матросов, и их моральные и физические силы кажутся поистине неисчерпаемыми.

При описании больших сражений Сергеев-Ценский как бы становится над полем боя и с этой высоты показывает наиболее важные моменты: сначала он говорит о действиях командующих, затем рисует поведение в бою крупных воинских частей, а внутри их — действия отдельных офицеров и солдат, причем все это наблюдается с разных мест сражения и передается с различной степенью эмоционального выражения. Наконец, писатель сосредоточивает внимание на решающем участке битвы, показывает кульминацию боя и его судьбу. Такое мелькание множества воинских частей, подразделений, лиц, отдельных эпизодов, столкновение случайностей, судеб, характеров создают подлинную панораму сражения, передает динамику и напряжение боя.

Сергеев-Ценский показал, что исход сражений часто зависит от талантности военачальника, от его способности и умения подчинить себе и поднять моральный дух войск. Подчеркивая значение морального фактора на войне, Сергеев-Ценский следовал за Л. Н. Толстым, который писал: «Несмотря на все мое уважение к военным наукам, я всегда по рассуждению и по опыту был и останусь того убеждения, что вопросы военных успехов решаются не величием военных гениев... и не столько предусмотрительностью и силою всех возможных соображений, сколько умением обращаться с духом войска, искусством поднимать его в ту минуту, когда высота его более всего нужна»<sup>10</sup>.

Сергеев-Ценский, так же как и Толстой, при описании сражений строго придерживался исторически правдивых, документальных фактов. Показательно в этом отношении сходство в описании боя на Черной речке, данное Сергеевым-Ценским в эпопее и Л. Толстым в его известной солдатской песне «Про сражения на реке Черной». Они почти одинаково оценивают как поведение отдельных военачальников (Реада, Вревского, Данненберга и других), так и значение всего сражения в целом.

Несмотря на хронологический принцип описания событий Севастопольской обороны, Сергеев-Ценский, развивая и истолковывая сущность происходящего, переносит действие то в Петербург, Москву, Париж, Лондон, то в другие местности Крыма, на Кубань или в курскую деревню.

«Эта перемена места действия,— говорит писатель,— была необходима и чисто технически, чтобы не надоест читателю однообразием картин осады и обороны крепости».

Перенося читателя в столицы других государств, рисуя тайные дипломатические пружины, двигающие событиями, Сергеев-Ценский подчас излишне много внимания уделяет беллетризованному изложению самих исторических фактов. Познавательное значение этих глав несомненно, но они не всегда тесно связаны с сюжетом и художественной тканью произведения, и не каждого читателя может привлечь такая обстоятельность в исторических описаниях. Эти отступления утяжеляют эпопею и, по мнению критиков, являются недостатком произведения.

Однако следует отметить блестящее мастерство Сергеева-Ценского в использовании различного рода исторических документов. Он настолько органично включает в текст повествования цитаты и выдержки из газет, переписку исторических лиц, приказы командующих и другие материалы, что на первый взгляд они незаметны и кажутся естественным продолжением авторской речи.

Сергеев-Ценский вслед за Толстым часто прибегает к публицистическим отступлениям, авторским комментариям, незаметно впаянным в ткань произведения. Это позволяет ему дать оценку того или иного персонажа, высказать свое, то есть исторически правильное, отношение к описываемым событиям или фактам, подвести какие-то итоги. Все это насыщает эпопею «Севастопольская страда» духом современности,

сближает с нашим временем события тех лет по сходству или противопоставляет их по контрасту. «Исторический роман, — отмечал А. Н. Толстой, — не роман об отжившем. Это повествование о настоящем, точнее, о том наследии предков, которое пережило века и стало нашим достоянием. Писать романы только об отжившем неинтересно»<sup>11</sup>.

Сам Сергеев-Ценский говорил: «История разная бывает. Современно писать — вовсе не значит писать только о сегодняшней жизни. Современно то, что необходимо, полезно читателю сегодня. Что помогает ему. История, которая помогает современникам лучше понять самих себя, должна быть воспета в литературе, как Полтава воспета Пушкиным, Отечественная война Толстым»<sup>12</sup>.

Эпопея Ценского «Севастопольская страда» была современна. Она вышла в период подготовки германского фашизма к развязыванию второй мировой войны с целью порабощения народов Европы и сыграла положительную роль в мобилизации советского народа на отпор врагу, в подъеме его морального духа. «Мужество русского народа, героически защищавшего родную землю от вражеского нашествия, так мастерски показанное в Ваших произведениях, влекло на повторение бессмертных подвигов Севастополя наших воинов в Великую Отечественную войну советского народа»<sup>13</sup>, — писали Сергееву-Ценскому солдаты Мельник и Катков.

Но с точки зрения современности Сергеев-Ценский допустил в своем произведении и ряд ошибок. Прежде всего, основной конфликт эпохи — между крепостниками-помещиками и крестьянами — он показал только в картинках жизни в курской деревне Хлапонинке да в сцене допроса Дмитрия Хлапонина жандармами, когда один из них заявляет: «Слишком много стало всяких этих покушений на помещиков со стороны их крепостных...» Писатель совсем не отрадил этот конфликт во взаимоотношениях между офицерами-дворянами и солдатами и матросами, являющимися крепостными крестьянами. Офицеры и генералы выступают в романе лишь как плохие или хорошие профессионалы-военные, не выражая своего отношения к крепостничеству.

Сергеев-Ценский недостаточно внимания уделил раскрытию внутреннего мира основных героев эпопеи, они у него только действуют и мало размышляют. Мы не знаем, что думают и чем интересуются, помимо вопросов обороны города, даже такие лица, как Нахимов, Хрулев, Истомина, от-

части Меншиков, Горчаков, не говоря уже о второстепенных персонажах.

Не нашло отражения в эпопее при изображении внутренней жизни России и революционно-демократическое движение, во главе которого становился Н. Г. Чернышевский, хотя в книге показаны и славянофилы, и западники, и участники кружка Петрашевского.

В эпопее выведено более 350 лиц (в том числе и эпизодических), большинство из них писателем индивидуализировано. «Выработанный Сергеевым-Ценским метод индивидуализации, — отмечает С. М. Петров, — сравнительно несложен, но точен и выразителен. Он характеризует данное лицо тогда и в той обстановке, в какой оно в первый раз появляется на сцене и когда оно призвано к действию. В ходе этого действия и складывается образ персонажа... При изображении менее значительных действующих лиц писатель прибегает к краткой характеристике, складывающейся из биографической справки, сжатого описания внешнего облика с выделением какой-либо своеобразной черты и изображением боевого эпизода, в котором данное лицо действует»<sup>4</sup>.

Создавая портреты исторических деятелей, автор отчетливо выражает свое отношение к ним, помогая тем самым читателю составить ясное представление об идеологии этого персонажа, о его месте и значении в обороне Севастополя. Справки биографического порядка объясняют поступки и характер персонажа как следствие его классовой принадлежности, воспитания, служебной карьеры, условий жизни и т. п.

Несмотря на большое количество персонажей, Сергеев-Ценский индивидуализировал их речь и не нарушил особенности речи каждого (лексика, построение фраз, эмоциональность) на протяжении всего повествования. С помощью этой речевой характеристики писатель подчеркивает присутствие этому персонажу черты (например, старческая болтливость и религиозное ханжество Остен-Сакена, неуравновешенность и отсутствие логики у Горчакова и т. п.). В целом язык романа отличается исключительной простотой, ясностью и точностью эпитетов и сравнений.

В зависимости от характера изображаемого Сергеев-Ценский часто меняет стиль своего реалистического повествования: при изображении коллективного героизма народа и единичных подвигов он чаще всего прибегает к патетике,



пафосу; описывая реакционные придворные круги, бездарных генералов, лагерь союзников, писатель вводит элементы сатиры (образы Моллера, Остен-Сакена, Реада, князя Горчакова, маршала Сент-Арно, графа Морни и других); показывая полюбившихся ему героев, Сергеев-Ценский охотно использует юмор, народную шутку, меткое словцо (образ Ионникия, образы многих солдат и матросов).

Признанный мастер пейзажа, Сергеев-Ценский в эпопее очень редко дает пейзажные зарисовки, которые, как правило, играют служебную роль, главным образом характеризую предстоящее поле боя. Лишь в двух случаях пейзаж выступает как активно действующий образ: в главе «Разгул стихий» даны исключительно выразительные картины урагана на суше и особенно на море; в главе «Отставка Меншикова» «пятая стихия» — безбрежно разлившаяся по степи непролазная топь — символизирует состояние крепостнической России в момент кончины Николая I.

Применяя прием противопоставления как в композиции произведения, так и в системе образов, Ценский проводит очень удачные сравнения. Так, например, за главой «Разгул стихий» следует глава «Казнокрады», которая подчеркивает, что казнокрадство было в николаевской России не менее страшной стихией, которая в своем неприкрытом циничном разгуле наносила огромный ущерб всему государству в целом, а в данном случае — делу обороны крепости.

Эпопея «Севастопольская страда» явилась огромным достижением советского исторического романа, это было новаторское произведение, показывающее судьбу целого народа и его патриотические дела, конечным результатом которых было освобождение русского народа от крепостного ига.

Эпопея Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» имела еще одну своеобразную черту, которая хорошо отмечена в приветствии Президиума Союза советских писателей в день 65-летия писателя. Там сказано: «Мы ценим также и другую выдающуюся особенность эпопеи: ее военно-стратегическую мысль, показывающую войну как явление, подотчетное разуму, управлению, руководству.

В художественной литературе военно-исторического жанра тема эта новая и правильная»<sup>15</sup>.

Высокая оценка, данная эпопее «Севастопольская страда» читателями и критикой, была подтверждена 15 марта 1941 года присуждением С. Н. Сергееву-Ценскому Государ-

ственной премии I степени. Такую же премию получили тогда А. Н. Толстой за роман «Петр Первый» и М. А. Шолохов за эпопею «Тихий Дон».

Воодушевленный успехом «Севастопольской страды», Сергеев-Ценский в 1940 году задумал создать большой роман о нашествии Наполеона. Он писал: «Мои творческие планы включают также большую эпопею об Отечественной войне тысяча восемьсот двенадцатого года. Эту тему уже разрабатывал наш великий писатель Лев Николаевич Толстой, но она настолько широка и богата, что мой труд, надеюсь, будет интересным и оригинальным»<sup>16</sup>.

Писатель тогда же приступил к осуществлению своего замысла: начал собирать и изучать исторические материалы, и первым плодом этой работы явилась новелла «Гвардеец Коренной» (1940), рисующая эпизод Бородинского боя.

Сергеев-Ценский думал также приступить в 1941 году к работе над темами о нашей социалистической действительности — о героях труда, о работе промышленности, чтобы накопить материал для четвертой серии романов эпопеи «Преображение России», посвященных строительству социализма.

Писатель чувствовал необыкновенный прилив творческих сил и готов был к воплощению в художественных образах больших замыслов. В своем выступлении на московском собрании писателей 19 марта 1941 года Сергеев-Ценский говорил: «Теперь же, в стране социализма, как писатель-художник я прежде всего чувствую, что на меня смотрит вся страна, меня читают все, а не только подписчики того журнала, в котором я печатаюсь. Это придает мне очень большую энергию, и я чувствую твердую почву под ногами»<sup>17</sup>.

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз поставило перед всеми советскими писателями, в том числе и перед Сергеевым-Ценским, новые творческие задачи.

#### Сноски

<sup>1</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Радость творчества. Симферополь, 1969, с. 38.

<sup>2</sup> ЦГАЛИ, ф. 1161, т. 1, ед. хр. 187, л. 4.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> А. К. Беседа с писателем. «Известия», 16 октября 1940 г.

<sup>5</sup> Сергеев-Ценский С. Н. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956, с. 196.

- <sup>6</sup> «Новый мир», 1964, № 10, с. 202.
- <sup>7</sup> С е р а ф и м о в и ч А. С. Собр. соч., т. 10. М., 1948, с. 435.
- <sup>8</sup> «Литературная газета», 10 августа 1938 г.
- <sup>9</sup> С е р г е е в - Ц е н с к и й С. Н. О художественном мастерстве, с. 194.
- <sup>10</sup> Т о л с т о й Л. Н. Полн. собр. соч., т. 13. М., 1949, с. 130.
- <sup>11</sup> «Новый мир», 1954, № 2—3, с. 184.
- <sup>12</sup> Цит. по кн.: Ш е в ц о в И в а н. Орел смотрит на солнце. М., 1963, с. 239.
- <sup>13</sup> «Красный Крым», 30 сентября 1945 г.
- <sup>14</sup> П е т р о в С. М. Советский исторический роман. М., 1958, с. 286.
- <sup>15</sup> «Литературная газета», 20 октября 1940 г.
- <sup>16</sup> «Смена», 1940, № 4, с. 30.
- <sup>17</sup> «Литературная газета», 23 марта 1941 г.

## Глава V ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...

Солнце каждого из нас — Родина, Советская Россия.

Великая Отечественная война советского народа с немецким фашизмом застала С. Н. Сергеева-Ценского в Крыму, в Алуште. Писатель внимательно следил за развитием военных действий, и первые успехи гитлеровцев его не обескуражили: прекрасно зная русскую историю, он непоколебимо верил в окончательный разгром захватчиков, как это случалось уже не раз на протяжении многовековой истории русского народа. Несколько позднее, в сентябре 1941 года, Сергеев-Ценский писал: «Во всех военных столкновениях неизменной остается главная действующая сила любой войны, какими бы средствами она ни велась, это — человеческая воля к победе. ...Наша воля к победе растет вместе с нашими силами, силы же наши — исполинские силы!»<sup>1</sup>

К августу 1941 года фашистские войска заняли Днепропетровск, подходили к Перекопу. Нужно было эвакуироваться из Алушты. Захватив только самые необходимые вещи, Сергей Николаевич и Христина Михайловна на своей автомашине доехали до Керчи, переправились через пролив и добрались до Краснодара, где сдали машину представителю алуштинского истребительного отряда, а сами на поезде уехали в Москву. В Алуште остались библиотека и архив писателя — более двухсот записных книжек и тетрадей-дневников, заготовки для будущих романов, переписка и т. д. Фашисты захватили архив Ценского и вывезли его в Берлин. К настоящему времени возвращена и разыскана лишь часть материалов, остальные, видимо, пропали.

В Москве шестидесятишестилетний писатель с огромной энергией включается в работу и отдает все свои творческие силы борьбе с врагом. Его перо не знает усталости: он выступает в печати с многочисленными публицистическими статьями, пишет исторические очерки и повести, рассказы о подвигах советских людей, готовит материалы для романа. Кипучая творческая энергия Сергея Николаевича поражала всех, соприкасавшихся с ним.

За время Великой Отечественной войны Сергеев-Ценский, сотрудничавший в семнадцати газетах и журналах, написал (помимо художественных произведений) более тридцати статей и очерков. В публицистических произведениях Сергеева-Ценского много исторических параллелей, которые подтверждают мысли автора о героизме, величии и стойкости русского народа.

В одной из первых статей — «Арифметика и война» («Правда», 23 ноября 1941 г.) — писатель убедительно опроверг бредовые расчеты гитлеровцев на молниеносную войну с Советской Россией. Можно довольно точно подсчитать, сколько тот или иной народ способен выставить дивизий, сколько самолетов и танков могут дать в месяц его заводы, какова провозоспособность железных дорог и т. д., и все-таки можно просчитаться, если не принять во внимание более важные моральные факторы — волю народа к сопротивлению и победе.

Сергеев-Ценский пишет: «Гитлер разуверился в своей элементарной арифметике, мы же верим в неисчерпаемые силы нашего советского народа, охваченного общим порывом. И если до сих пор мы как будто слышали, сквозь гул наших отступлений с боями, суворовский крик: «Заманивай, заманивай их, братцы!», то, верим, скоро наступит время звучной, суворовской же команды: «Ни шагу назад!.. Вперед, за мной!»

Писателя в первую очередь интересуют истоки моральной стойкости, упорства и героизма русского народа. Все это он показал в большом историческом очерке «Народ-герой» («Новый мир», 1941, № 11—12), который был выпущен затем Воениздатом в массовой «Библиотеке красноармейца». Рассмотрев русскую историю с времен Святослава, отметив многочисленные примеры героизма наших предков, их многовековую борьбу с различными врагами: степными кочевниками, татарами, рыцарями-крестоносцами и многими другими иноземными захватчиками, Сергеев-Ценский на

вопрос: «Откуда же все-таки эти черты героизма, присущие русскому народу?» дает следующий ответ: «Преодолевая бесконечные девственные леса, дикие горы, бесплодные песчаные пустыни, русские люди... просто жили в тех условиях, в какие попадали, и эта «простая жизнь» из века в век создала того типичного русского человека, которому не страшны никакие труды и лишения войны, который привык смотреть в лицо опасности, не мигая».

В ожесточенной борьбе с фашистскими захватчиками нашу Красную Армию и Военно-Морской Флот, указывает Ценский, воодушевляет величественная идея защиты Родины, и это рождает героев. Писатель уверен: «Народ-герой побежденным быть не мог и побежден не будет, а кровожадный, подлый враг не будет владеть нашей землей».

Эти мысли о природе героизма Сергеев-Ценский развивает и в статье «Величие духа» («Правда», 23 февраля 1942 г.), написанной после разгрома немцев под Москвой. Он ярко говорит о природе нашего общества, где мерилom каждого является его полезный труд на благо Родины, поэтому как не расцвести героизму в нашей стране, когда стать героем — значит помнить об общем деле, забыть о себе, пожертвовать собой, если это необходимо. «В героизме нашем,— подчеркивает Ценский,— нет ни надрыва, ни позы, он прост и естествен, он в духе нашего народа, и если теперь временами кажется, что он превосходит все, что было известно нам из истории, то ведь и великая борьба за родину, которую мы ведем, не имеет себе равной в истории мира».

Как писатель морской тематики Сергеев-Ценский уделит внимание и действиям нашего Военно-Морского Флота и его замечательным боевым традициям в большой статье «Героизм русских моряков» («Большевик», 1942, № 3). Писатель, сравнивая подвиги моряков в прошлом и настоящем, приходит к выводу, что знамя доблести, завоеванное предками, находится в молодых, но надежных руках, которые передадут это знамя незапятнанным после нашей победы над фашизмом морякам-наследникам.

В этой связи Сергеев-Ценский с восхищением говорит о героической обороне города Севастополя, окруженного с суши фашистами, но продолжающего сражаться (статья «Севастополь», «Правда», 29 декабря 1941 г.). Писатель подчеркивает полное единство населения и войска как и во время осады 1854—1855 годов. В Севастополе сейчас нет тыла и фронта: все работают на оборону. Статья заканчива-

ется словами: «Пусть мы теряем много — придет час, и фашисты потеряют все».

С большим уважением и любовью писал Сергеев-Ценский о трудовом подвиге советских женщин, на плечи которых легла огромная тяжесть физического труда на заводах и фабриках, на колхозных полях и в лесном хозяйстве, у станка и за плугом по обеспечению фронта и промышленности всем необходимым. «Велики заслуги русской женщины в Отечественной войне, — подчеркивал Ценский. — Их не сотрет время. Нет на земле народа, который мог бы померяться с нами героизмом своих женщин. Для иных народов и самое сопоставление это — героизм и женщина — звучит как явная нелепость, как обидная шутка.

У нас безграничны резервы рабочей силы. Наши женщины — наш резерв, потому что мы не только республика рабочих и крестьян, но еще и республика работающих мужчин и женщин».

Несколько статей: «Сад пыток», «Садисты», «Так борются белорусы» (все 1942 года) Сергеев-Ценский посвятил гневному осуждению бесчеловечных зверств фашистов по отношению к народам Европы и особенно к советским людям: женщинам, детям, старикам. «Нет, Германия победителем не будет, — восклицает писатель, — этого мы должны добиться во имя спасения любимого отечества нашего, во имя спасения всего мира!»

В 1944 году можно было сделать и некоторые выводы из титанической борьбы советских людей с фашизмом. В статье «Наша гордость» («Труд», 10 мая 1944 г.) Сергеев-Ценский пишет: «Война подошла к тому гребню, с которого только слепому не виден теперь неизбежный, неотвратимо-страшный для наших врагов конец».

Эти военные успехи были достигнуты, подчеркивает писатель, благодаря дружбе советских народов, горячей любви их к свободной социалистической родине и непреклонной воле к победе, гордости тем, что каждый гражданин Советского Союза является хозяином своей страны.

В феврале 1945 года в статье «Красной Армии — вечная слава!» Сергеев-Ценский подвел итоги: «Мы потеряли неисчислимо много в этой борьбе, но зато враги наши потеряют все возможности наносить в будущем вред другим народам».

Публицистическая деятельность Сергеева-Ценского получила высокую оценку. А. Фадеев в статье 1942 года «Отечественная война и советская литература» подчеркивал: «Пуб-

лицистические произведения старейшего мастера прозы С. Н. Сергеева-Ценского, опирающиеся на героическое прошлое нашего народа, проникнутые глубокой верой в силы народа, в его конечную победу, вдохновляют советских людей на новые подвиги славы и чести»<sup>2</sup>. Редколлегия газеты «Правда» направила Сергееву-Ценскому в конце 1942 года следующую телеграмму: «Статьи «Арифметика и война», «Тебе, Москва» — очень хороши. Редакция «Правды» очень благодарна за сотрудничество. Просит продолжать его»<sup>3</sup>.

Несмотря на эвакуацию из Крыма сначала в Москву, а затем в Куйбышев и Алма-Ату, Сергеев-Ценский создал за время войны двадцать два художественных произведения, в том числе четыре романа из эпопеи «Преображение России» и историческую повесть «Флот и крепость» — о подвигах русских моряков под командованием адмирала Ушакова при взятии неприступной французской крепости на греческом острове Корфу. В одном из рассказов — «В снегах» (1941) — Ценский, описывая боевые действия летчика Свиридова, ярко и лаконично показал, что для советских людей героический подвиг представляет как бы обыденное дело, которому сами совершившие его не придадут большого значения. В этом проявляется простота, скромность и мужество советского народа. Та же тема была раскрыта и в рассказе 1943 года «Хитрая девчонка». В рассказе «Восемь равных» (в варианте 1943 года — «У края воронки») писатель показал великую дружбу советских народов: восемь пленных красноармейцев разных национальностей предпочли быть расстрелянными, чем поддаться на провокационную попытку гитлеровцев сыграть на их якобы националистических чувствах. Непримиримость русских людей к оккупантам ярко изображена в рассказе «Старый врач» (1942).

В исключительно короткий срок — в несколько месяцев 1942 года и в январе — феврале 1943 года — Ценский написал наиболее актуальные и нужные в тот период произведения из эпопеи «Преображение России» — романы о Брусиловском прорыве. О значении этих романов хорошо сказал бывший политработник писатель Г. Степанов: «Понимая, что его патриотические произведения нужны фронту, как боеприпасы, как снаряды, Сергеев-Ценский жил и работал по-фронтовому. Всего лишь за два месяца в 1942 году он создал такой военно-исторический роман, как «Бурная весна», посвященный Брусиловскому прорыву, который некогда



развевал миф о непобедимости немцев. И этот роман подоспел именно к тому моменту, когда надо было подготовить армию к повсеместному и решительному наступлению, к разгрому гитлеровских армий на Курской дуге.

Не забыть, как зачитывались «Бурной весной» политработники и военачальники в весенние месяцы репашающего срок третьего года»<sup>4</sup>.

Романы Ценского получили положительную оценку в журнале «Большевик». В обстоятельной статье критик Д. Заславский, в частности, подчеркивал: «Писатель изучал славные страницы прошлого в дни, когда с фронта доходили вести о героических оборонительных сражениях и о победном наступлении Красной Армии. Эта переключка былого с современным не отразилась на художественном и научном объективизме автора. В историческом романе нет модернизации. Но исторические факты многое объясняют в нашей современности»<sup>5</sup>.

Многолетняя писательская деятельность выдающегося художника слова С. Н. Сергеева-Ценского получила также признание и научной общественности: в конце сентября 1943 года он был избран Действительным членом Академии наук СССР.

Сергеев-Ценский к концу 1943 года закончил роман «Пушки выдвигают» — о подготовке империалистическими кругами первой мировой войны — и сразу же взялся за следующий роман эпопеи «Преображение России» — «Пушки заговорили». В интервью с корреспондентом журнала «Огонек» Сергеев-Ценский сказал: «Я целиком поглощен сейчас этой эпопеей и работаю над ней с громадным творческим подъемом».

В то же время Сергеева-Ценского глубоко волновали события Великой Отечественной войны. Он много размышляет о них и в 1943 году записывает в дневнике: «Ничего нельзя сопоставить с эпопеей о современной войне по значительности темы. Всякая другая тема бедна и ничтожна... Эта тема не может не волновать все человечество во всех частях света, и важнее ее ничего нет...»

У меня есть опыт писания эпопей, — какого ни у кого из современных писателей нет... Можно смело взяться за эту эпопею после того, как будет закончено «Преображение», т. е. примерно в конце 1944 г. Что же мне остается делать после двух эпопей? Только и всего, что начать третью, найдя для нее иные, чем в «Севастопольской страде» и «Преоб-

ражении», краски и слова. С другой стороны, эта третья эпопея — «Страшная книга» — будет именно тем, что требуется временем, чем «мир долго-долго будет полон...»<sup>6</sup> Однако создать эпопею о Великой Отечественной войне Сергееву-Ценскому не удалось, не хватило времени.

В связи с приближающимся освобождением Крыма от фашистских захватчиков Ценские в конце февраля 1944 года переехали из Алма-Аты в Москву, а затем в августе — в Крым, в Алушту. Дом Сергеева-Ценского был разрушен, библиотека разграблена, архивы, картины и рисунки самого писателя увезены в Германию. В стихотворении «Разрушенный дом» писатель говорит:

Я жив. Я новый дом себе построю.  
Народу своему, великому герою,  
Создам я гимн, его достойный. А с врагом  
Сполна сочтется он на поле боя.

Однако желание Сергеева-Ценского создать гимн народу — закончить эпопею «Преображение России» — по не зависящим от писателя причинам не осуществилось.

30 сентября 1945 года исполнилось 70 лет со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского. Делясь своими творческими планами по созданию эпопеи «Преображение России», Сергеев-Ценский в статье «Будущие книги» указал, что в девятой и десятой книгах — «Зрелая осень» и «Трон убрали» — он расскажет о конце 1916 года, о Февральской революции, а в романах «Великий Октябрь» и «Восемнадцатый год» в качестве главных действующих лиц выведет создателей Советского государства. «Кроме того, — писал Ценский, — образ Ленина я посильно даю и дам в романе «Пушки заговорили» и «Трон убрали». Закончить эпопею... думаю в 1947 году»<sup>7</sup>.

Сергеев-Ценский много внимания уделял разработке образа В. И. Ленина. В 1945 году он говорил корреспонденту журнала «Огонек»: «Пушки заговорили» — роман, который я сейчас пишу, — одна из самых сложных частей эпопеи. Она переносит читателя в тревожные дни 1914 года... Четвертая глава у меня называется «Ленин и война». В ней я хочу нарисовать образ Ильича, описать его революционную деятельность во время первого года первой мировой войны. Если не ошибаюсь, это будет первая попытка изобразить Ленина тех лет»<sup>8</sup>.

Писатель сознавал всю сложность поставленной задачи. В неоконченной статье «Памяти Ленина» (1943?) он писал: «Очень трудна и очень ответственна перед общественностью и искусством задача изобразить гениального мастера революции и строительства огромного государства на совершенно новых началах. Занятый в настоящее время своей многоотомной эпопеей «Преображение», я готовлюсь к тому, чтобы вслед за романами, посвященными первой мировой войне, дать несколько романов, в которых на фоне революции и борьбы с немецкой интервенцией 1918 года сильно изображен был этот совершенно исключительный человек — Владимир Ильич Ленин»<sup>9</sup>.

В первой половине 1945 года Сергеев-Ценский закончил роман «Пушки заговорили» и направил его в журнал «Новый мир», где был опубликован и предыдущий роман — «Пушки выдвигают». Но Сергеева-Ценского постиг неожиданный удар: редколлегия «Нового мира» отказалась печатать это произведение, и оно было опубликовано лишь через 10 лет, в 1956 году, в юбилейном издании сочинений писателя.

Как ни странно, причиной конфликта послужила глава «Ленин и война». Эта глава редакцией журнала была направлена на отзыв проф. Б. М. Волину. Профессор дал отрицательное заключение, обвинив Ценского в незнании биографии В. И. Ленина, в психологически неверном изображении его характера и прочем. В повторной рецензии, вероятно, по доработанной рукописи, в феврале 1946 года Б. М. Волин хотя и заявляет, что «ряд наиболее одиозных мест устранен», однако «не менее подобных мест осталось», но, главное, заключает рецензент: «Автор не имеет ни малейшего представления о роли Ленина, о его деятельности»<sup>10</sup>.

Этот отзыв и сослужил, видимо, плохую службу. Но правда восторжествовала. После опубликования этой главы отдельным этюдом в 1957 году крупнейшие деятели советской культуры акад. М. А. Шолохов, акад. В. В. Виноградов, А. Герасимов и другие отмечали: «Образ В. И. Ленина — бесспорная удача писателя»<sup>11</sup>.

Сейчас можно лишь сожалеть и об ошибке и предвзятости рецензента, и о нестойкости редколлегии журнала, и об ошибке самого Сергеева-Ценского. Старый писатель, глубоко обиженный этим непонятным для него актом, не нашел

на этот раз сил стать выше несправедливых обид и принял решение больше ничего не писать. И действительно, в течение нескольких лет он ведет лишь свой поэтический дневник. Он даже не отправил для опубликования написанную в 1946 году «Московскую повесть», и в этом году появилась в печати лишь одна его публицистическая статья — «Мощь и сила нашей страны» («Красноармеец», 1946, № 3—4).

Психологическая «Московская повесть», представляющая собой якобы найденную рукопись неизвестного автора, посвящена «памяти павших». Это — история лейтенанта Михаила Никитина, приехавшего с фронта всего на сутки в Москву, и возвратившейся из эвакуации его школьной подруги Алины. Случайная встреча напомнила им былое увлечение, на следующее утро Михаил уехал на фронт, оставив в Москве юную жену. Алина трепетно ждет его писем, но вслед за первым письмом вскоре приходит второе, в котором сообщается, что Михаил погиб. Алина потеряла сознание. В больнице она проживает полное равнодушие к окружающему, так как жизнь потеряла для нее всякое значение. «Против желания умереть медицина бессильна», — говорит врач подруге Алины. Только вечером, когда передавали по радио приказ Верховного Главнокомандующего, «при словах: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!» — из-под огромных неподвижных век показалась одна тяжелая прозрачная слеза».

Повесть пронизана лирическим настроением нерасцветшей любви, грустью преждевременной утраты, чувством верности павшим в боях.



*С. Н. Сергеев-Ценский  
(начало 50-х годов).*

В течение 1947—1950 годов в печати не было опубликовано ни одного произведения Ценского. Казалось, его творческая деятельность угасла. Но в действительности писатель почти ежедневно ведет «Дневник поэта», откликаясь на важнейшие события международной и внутренней жизни стихотворениями самых разнообразных жанров — от лирики до политической сатиры. За двенадцать лет — с 1946 по 1958 год — Сергеев-Ценский написал около шести тысяч стихотворений, некоторые из них начали печататься в газетах и журналах с 1956 года. Большинство этих стихотворений представляет собою первые наброски-эспромты, поскольку Сергей Николаевич их совсем не правил. Но среди них есть и великолепные стихотворения.

«Сейчас я пишу только стихи... — указывал Ценский в письме 1948 года. — Все это хорошо, конечно, но этого мало, чтобы приняться за продолжение и окончание огромнейшей эпопеи... Она требует еще не меньше трех лет самого усидчивого труда, между тем как освистать его любой подлец может за полчаса...»<sup>12</sup> Помимо стихов Сергеев-Ценский в 1949—1950 годах написал большое количество басен (некоторые из них опубликованы в альманахе «Крым», 1950, № 6).

Стихотворной речи Сергеев-Ценский придавал очень большое значение. В 1956 году он отмечал: «Меня часто мучают возникающие образы, требующие воплощения в слове. Если они не помещаются на страницах прозы, я пишу стихи. За долгие годы творчества в моем столе прозаика скопилось около ста тысяч таких рифмованных строк. Это — кладовая слова, лаборатория, необходимая писателю ничуть не меньше, чем этюды для художника или композитора. В ней отливаются емкое, афористичное, чеканное слово, без которого нет красоты в искусстве»<sup>13</sup>. Между прочим, аналогичные мысли высказал и Л. Н. Толстой. В своем дневнике он отметил: «...Писал стихи. Идет довольно легко. Я думаю, что это мне будет очень полезно для образования слога»<sup>14</sup>.

Огромное поэтическое наследие Сергеева-Ценского еще ждет публикации и своего исследователя.

Записи в дневнике свидетельствуют, что в это время писатель продолжает обдумывать композицию и содержание эпопеи «Преображение России», собирает и изучает исторические материалы, необходимые для написания основных произведений. В дневнике тех лет мы находим многочисленные варианты плана эпопеи, но, как правило, главное место



*Сергей Николаевич и Христина Михайловна с пионерами Алуштинского детского дома (1954).*

в них занимает показ роли и значения В. И. Ленина в Октябрьской социалистической революции и победе Советской власти.

В начале 50-х годов острота неудачи с опубликованием романа «Пушки заговорили» постепенно сгладилась, писатель снова начал активно выступать в печати (в 1951 году в центральных газетах были опубликованы три статьи Ценского). В приветствии Второму Всесоюзному совещанию молодых писателей старейший русский художник слова писал: «Горячо приветствую молодых писателей. Надеюсь, что поддержите свежими силами славу великой нашей литературы, если будете упорно работать и учиться. Без большого образования большим писателем стать нельзя»<sup>15</sup>.

В 1951 году Сергеев-Ценский создал большую часть (15 глав) повести «Утренний взрыв» (закончена в 1956 году), где показал рост революционных настроений в царском флоте и таинственный взрыв на крейсере «Императрица Ма-

рия», который как бы символизировал начало крушения насквозь прогнившего царского режима.

М. А. Шолохов, ознакомившись с этой повестью, послал Сергею-Ценскому следующую телеграмму: «С истинным наслаждением прочитал «Утренний взрыв». Дивлюсь и благодарно склоняю голову перед Вашим могучим нестаряющим русским талантом».

Через сорок лет после опубликования повести «Наклонная Елена» Сергеев-Ценский написал в 1953 году ее продолжение — повесть «Суд». Обе части Ценский объединил названием «Преображение человека». В этом романе он развил дальше образ инженера Матийцева, который на суде над коногоном Божком выступает как его защитник и обличитель всего эксплуататорского строя России. Речи Матийцева вызывают восхищение большевика Худолея, выдающего в них блестящий пример политической агитации. Вскоре после суда Матийцева арестовывают, и в дальнейшем на страницах эпопеи мы встречаем его уже под именем Даутова, ставшего революционером-большевиком.

В этом романе Ценский по-новому осмыслил тему преобразования человека. Если в романе «Валя» преобразование мыслилось только как нравственное самосовершенствование, то теперь Ценский показывает, что истинное преобразование человека происходит на пути служения народу, на пути революционной борьбы в рядах большевистской партии. Так сама история внесла коррективы в писательский замысел, который только после Октябрьской социалистической революции мог получить свое правдивое решение.

В 1955 году исполнилось 80 лет со дня рождения писателя и ЦК КПСС поручил Гослитиздату выпустить десяти-томное юбилейное издание сочинений Сергеева-Ценского. В связи с этим Сергей Николаевич весь 1954 год был занят подготовкой произведений для этого издания.

30 сентября 1955 года в Симферополе состоялось торжественное чествование писателя. Он был награжден правительством орденом Ленина. В адрес юбиляра поступили многочисленные приветствия от общественных организаций, читателей и друзей. Воодушевленный высокой оценкой своего труда, Ценский записал в дневнике:

Хочу с тобой, моя отчизна,  
Идти без усталы вперед,  
К вершинам светлым коммунизма,  
Куда нас партия ведет.

Писатель по-прежнему продолжает страстно откликаться на все события международной жизни. В статье «Сила наших подписей» он писал: «Из-за океана зловеще ползут к нам угрозы третьей мировой войны, на этот раз атомной. Величайшие преступники — империалистические агрессоры замышляют уничтожить все, что нами сделано, и нас самих»<sup>16</sup>. В связи с происками международного империализма тема борьбы против войны все сильнее привлекает внимание писателя: он возвращается к своему довоенному замыслу создать эпопею о событиях Отечественной войны 1812 года. Но теперь она должна называться «Долой войну». В 1955 году Ценский написал «Пролог» и историческую драму «Бонапарт у ворот». В соответствии с планом эпопеи, записанным 16 октября 1956 года в «Дневнике поэта», в нее должны были войти следующие произведения: «Подготовка к бою» (не закончена), «Бородинский бой», «Москва пустеет», «Москва горит», «Березинская переправа», «Эпилог».

«Пролог» представляет собой размышления писателя о судьбах государств и народов, о личности Наполеона, о подготовке им нападения на Россию. Ценский подчеркивает, что армию интервентов ждет гибель под «косую сражений», а русский народ, несмотря на жертвы, победит.

Драма «Бонапарт у ворот» охватывает период от вступления французских войск в Россию до сожжения Смоленска. Сергеев-Ценский вывел на сцену также и представителей народа: крепостных крестьян, дворовых, рабочих на строительстве винокуренного завода. Народ не в меньшей мере, чем правящие классы, беспокоит вторжение Наполеона в Россию. Рабочий говорит:

А думка есть у каждого: что будет  
Со мной, с тобою, с матушкой Москвой.

Ценский не модернизирует историю, он показывает, что вера в царя соединялась у народа с любовью к родине. Быстрое продвижение Наполеона к Смоленску вызывает у рабочих разговор об измене, о необходимости призвать народ, если «силов не хватает»:

Возьми да собери, — на то начальство!  
Оружью нам дай, — вот и пойдем...  
Смоленск пожег, — он и Москву пожег!

Сергеев-Ценский поставил в этом произведении тему все-народной борьбы с захватчиками в Отечественной войне



1812 года. Но развить эту тему в дальнейших произведениях не успел. 29 декабря 1956 года он записал в дневнике: «Что касается «Долой войну», то эту эпопею надо отложить до окончания «Преображения России».

В июле 1955 года по просьбе редакции газеты «Комсомольская правда» Сергеев-Ценский написал серию статей, объединенных названием «Слово к молодым (беседа о делах писательских)», в которых поделился своим творческим опытом, рассказал о большом труде писателя, требующем полной отдачи всех сил и таланта народу.

1956 год был для маститого писателя очень плодотворным. Он написал вторую половину повести «Пристав Дербин», вторую часть повести «Утренний взрыв», историческую драму «Подготовка к бою», много стихотворений и другие произведения.

В статье «Радость творчества» Сергеев-Ценский следующим образом объяснил тот творческий подъем, который испытывал он и многие советские писатели: «Наши враги за рубежом склонны упрекать советских литераторов за то, что они, мол, пишут «по указке». С трибуны Второго съезда писателей Михаил Александрович Шолохов популярно разъяснил этим недругам, в чем разница между примитивным «социальным заказом» и велением умов и сердец, безраздельно отданных Отчизне, ее народу и партии.

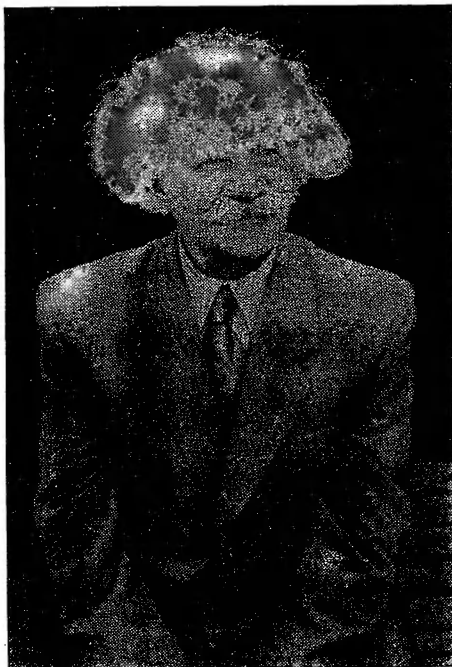
Я вспомнил эти хорошие слова собрата писателя, когда прочел документы к XX съезду партии. В проекте Директив на шестую пятилетку нет, разумеется, пункта, где было бы записано, сколько нам, советским литераторам всех поколений, следует создать добротных книг и что предпринять для сверхсрочного появления нового Пушкина или Горького. Искусству в этом документе прямых директив не дано, и никто здравомыслящий не возьмется планировать в цифрах поэзию. Но было истинным наслаждением для меня найти в динамичных тезисах этого документа самое дорогое, что только может быть для художника, — творчество. Вдохновенное творчество народа и партии!»<sup>17</sup>

В 1956 году Сергеев-Ценский приступил к созданию главных произведений эпопеи «Преображение России». В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» он заявил: «В последующих романах будут отражены события, являющиеся самыми выдающимися в истории человечества, — Великая Октябрьская социалистическая революция и деятельность партии большевиков. Показ этой колоссальной работы

и является главным в моей эпопее «Преображение России» (курсив мой.— П. П.)<sup>18</sup>.

С огромным волнением приступил писатель к воспроизведению на страницах эпопеи дорогого для него образа В. И. Ленина. В 1956 году он доработал четвертую главу романа «Пушки заговорили» — «Ленин в августе 1914 года» и назвал ее этюдом, в котором показал один эпизод из жизни В. И. Ленина в Поронино: его арест австрийскими властями. Но во всем своем величии и обаянии образ В. И. Ленина как вождя революции, вождя партии большевиков должен был раскрыться в повести «Приезд Ленина», оставшейся ненаписанной, хотя к ней была проделана огромная подготовительная работа: тщательно изучены произведения В. И. Ленина, воспоминания современников, труды историков, мемуарная литература и т. д.

В этюде «Ленин в августе 1914 года» перед нами встает живой Владимир Ильич Ульянов — человек и политический деятель огромного масштаба. Простота, ум, мужество и выдержка Владимира Ильича, его беспокойство и забота о близких, волнение в связи с бессмысленным арестом — все это делает Ленина, нарисованного Ценским, простым и человеческим. И хотя мы знакомы только с первыми набросками этого монументального образа, можно сказать, что Сергеев-Ценский показал бы Ленина в полном соответствии с исторической правдой, во всем его величии и простоте.



*С. Н. Сергеев-Ценский в последние годы жизни.*

Крайне напряженный творческий год заканчивался. Сергей Николаевич записал в дневнике 29 декабря 1956 года: «Удивительно для меня самого, что моя творческая деятельность не угасает; но удивительно только для меня, никто другой этому не удивляется, как будто это в порядке вещей».

Однако могучий организм Сергея Николаевича начал сдавать. Сначала стал слабеть слух, а затем и зрение. В мае 1957 года он пишет одному из своих корреспондентов: «Меня интересует... когда наконец «созреет» моя «старческая катаракта» и мне сделают операцию — изъятие хрусталика одного глаза, после чего я будто бы стану видеть на 50%, а теперь я вижу только на 15% и читать совершенно не могу ни в какие очки, а пишу это, не видя, что именно пишу, по привычке»<sup>19</sup>.

Тем не менее Сергеев-Ценский продолжал трудиться. Он работает над романом «Весна в Крыму», на ощупь ведет «Дневник поэта». Мысль писателя снова и снова обращается к народу, которому он посвятил все свои силы. В стихотворении «Народ и ты» Ценский писал:

Пусть каждый чувствует себя как часть народа,  
Но не слуга; нет слуг, как нет господ,  
Есть целое,— идет от рода к роду,  
И это целое — народ!

Ты не слуга; ты только сын или дочь,  
Гордись своим народом, мирный воин,  
Кто б ни был ты — народа будь достоин!  
Придет ли ночь — внеси огонь свой в ночь.

В декабре 1957 года Сергеев-Ценский написал небольшую поэму «Лермонтов в гробу» как часть задуманного большого произведения «Бабушка и внук».

Зимой 1957 года Ценский заболел гриппом, а затем начались сильные кровотечения из носа — следствие злокачественной опухоли. В результате неудачной операции, сделанной в марте 1958 года в Симферополе, Сергеев-Ценский заболел двусторонним воспалением легких. Но и в этих условиях он продолжает вести свой «Дневник поэта». 23 апреля Ценский записывает в нем: «Конечно, надо писать не стихи, а три статьи о трех великих поэтах, но для этого надо сидеть, а не лежать...» И все же эти статьи были написаны: «Талант и гений» (о комедии Гоголя «Ревизор») — в апреле, «Лермонтов как певец Кавказа» — 30 апреля — 14 мая, «Лирика Пушкина» — в мае. В июне — августе 1958 года

Сергей Николаевич жил и лечился в Москве. В этот период в издательстве «Правда» вышел небольшой сборник его стихотворений «Родная земля». В начале сентября Ценский возвратился в Алушту. Почувствовав себя немного лучше, Сергей Николаевич с радостью записал в дневнике: «И снова труд!» Он стремился закончить эпопею. Был написан роман «Весна в Крыму» о Февральской революции в Крыму.

Чувствуя, что он уже не в состоянии полностью выполнить свой замысел, Сергеев-Ценский начал писать повесть «Свидание» (была начата третья глава), которая является как бы эпилогом эпопеи «Преобразование России». Здесь мы встречаемся почти со всеми главными героями эпопеи — Даутовым, Ливенцовым, Николаем и Еленой Худолей, Леонидом и Таней Слесаревыми — и узнаем о их жизни после революции и в годы первой пятилетки.

Сергей Николаевич по-прежнему откликается на все события внутренней и международной жизни. Во многих центральных газетах и журналах печатаются его стихотворения. Одно из них он посвящает комсомольцам целины:

Привет, комсомольское племя!  
Привет любимцам земли!  
Как вы зауздали время,  
Как вы далеко ушли!

Пусть сам не пашу и не сею,  
Но в жизни еще я гожусь,—  
Ваш труд оценить умею,  
Потому что и сам тружусь.



*Бюст С. Н. Сергеева-Ценского на месте захоронения на усадьбе писателя в Алуште (проект Н. Петровой, работа скульптора Н. Качанова).*

Накануне Первого съезда писателей Российской Федерации Сергеев-Ценский написал статью «Жизнь писателя должна быть подвигом» (опубликована в «Комсомольской правде» 23 ноября 1958 года за 10 дней до смерти), где он как бы подвел итог своей жизни, которая воистину была подвигом во славу народа, Родины. «Слитность воедино с жизнью народной во всех ее проявлениях — вот единственно правильный путь для настоящего народного писателя», — подчеркивал Сергеев-Ценский в пожелании съезду писателей России. И этому завету он сам следовал всю свою долгую жизнь.

Последние мысли писателя были направлены к детищу всей его жизни. «Третьего декабря под вечер, — вспоминает секретарь Сергеева-Ценского В. К. Козлов, — он... проговорил тихим, слабым голосом:

— Очень многое не сделал... Очень важное!.. Да, не удалось закончить «Преображение»!.. Опоздал!.. Обидно!..

Несколько повернувшись в кровати, с большим усилием поднял руку, слабо пошевелил кистью и, как бы впадая в забытие, тихо-тихо проговорил: «А теперь... всё!.. Всё!..»

И вскоре умолк навсегда...»<sup>20</sup>

В некрологе, подписанном Правлением Союза советских писателей СССР, Президиумом Академии наук СССР, Правлением Союза писателей Украины, Оргкомитетом Союза писателей РСФСР, говорилось: «Умер старейший, выдающийся писатель, академик Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, перед могучим, нестареющим русским талантом которого благодарно склоняют головы миллионы отзывчивых советских читателей».

#### Сноски

<sup>1</sup> «Известия», 25 сентября 1941 г.

<sup>2</sup> Фадеев А. Собр. соч., т. 4. М., 1960, с. 329.

<sup>3</sup> «Литература и жизнь», 30 сентября 1942 г.

<sup>4</sup> Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой. С. Н. Сергеев-Ценский. (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 74—75.

<sup>5</sup> Заславский Д. Брусиловский прорыв. «Большевик», 1944, № 1, с. 55.

<sup>6</sup> «Дневник поэта». Архив писателя в Алуште.

<sup>7</sup> «Литературная газета», 3 марта 1945 г.

<sup>8</sup> «Огонек», 1945, № 43, с. 14.

<sup>9</sup> Архив писателя в Алуште.

<sup>10</sup> См.: ЦГАЛИ, ф. 1702, оп. 2, ед. хр. 16, л. 43—48 и там же, ед. хр. 60, л. 87.

- <sup>11</sup> «Литература и жизнь», 10 февраля 1960 г.
- <sup>12</sup> Письмо Г. Г. Степанову.— В кн. последнего: А. С. Новиков-Прибой. С. Н. Сергеев-Ценский (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 164.
- <sup>13</sup> «Литературная газета», 14 февраля 1956 г.
- <sup>14</sup> Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 154.
- <sup>15</sup> «Литературная газета», 25 марта 1951 г.
- <sup>16</sup> «Крымская правда», 10 апреля 1955 г.
- <sup>17</sup> «Литературная газета», 14 февраля 1956 г.
- <sup>18</sup> «Литературная газета», 1 октября 1955 г.
- <sup>19</sup> Альманах «Донбасс», 1959, № 1, с. 53.
- <sup>20</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве». Тамбов, 1963, с. 183.

## Глава VI

### ЭПОПЕЯ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ»

Преображение России  
Творил народ не на авось,  
И мне подслушать довелось  
Народа думы вековые.

И все, чему свидетель был,  
Что сделал сам, шагая в ногу,  
Мечты, и радость, и тревогу  
В страницы книг своих вложил...

В предыдущих главах мы касались истории создания Сергеевым-Ценским на протяжении сорока пяти лет огромной эпопеи «Преображение России», состоящей из восемнадцати самостоятельных произведений (и незаконченного эпилога «Свидание»), связанных в единое целое творческим замыслом писателя и глубокими идеями, положенными в основу их содержания. Все эти произведения создавались в разное время и не в строгой последовательности описываемых в них событий, поскольку это каждый раз вызывалось глубокими социально-историческими причинами и требованиями жизни.

В первых произведениях эпопеи — романах «Валя», повести «Наклонная Елена» — события совершаются накануне первой мировой войны в 1913 году, а в первой части повести «Пристав Дерябин» даже в период русско-японской войны. В последних произведениях — романе «Загадка кокса» и этюде «Свидание» — описываются годы первых пятилеток. Таким образом, охват событий в эпопее огромен, и приходится лишь сожалеть, что главные произведения эпопеи, посвященные Октябрьской социалистической революции, остались ненаписанными.

Мы расположили произведения эпопеи в хронологической последовательности изображенных в них исторических событий, а в скобках указали дату создания произведений, в том числе и повторного возвращения к ним.

1. Роман «Валя» (1913).
2. Повесть «Наклонная Елена» (первая часть романа «Преобразование человека») (1913).
3. Роман «Обреченные на гибель» (1918—1923, 1944).
4. Повесть «Пристав Дерябин» (1910, 1956).
5. Повесть «Суд» (вторая часть романа «Преобразование человека») (1953).
6. Роман «Пушки выдвигают» (1943).
7. Роман «Пушки заговорили» (1944—1945).
8. Этюд «Ленин в августе 1914 года» (1945, 1956).
9. Роман «Зауряд-полк» (1934).
10. Роман «Лютая зима» (1935).
11. Роман «Бурная весна» (1942).
12. Роман «Горячее лето» (1942—1943).
13. Повесть «Утренний взрыв» (1951, 1956).
14. Повесть «Львы и солнце» (1931).
15. Повесть «Капитан Коняев» (1918).
16. Роман «Весна в Крыму» (1958).
17. Роман «Память сердца» (первая часть романа «Искать, всегда искать!») (1934).
18. Роман «Загадка кокса» (вторая часть романа «Искать, всегда искать!») (1935).
19. Этюд «Свидание» (не закончен) (1958).

Несмотря на то что отдельные части эпопеи «Преобразование России» написаны в разные годы и о разных исторических периодах, в ней нет ни повторений, ни противоречий. Поражает продуманность и стройность архитектоники этого грандиозного создания объемом около 180 печатных листов. Все это свидетельствует о том, как тщательно Сергеев-Ценский вынашивал идею своих произведений и продумывал их во всех деталях, прежде чем начинал писать, как он сроднился со своим замыслом и своими героями. В статье 1955 года «Роман и эпопея» Ценский писал: «Одно обдумывание плана такой громадной постройки, как эпопея, отнимает времени очень много. Не только ведь разместить людей и события в отдельном романе, входящем в эпопею, но и удельный вес каждого романа нужно знать точно, чтобы не было неуклюжести в линиях всего произведения в целом, пусть даже подобной неуклюжести и не в состоянии никто заме-



тить, кроме автора, так как таких размеров эпопея — новаторство в литературе»<sup>1</sup>.

Эпопея «Преображение России» — произведение многоплановое. В ней Сергеев-Ценский параллельно развивает несколько главных тем. Это, во-первых, проблема народа и войны, народа и революции; во-вторых, интеллигенции и народа, интеллигенции и революции и, в-третьих, искусства и жизни, художника и народа.

Основным героем эпопеи «Преображение России» является народ. Он выступает как решающая сила истории, сметающая со своего пути одряхлевшее самодержавие и буржуазно-помещичье государство, созданное после Февральской революции. Роль народа подчеркивается в романах эпопеи массовыми сценами, в которых народ выступает как коллективный герой: это действия солдат на фронте и народные демонстрации в тылу, выступления народа в период Февральской революции.

Ценский неоднократно показывает на страницах эпопеи грозную силу народного протеста. В период подготовки первой мировой войны президент Франции Пуанкаре приехал в Россию для скрепления военного союза.

«А в то время, как в Красном Селе выяснялись возможности строгой согласованности военных действий... в Петербурге рабочие наглядно показывали всем, какая сила могла бы раз и навсегда предотвратить войны во всем мире: ведь в огромном большинстве это были рабочие заводов, занятых выполнением военных заказов, притом заводов очень крупных: Путиловский, например, имел двенадцать тысяч рабочих.»

Нечего и говорить, что царь и министры, стремившиеся показать президенту союзной страны товар лицом, были чрезвычайно сконфужены выступлением рабочих, имевшим, несомненно для всякого, политический характер...» («Пушки выдвигают»)

В романах эпопеи Сергеев-Ценский широко показал жизнь народа. Картины ужасающей нищеты и каторжного труда рабочих в шахтах, нарисованные Ценским в повестях «Наклонная Елена» и «Суд» — роман «Преображение человека», показывали бесчеловечную эксплуатацию и тяжелое положение не только шахтеров, но как бы всех трудящихся царской России накануне первой мировой войны.

Роман «Преображение человека» сам Сергеев-Ценский называл прологом к эпопее «Преображение России». «Преж-

де чем художественно показать,— писал он,— как именно произошел процесс преобразования, необходимо было изобразить то, что надлежало преобразить»<sup>2</sup>. И первые произведения Сергеева-Ценского, посвященные жизни дореволюционной России («Колокольчик», «Тундра», «Молчальники» и др.), и повести «Наклонная Елена», «Суд» показывали жизнь трудового народа.

Особенно ярко описано положение горняков на шахте «Наклонная Елена». Инженер Матийцев говорит на суде: «Я назвал труд шахтеров каторжным, беру это мягкое слово назад: он гораздо тяжелее и хуже труда каторжников...» Матийцев не обвиняет, а защищает коногона Божка, напавшего на него потому, что он, выполняя волю хозяев, уволил его с шахты. «Его учили жить,—говорит Матийцев,—по той же системе, по которой он учил молодую лошадь Зорьку, то есть при помощи истязаний... Он явился пьяным, а кто его учил трезвости? Кто хоть пальцем о палец ударил, чтобы доставить ему, безграмотному шахтеру, хотя бы какие-нибудь разумные развлечения в часы отдыха от каторжной работы? Какие-то анонимные бельгийцы, наживающие... триста на сто на каторжной работе безграмотных русских коногнов божков!» Не одних только шахтеров вывел Сергеев-Ценский на страницах эпопеи: в романе «Обреченные на гибель» он показал труд рабочих каменоломен, в романе «Пушки заговорили» дал образы рабочих с Путиловского завода, а многочисленных представителей русского крестьянства показал в романах «Зауряд-полк», «Лютая зима» и др.

Главная роль в росте самосознания народа принадлежит рабочему классу. «Ведь рабочих раскочакали даже здесь, в Донской области,—говорит большевик Худолей.—А на Кавказе-то как! А в Питере, в Москве, в Иваново-Вознесенске!.. В Москве Пресня разве забыта? А в Крыму, в Одессе — броненосец «Потемкин», крейсер «Очаков»?.. Во все это вникли рабочие, почувствовали, что они — сила... А ведь только это и надо нам, чтобы сознание своей силы у рабочих появилось: дальше уж там покатиться должно, как по рельсам».

Народу, идущему к революции, Ценский противопоставляет силы, защищающие самодержавный строй: полицию и армию. С этой целью он вводит в эпопею повесть «Пристав Дерябин». «Моей задачей было,—пишет Ценский,—...зарисовать одного из столпов, на которых держалась царская Россия»<sup>3</sup>.

Прототипом Дерябина послужил херсонский пристав Бессонов, с которым Сергеев-Ценский встречался в 1904 году, когда его, прапорщика Сергеева, назначали со взводом в наряд для помощи полиции вследствие начавшихся революционных выступлений рабочих.

Монументальный внешний вид Дерябина — громадный рост, большая, круглая, как арбуз, голова, грохочущий голос — как бы подчеркивает силу и мощь полиции в царской России. Но во внутреннем, психологическом плане Дерябин двойствен: он совершенно не уважает ни правительство, которому служит, ни буржуазно-помещичье общество, не уважает никого, кроме самого себя и той неограниченной власти, которая ему предоставлена. «Общество у нас жулик на жулике, общество по-голов-но все — подлейшего состава, — говорит Дерябин Кашневу. — Понятия о честности ни малейшего!.. У нас если не крадет кто, — просто случая подходящего ждет».

Дерябин служит царизму не по убеждению, а из-за карьеры. Он мечтает жениться на графине, так как «где знать, там власть!.. А где власть, там все блага жизни!..». Его раздражает бессилие царизма: «У нас кости твердой нет, уповать не на что, понимаешь?.. Потому что и мне, хоть я и пристав, нужно, чтобы было что уважать!»

Дерябин гордится своей чудовищной силой и выносливостью, своей безнаказанностью. Он арестовывает и избивает не виновных ни в чем мастеровых, неприкрыто берет взятки, пьянствует, развратничает и творит всяческие безобразия. Но при этом он не забывает своей главной обязанности: душиť всякое проявление свободы, следить за каждым подозрительным с этой точки зрения человеком. «А-а, свобода!.. Я у вашей квартиры пост поставлю, знайте!.. Я вам покажу свободу!» — кричит Дерябин прапорщику Кашневу, после того как провокационно выведал направление его мыслей.

Переведенный в столичную полицию, полковник Дерябин еще более уверился в своей силе. «Полиция же — это уж навеки!» — заявляет он художнику Сыромолотову, который замыслил изобразить огромную фигуру Дерябина на коне в своей картине «Демонстрация у Зимнего дворца» как олицетворение идеи жестокой и самодовольной власти.

Дерябин — умный, сильный и жестокий враг революционного движения. Это дерябины в дни революции, когда войска переходили на сторону восставшего народа, сами ло-

жились за пулеметы и расстреливали рабочие демонстрации. Об этом Ценский хотел сказать в романе «Долой царя!»<sup>4</sup>.

Основное внимание Сергеев-Ценский уделил другой опоре царизма — армии. Состояние царской армии он ярко показал в романах, посвященных первой мировой войне, — «Пушки выдвигают», «Пушки заговорили», «Зауряд-полк», «Лютая зима», «Бурная весна» и др. В них он показал и то, какое революционизирующее влияние оказала война на народ.

Сергеев-Ценский подробно изобразил подготовку мировой войны германским империализмом, который искал новых рынков сбыта, показал тесную связь капиталистов между собою, для которых не существовало ни родины, ни чувства патриотизма.

«Когда в дни войны, — пишет Ценский, — начались в Москве разгромы немецких торговых фирм... ходатаями за немцев-коммерсантов перед московским генерал-губернатором явились не кто иные, как русские купцы и фабриканты. Они вопили о том, что банкротство крупных немецких торговых домов... сделает банкротами и их, потому что слишком тесно связаны с потерпевшими все их торговые интересы».

Сергеев-Ценский показывает, как складывались империалистические блоки. Могущественной Германии противостоял англо-франко-русский союз, и русская буржуазия была заинтересована в войне не меньше, чем европейская.

«Однажды попало сестрам в газете, что известный фабрикант Савва Морозов пожертвовал на союзы земств и городов и на нужды Красного Креста полмиллиона рублей и что то же самое сделал другой богач — Зубалов.

По этому поводу Нюра торжественно сказала:

— Ого! Вот молодцы!..

— А сколько они на войне наживут? — запальчиво отозвалась Надя. — Гораздо побольше, чем миллион!

— Неужели? — удивилась Нюра...

— ...На то и война такая началась, чтобы люди эти умели миллионы считать и знали бы, куда их девать...»

Один из героев эпопеи — Дивеев — говорит представителю буржуазных кругов Полезнаву: «Вы большими капиталами со временем ворочать будете, — погодите, дайте срок... Миллионы людей, может быть, будут списаны со счета жизни, а вы разбогатеете, верно-верно говорю вам!»

Не менее ярко показывает Сергеев-Ценский заинтересованность в захватнической войне и русских помещиков.

Крупный землевладелец ротмистр Лихачев, находящийся в ополчении, не сомневается в близкой победе, и тогда «платить по счетам придется Австрии, и она заплатит поря- дочно!»

— Так что нам, вы думаете, она заплатит Галицией? — спросил Ливенцев.

— Галиция уже наша! — сказал Лихачев...

— Кроме Галиции мы, может быть, и Буковину получим. Но самое важное, что мы получим, это — Константинополь и проливы!»

И далее, на заявление Ливенцева, что проливы нужны политикам, «а нам с вами зачем проливы?», Лихачев отвечает:

«— Вам лично? Не знаю. Вам это лучше знать... Что же касается меня, помещика, производителя пше-ни-цы, которую от нас вывозят за границу всякие Дрейфусы,— то это уж я, конечно, знаю, так как за провоз через Дарданеллы своего же хлеба я же и плачу Турции!.. А когда Дарданеллы будут наши, то за хлеб свой мы будем получать больше,— ясно? Не говоря уж о том, что мы там десять Кронштадтов устроим, и черта с два к нам в Черное море кто-нибудь про- дерется!»

Точно таких же взглядов придерживается и корнет Зубенко, имеющий три тысячи десятин земли и угольные копи, приносящие ему шестьдесят тысяч дохода в год. Зубенко тесно связан с бельгийскими и французскими монополиями. Он является их компаньоном по эксплуатации русских природных ресурсов.

«Мы только что пришли к выводу,— говорит Ливенцев,— что всем помещикам России, у которых на полях пшеница, Дарданеллы необходимы как воздух...»

Ценский далее пишет: «Ливенцев молчал, потому что в голове его вертелись миллионы всех мастей: русские, бельгийские, немецкие, французские, английские... Эти миллионы принимали в его мозгу... странно-уродливые, однако вполне реальные формы. И они сражались — эти разнородные миллионы, а Кирилл Блошаница (солдат-ездовой.— П. П.), который пока возится с серыми, секущимися на лопатках конями и мечтает о стаканчике водки, потом когда-нибудь пойдет вместе с ним, математиком Ливенцевым, оборонять русские миллионы против миллионов немецких... А зачем это им обоим?»

Убедительнее трудно сказать!

Писатель показал также, что одной из причин войны, развязанной царским правительством, явилась боязнь революции внутри страны.

Прапорщик Аксютин, бывший учитель истории, говорит: «Страх перед революцией владеет... всеми русскими царями, а нынешними в сильнейшей степени».

«Как же можно было, — пишет Ценский, — не прийти к той, неоднократно проверенной уже в прошлом мысли, что война внешняя очень действенное средство против войны внутренней, гражданской, пока не выливается эта последняя в открытые бои с полицией и войсками, пока говорится только о брожениях, забастовках и легких уличных беспорядках».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что С. Н. Сергеев-Ценский в своих романах раскрыл причины участия русского самодержавия в первой мировой войне в полном соответствии с высказываниями В. И. Ленина, который писал: «Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение»<sup>5</sup>. Сергеев-Ценский убедительно показал захватнический характер первой мировой войны как со стороны России, так и ее союзников\*.

Сергеев-Ценский широко и многосторонне освещает в романах эпопеи «Преображение России» тему войны и народа.

В период первой мировой войны лучшая часть мужского населения была призвана в армию, которая была, «по существу, и не армия, а народ с оружием». Многочисленными

---

\* В нашем литературоведении сложился ошибочный взгляд на эти произведения Ценского. Так, в курсе «История русской советской литературы (АН СССР) говорится, что «С. Сергеев-Ценский — крупный мастер советского исторического романа — не сумел отчетливо показать империалистический характер первой мировой войны» (т. 3, с. 44). В книге «Русская советская литература» (Учпедгиз, 1963) указывается: «В романах С. Сергеева-Ценского... оказалось затушеванным то важнейшее обстоятельство, что эта война носила империалистический, захватнический характер не только со стороны вильгельмовской Германии, но и со стороны России и ее союзников» (с. 599—600).

Как видно, подобные утверждения вытекают из недостаточно внимательного прочтения авторами статей романов Ценского, посвященных первой мировой войне.

примерами Ценский показывает, что война была чужда народу, который не понимал ее целей и не испытывал никакого шовинистического угара, в противоположность привилегированным классам.

«Во всей дружине... не было никого, кто бы стремился как можно скорее «положить свой живот за веру-царя», तो роился бы получить солдатскую обмундировку...»

Когда кто-то из офицеров стал беседовать со своей ротой о задачах и целях войны, один солдат ответил: «Так что, ваше благородие, задача наша состоит защищать капиталистов и буржуев, чтоб с ними никаких происшествий не случилось!..»

Солдаты запасных полков отказываются выезжать на фронт, но эти одиночные выступления ничего не дают, поэтому прапорщик Аксютин говорит Ливенцеву: «Вот видите, какая чепуха выходит, когда одна только рота загалдит... А вот если бы вся седьмая армия сразу так бы сказала?»

Несмотря на отрицательное отношение к войне, русские войска совершают боевые подвиги, свидетельством чему был знаменитый Брусиловский прорыв на Юго-Западном фронте в 1916 году, когда австро-немецкая армия была разгромлена в полосе 400 верст, было взято в плен более 400 тысяч солдат, несколько тысяч офицеров и генералов и захвачено огромное количество вооружения.

Если в начале войны народ видел грабительский, империалистический характер ее и поэтому не желал воевать, то в дальнейшем под воздействием военных поражений царского правительства во главе с верховным главнокомандующим Николаем II, отдавшим под иго противника несколько губерний, в народе и в армии возникло чувство глубокого патриотизма.

Чувство родины, чувство духовной слитности с народом, со всей страной растет в сознании войск. «Никому из них не хочется умирать, — пишет Ценский, — но все... очень твердо знают, что в каждый новый момент могут быть убиты или искалечены, однако... инстинкту самосохранения противостоит в них другой инстинкт — сохранение своего жилища; миллионы же их жилищ с семьями в них — это их родина: они — граждане родины, пославшей их на свою защиту; ...в этом их гордость самими собой; это повышает вес каждого в собственных глазах».

Идея народной мощи России лежит в основе романов «Брусиловский прорыв», и Ценский подчеркивает эту мощь,

говоря о России, щедро бросившей теперь «сотни тысяч, миллионы людей не на захват чужих земель, как было в начале войны, а на защиту своей». Это чувство патриотизма не противоречит зреющей в народе идее революции: «Чтобы сделать революцию в России, нужна прежде всего Россия»\*.

Как верных сынов родины писатель показывает и многочисленных солдат русской армии.

Рядовой Кузьма Дьяконов — пожилой, хозяйственного вида ополченец — типичный солдат русской армии. Он всегда выбрит, винтовка его чиста и хорошо смазана, но он замкнут, кажется неуклюжим и ограниченным. Кузьма не любит отвлеченных вопросов, вроде следующего: «Для чего человек живет на свете?» Но в бою он преображается в сообразительного, ловкого солдата, проявляющего мужество, и находчивость, и хозяйственную осмотрительность. Это он первый во время атаки заметил неприятельские пушки и вместе с солдатами захватил их. За свои подвиги Дьяконов представлен к награде и произведен в ефрейторы.

Солдат Тептерев враждебно относится и к войне, и к начальству, запавшие глаза его постоянно «мерцали по-волчьи». Он был одним из четырнадцати солдат, бросивших в походе патроны как «излишнюю тяжесть». Но во время боя он спасает товарища по оружию — прапорщика Ливенцева, храбро ведет себя во время атаки. Когда Тептереву вручили серебряную медаль на георгиевской ленте, он был удивлен: «За что же это?»

---

\* Вот как описывает настроение большинства солдат в то время в своих воспоминаниях генерал армии А. В. Горбатов, служивший в период первой мировой войны в кавалерийской дивизии: «Наступая в 1914 году, мы одерживали победу за победой, и тогда даже большие потери не оказывали удручающего действия на солдат. Но когда началось общее отступление, когда без боя оставляли кровно завоеванные территории, тогда чувство подавленности резко проявилось и часто слышались злые замечания в адрес командования. Прибывающее из глубины страны пополнение еще увеличивало такое настроение своими рассказами о близком голоде, о бездарности правителей...

Все это способствовало упадку дисциплины... Солдаты падали духом, стали приписывать противнику непобедимость, не верили в прочность обороны и считали ее только отсрочкой дальнейшего отступления. Все это я видел, все это накладывалось в моей памяти и заставляло думать.

...Война учила меня серьезно думать о виденном и пережитом. Однако размышления о политических вопросах появились у меня позднее, под прямым влиянием революции...» (Горбатов А. В. Годы и войны. Страницы воспоминаний. — «Новый мир», 1964, № 3, с. 150, 151).



Унтер-офицер Мальчиков, который говорил: «До нас, ваше благородие, немец не дойдет, — мы вятские», связывая понятие родины только со своей местностью, гибнет в во-лынском лесу, за тысячу верст от родного края, во имя за-щиты России.

Младший унтер-офицер Милешкин, стойко перенесший в плену надругательства противника и освобожденный нашими войсками, заявляет: «Раньше говорили мы... тоже: «Русские мы, русские!» А что такое «русские», никто толком даже не понимал... Даже воевать начали, — все будто не наше дело, а начальство так приказывает. Только как в плен попали, вот когда мы начали понимать, где какие русские, а где немцы...» Всю свою ненависть к врагу за погибших в плену товарищей Милешкин проявил в ожесточенном рукопашном бою, где действовал осмотрительно, взвешенно, но «с быстротой, почти неуловимой глазом».

Так преображался под огнем русский солдат, и это он почти без помощи артиллерии ломал неприступную оборону противника, бесстрашно поднимался в атаки и сотни верст гнал врага, сметая все препятствия на своем пути. И все это русский солдат делал из-за любви к родине, вопреки предательству и измене в правящих кругах.

В изображении русских солдат Сергеев-Ценский не погрешил против исторической правды. За исключением небольшого числа солдат-большевиков, подавляющая их масса не имела четких, определенных политических взглядов, и лишь под влиянием самих исторических событий происходило постепенное революционизирование солдатской массы, о чем хорошо сказал А. В. Горбатов.

А. С. Серафимович, работая над романом «Железный поток», подчеркивал трудность изображения массы: «Масса хотя и однородна, но разнолика, поэтому нужно стремиться выявить «основные мысли, основные идеи, основные задачи массы»<sup>6</sup>.

Сергеев-Ценский и дал в «военных» романах эпопеи «разноликую» солдатскую массу, разные типы солдат, но при этом выявил и основные мысли их: патриотизм и стремление революционным путем смести царизм.

Сергеев-Ценский противопоставляет в эпопее истинному патриотизму народа лжепатриотизм господствующих классов. В ряде убедительных и ярких эпизодов, сцен писатель сурово и правдиво показывает, как бездарное высшее командование, среди которого таились изменники и предатели,

офицерство и генералитет, разлагаемые карьеризмом и казнокрадством, приводят армию на край катастрофы. Царизм терпит одно военное поражение за другим.

Верховный главнокомандующий, ничтожный Николай II — «царишко», как называли его подданные, безучастный ко всему на свете, устраивает только бесцельные смотры войск, а царица Александра Федоровна и распутинская клика выдают немцам военные секреты и ведут тайные переговоры с ними о сепаратном мире, поскольку в лице кайзеровской Германии они видят «оплот самодержавной власти в России».

Кто же возглавляет царскую армию? Типичным представителем генералитета является изображенный в романе «Пушки заговорили» командующий 1-й армией генерал Ренненкампф — душитель революции 1905 года, типичный казнокрад, карьерист и изменник. Он погубил несколько корпусов русских войск в Восточной Пруссии, предоставив Гинденбургу возможность разгромить армию Самсонова. Перечень его преступлений и злоупотреблений, выявленных специально назначенной комиссией, как подчеркивает автор, составил пять толстых томов, но Ренненкампф вышел сухим из воды благодаря покровительству царицы.

Командир корпуса Флуг (тоже из немцев) во время ожесточенных боев подчиненных ему войск играет в карты далеко в тылу, пьет коньяк, а во время перерывов между партиями отдает приказы о продолжении наступления, в результате которого было загублено около тридцати тысяч солдат. Таковы и многие другие генералы, выведенные в романах Ценского, — Баснин, отдающий глупейшие приказы, вследствие которых командир полка вынужден телеграфировать вышестоящему начальству: «Генерал Баснин сошел с ума»; генерал Михайлов, питавшийся из одного котла с солдатами из-за умопомрачительной жадности к деньгам; таковы генералы Истопин, Котович, Ревашов, Алферов и многие другие.

Начальник штаба ставки верховного главнокомандующего Алексеев заявляет: «Нет генералов! Как может выиграть Россия войну, если при таких прекрасных солдатах, каких она дает фронту, не в состоянии дать порядочных генералов?»

Сергеев-Ценский очень ярко показывает, как назначались не только командиры соединений, но и командующие фронтами. Когда царь хотел назначить генерала Безобразо-

ва командующим гвардией, Алексеев испуганно сказал, что Безобразов был признан неспособным к командованию, на это царь ответил: «Что вы, Михаил Васильевич, что вы? Он такой милый человек,— я его давно знаю... Такой веселый рассказчик и совершенно неистощим на анекдоты».

Не только Безобразов, но и Куропаткин, Сухомлинов, Воейков — высшие начальники в армии — сделали карьеру также благодаря своей способности рассказывать анекдоты.

Не лучше подавляющего большинства генералов в армии и многие офицеры, выведенные в эпопею: стяжатель и казнокрад подполковник Генкель, трус и карьерист полковник Кюн, теряющий от страха человеческий облик поручик Пискунов, выживший из ума полковник Полетика, алкоголик поручик Миткалев и ряд других.

Сергеев-Ценский показал в военно-исторических романах эпопеи и честных военачальников, сохраняющих великие традиции защиты национальной независимости. Это — начальник штаба русской армии генерал Алексеев, преданный родине, стремящийся добиться перелома в войне. Но он слаб волен, боится обострения отношений с царем и придворными кругами, хотя и желает устранить старых и неспособных генералов и применить новые методы ведения боевых действий, поэтому положительные результаты деятельности Алексея слабо ощущаются. Алексеев показан Сергеевым-Ценским как убежденный монархист, и закономерно, что через несколько лет, во время революции и гражданской войны, он оказался во главе контрреволюции.

Бесспорно, самым талантливым был блестящий стратег генерал Брусилов, смело ломавший шаблоны в военном деле. Немецкому концентрированному удару Брусилов противопоставил одновременные удары в разных местах и благодаря этому сему, хотя и рискованному плану добился блестящих успехов.

Выдающимся мастером тактики является командир дивизии генерал Гильчевский, образ которого выписан Ценским в романе наиболее выпукло и жизненно. Можно назвать еще десяток способных генералов, но они не могли остановить разложения русской армии и генералитета. В очень яркой картине совещания в царской ставке, данной в романе «Бурная весна», Сергеев-Ценский показал, что военные неуклики России заранее были предрешены тактикой если не прямой измены, то умышленного саботажа командующих фронтами Эверта и Куропаткина.

Тема народа и революции раскрыта Ценским глубоко и правдиво. На фронте растут случаи самострелов, дезертирства, ухода отдельных подразделений из окопов. «Накопец,— пишет Ценский,— очень энергично пришлось бороться и с пораженчеством, так как случалось, что во время сражения кто-нибудь из солдат начинал вдруг кричать: «Что же это, братцы, на убой, что ли, нас сюда пригнали? Давай сдаваться!» — и целые роты, а иногда и батальоны нанизывали белые платки на свои штыки и шли в плен». В свою очередь, и «пополнение, пришедшее в полк, аттестовалось как «затронутое преступной пораженческой пропагандой».

Сергеев-Ценский не показал в романах, посвященных мировой войне (последний роман «Горячее лето» описывает период мая — июля 1916 года), конкретной работы в войсках большевистской партии и ведущейся ею пропаганды поражения всех правительств в войне, в том числе и России.

В. И. Ленин в статье 1915 года «О поражении своего правительства в империалистской войне» разъяснял: Троцкому кажется, «что желать поражения России, значит желать победы Германии... Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция... пояснила: во *всех* империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству»<sup>7</sup>. Ленин указывал, что одним из способов этого является пропаганда братания солдат в траншеях.

Сергеев-Ценский не привел в романах «Бурная весна» и «Горячее лето» фактов братания солдат, хотя такие случаи в тот период уже были в тех воинских частях, которые он описал в романах. Так, историк первой мировой войны А. Зайончковский пишет: «В апреле 1916 года в 8-й армии, в 32-ом корпусе появляются первые случаи братания с австрийцами»<sup>8</sup>.

Правда, в набросках плана эпопеи «Преображение России» указана повесть «Братание», которую Сергеев-Ценский думал написать и поместить после романа «Лютая зима», то есть осветить период весны 1916 года, что соответствует по времени указанному выше случаю братания, но не успел это сделать.

То, что большевистская пропаганда велась в войсках и она была известна командованию, Ценский подтверждает косвенными данными. Так, в романе «Лютая зима» генерал Баснин утверждает, что прапорщик Ливенцев — «отъявлен-

ный красный». По этому поводу в 1936 году писал Сергею-Ценскому участник первой мировой войны читатель Кузнецов из Днепропетровской области: «Вы затронули мимоходом о красных, но почему проскользнуло это словечко, ведь слово «красные» в окопах не случайное, а большевистская пропаганда была в окопах, вы о ней говорите вообще, а это надо было выпятить»<sup>9</sup>.

По-видимому, эту пропаганду ведет командир роты прапорщик Аксютин, бывший учитель истории. Сергеев-Ценский лишь намекает, что Аксютин большевик: Аксютин умеет говорить с солдатами, и именно его рота хотела отказаться ехать на фронт; он хорошо знает положение во II Интернационале; высказывает офицерам радикальные мысли, вроде следующей: «У России после этой войны прекраснейшее может быть будущее. Превосходнейшее. Завиднейшее для всех!» и т. д.

Ценский показывает, как под влиянием пропаганды и в условиях развала русской армии, вызванного поражениями на фронте, бездарностью командования, отсутствием боеприпасов и рядом других причин, солдаты начинают хорошо понимать значение оружия в их руках. Арестованные дезертиры и самострельщики видят, как с позиции самовольно снялась целая рота и идет в тыл. Ее встречает командир полка Ковалевский.

«— Кричит, слышишь? Покричи теперь, покричи!.. Что он с ними сделать может? Ничего не сделает.

— А как стрельбу видное?

— Стрельбу-у? А им что, стрелять нечем? Он в них, а они в него.

— А може, они без винтовок?

— Ну да, дураков нашел! Без винтовок... Винтовку с собой несть тяжесть особого нету, а она же считается твоя верная защита от врагов внешних-внутренних...» Но теперь в сознании солдат этими «внутренними врагами» являются не революционеры, как вдалбливали им офицеры, а сами представители правящих классов.

Близость вооруженной борьбы за свержение ненавистного народу царского строя отмечает и прапорщик Ливенцев: «Я не хотел бы, чтобы меня разоружили, потому что... революцию способны сделать все-таки вооруженные люди, а не безоружные!»

Конкретнее о работе большевиков в войсках Сергеев-Ценский сказал в других произведениях. Так, в романе

«Искать, всегда искать!» большевик Даутов летом 1917 года говорит Серафиме Петровне: «Конечно, мы ведем энергичную пропаганду на фронте, и фронт почти уж развалился, солдаты бегут домой, но нужно, чтобы не почти, а совсем он развалился, это раз, а во-вторых, надо, чтобы революцию...

— Углубить? — подсказала она быстро.

— Да, из буржуазной сделать социалистической...

— Чего же желаете вы?

— Диктатуры пролетариата!.. Диктатуры трудящихся, которым война не нужна, которых война истребляет, как теперь, миллионами... Мы желаем и еще очень многого, но этого, чтобы не было больше войны,— этого прежде всего!»

В этюде «Свидание» писатель подчеркивает, что сам Даутов попал на каторгу за братание на фронте в апреле шестнадцатого года. «Братанье на фронте — ведь это чья была идея? — говорит он.— Самого Ленина! Как же мне, тогда уже большевику, имевшему уже партийную кличку Даутов, ее не проводить?»

Сергеев-Ценский показал, что и в тылу зреет революция. На заводах и фабриках, изготовляющих военное снаряжение, учащаются пожары. Несмотря на то что многих рабочих забрали в армию, настроение остальных рабочих продолжает оставаться боевым. Они не забыли, как их расстреливали в июле, говорит Наде Невредимовой путиловка Катя Дедова. Народ готовится к революции. Когда воинский эшелон потерял на станции патроны, весовщик Тимофей Акимыч многозначительно сказал: «Убе-рем... Пригодятся...»

Даже буржуазия высказывает недовольство существующим положением. «Обанкротилась власть! — заявляет один из пассажиров в лицо жандармам.— До чего же домолчались мы все?.. До того, чтобы какой-то конокрад, и пьяница, и распутник Гришка Распутин правил Россией, а при нем для мебели де-ге-не-рат этот «мы, божией милостью, Николай Второй»... А там... в Петрограде... в столице... там голод!.. А на фронте что?.. Там миллионы погибают!.. С палками, да, с палками идут против пулеметов, потому что винтовок нет!.. Снарядов нет!..»

Февральскую революцию в Петрограде и в Крыму Сергеев-Ценский изобразил в двух повестях «Львы и солнце», «Капитан Коняев» и в романе «Весна в Крыму». Однако

главное, как подчеркивает Ценский, было в подготовке социалистической революции. Об этом говорит на митинге большевик Худолей (роман «Весна в Крыму»): «Народу нужна не реформа, не буржуазная республика. России нужна пролетарская революция, которая создает республику рабочих и крестьян! Долой войну! Долой правительство Керенских и Родзянко! Да здравствует пролетарская революция!»

Академики М. Шолохов, В. Виноградов, народный художник СССР А. Герасимов, народный художник СССР Н. Томский и другие известные деятели искусства и науки писали в статье «Выдающееся произведение XX века»: «Одна из главных тем эпопеи — война и народ — получила яркое образное решение. Никто в русской литературе не разоблачал с такой художественной силой и страстью мерзости и преступления против человечества организаторов мировой империалистической бойни, как это сделал С. Н. Сергеев-Ценский. В этом отношении «Преображение России» является мощным оружием в руках наших современников в их борьбе за мир, за предотвращение новой мировой войны»<sup>10</sup>.

Писатель показал в романах эпопеи историю как творчество народных масс, которым принадлежит будущее. В эпопее народ выступает как творец своей судьбы, создатель нового социального строя. Преображение жизни стало возможным благодаря наличию в России передового рабочего класса и его авангарда — большевистской партии.

Движения народных масс в революции изображали многие советские писатели: В. Маяковский в поэме «150 000 000», А. Малышкин в повести «Падение Дaira», А. Серафимович в романе «Железный поток» и другие. В этих произведениях народ выступал в виде нерасчлененной массы, «множества», «потока», в которых исчезают отдельные личности. «В эпопее, — писал Белинский, — событие, так сказать, подавляет собою человека, заслоняет своим величием и своею огромностью личность человеческую, отвлекает от нее наше внимание своим собственным интересом, разнообразием и множественностью своих картин»<sup>11</sup>.

Сергеев-Ценский, используя опыт литературы 20-х годов, в своей эпопее «Преображение России» не только показал массу «живой, говорящей и действующей» (Горький) в условиях величайших исторических событий, но и создал яркие, запоминающиеся индивидуальные образы представи-

телей народа. Это — шахтер Божок, модельщик с Путиловского Иван Семенович, солдаты Кузьма Дьяконов, Митрофан Курбакин, Тептерев, двоюродные братья Воловики, унтер-офицер с крейсера Саенко, плотник Увар, садовник Иван Щербань и ряд других. Все они наделены присущими только им чертами, воплощающими в то же время какие-то конкретные стороны национального характера. К достоинству Ценского следует отнести и то, что он не осовременивает эти образы, то есть не приписывает им заранее сложившихся политических взглядов (за исключением большевика Ивана Семеновича), а через бытовые детали, формы поведения рисует рост их самосознания, что придает этим образам историческую правдивость.

На конкретных образах солдат, особенно на примере Кузьмы Дьяконова, Ценский в соответствии с традициями Льва Толстого показывает высокий моральный облик русского солдата, истоки его мужества и храбрости.

В изображении народа Ценский не избежал серьезных недостатков. Он не дифференцировал народ по классовому признаку, по социальным прослойкам, поэтому в эпопее часто выступает народ вообще — как единое целое; особенно это относится к крестьянству.

Наконец, в числе главных действующих лиц, проходящих через большинство произведений эпопеи, нет представителей народа, а следовательно, не показаны эти персонажи в их динамике, в развитии. Они лишь эпизодически появляются на страницах романов и повестей эпопеи.

\* \* \*

Октябрьская социалистическая революция дала Сергееву-Ценскому правильное решение второй основной темы эпопеи «Преобразование России»: взаимоотношения интеллигенции и народа, места интеллигенции в социальном преобразовании страны.

Наблюдая коренные изменения в жизни русского общества и государства, которые вызвала война и революция, Сергеев-Ценский по-новому осмысливает тему преобразования русской действительности. В предисловии к отдельному изданию романа «Валя» он указывал: «Роман «Преобразование» я начал писать в 1913 году... Начавшаяся в России революция показала мне, что преобразование жизни русской,



чаемое мною и нашедшее было для своего художественного воплощения образы чисто интимные, разлилось слишком широко, — и для меня, зрителя совершавшихся событий, представилась ясная возможность раздвинуть бывшие рамки романа, чтобы посылить отразить происшедшее. И первые части посвящены зарисовке довоенных переживаний, средние — войне, последние — революции»<sup>12</sup>.

Сергеев-Ценский думает теперь не о преобразении отдельных личностей, а о преобразении народа и государства. Преображение же личности писатель показывает на путях революционной борьбы, о чем свидетельствует судьба инженера Матийцева-Даутова (роман «Преображение человека»). Персонажи романа «Валя» не были способны на это. Поэтому для воспроизведения темы народа и революции рамки интимно-психологического романа стали, безусловно, непригодными. С его первоначальным замыслом произошло то, что в свое время предсказывал В. И. Ленин Горькому, когда тот в 1910 году поделился мечтой написать большое произведение о смене поколений одной буржуазной семьи. Владимир Ильич одобрил тему и при этом сказал: «Но — не вижу: чем Вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции...»<sup>13</sup> Горький, как известно, последовал совету Владимира Ильича и закончил повесть «Дело Артамоновых» в 1924—1925 годах, когда стала ясна историческая судьба класса буржуазии.

Рассказывая в 1955 году о создании своей эпопеи, Сергеев-Ценский подчеркивал: «Если бы не было революции, то и я бы не справился с темой, потому что в каком же плане должно быть это преобразование, поди-ка его придумай! То, что надо было преобразать — царская Россия, буржуазные нравы, — это было в жизни. Этому посвящены первые романы. Потом — силы, которые будут преобразать, и кто их собирает, а потом и преобразование и его результаты в людях и их делах. Нужна была сама революционная действительность, чтоб ее правдиво и живо изобразить»<sup>14</sup>.

Вопрос о месте интеллигенции в стране в условиях подъема пролетарского революционного движения ставил еще Горький в своих пьесах «Дачники», «Дети солнца», «Варвары». Особое внимание отношению интеллигенции к революции было уделено в творчестве советских писателей в 20-е годы. А. Блок написал в 1918 году статью «Интеллигенция и революция», в которой призывал русских интеллигентов «слушать музыку революции». А. Толстой в первой части

трилогии «Хождение по мукам» — романе «Сестры» (1919—1921) показал, что лучшая часть русской интеллигенции должна пойти в революцию, а не быть только свидетельницей происходящих событий. В 1923 году В. Вересаев создал роман «В тупике», в 1924 году вышел роман К. Федина «Города и годы». В этих романах рассматривались попытки интеллигентов стать на сторону революции.

Эта же тема была поставлена в пьесах К. Тренева «Любовь Яровая» (1926), Б. Лавренева «Разлом» (1927), в повести А. Малышкина «Севастополь» (1929—1930) и в ряде других произведений.

Сергеев-Ценский посвятил критике буржуазной интеллигенции два первых романа эпопеи — «Валя» (1913 и 1923) и «Обреченные на гибель» (1923). В этих произведениях он с большим сочувствием описывает «старую, милую и нелепую русскую интеллигенцию» (Горький) и тем не менее произносит ей суровый приговор. Всей системой художественных образов он подчеркивает глубокую идею: интеллигенция, оторвавшаяся от жизни, интересов народа, замкнувшаяся в узком мирке личных переживаний, ходом истории обречена на гибель; та же часть старой интеллигенции, которая находит интерес в общественной жизни, идет к народу и стремится понять его потребности и чаяния, имеет светлое будущее.

А. М. Горький, ознакомившись с первым изданием романа «Валя» (первоначальное название которого было «Преображение»), восторженно писал Ценскому: «Прочитал «Преображение», обрадован, взволнован, — очень хорошую книгу написали Вы... Властно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настоящее русское. На меня оно всегда так действует: сердце до слез радо, ликует: ой, как это хорошо, и до чего наше, русское, мое! А разум сердится, свирепо кричит: да ведь это же бесформенная путаница слепых чувств, нелепейшее убожество, с этим жить — нельзя, не создашь никакого «прогресса»!»<sup>15</sup>

Горький советует Ценскому писать книгу и дальше, продолжать эпопею до размеров «Войны и мира». В предисловии к переводу «Вали» на английский язык Горький в 1925 году подчеркнул: «Написав эту книгу, Ценский встал рядом с великими художниками старой русской литературы»<sup>16</sup>. В письме к Воронскому Горький отметил: «Я считаю «Преображение» лучшей книгой из всех, написанных за последние 25 лет. Это настоящее русское искусство»<sup>17</sup>.

В начале 1927 года Сергеев-Ценский послал рукопись второй книги — «Обреченные на гибель» — М. Горькому в Сорренто. «Вчера Екатерина Павловна привезла Ваши рукописи, — пишет Горький 28 марта 1927 года. — ... Был день рождения моего, гости, цветы и все, что полагается, а я затворился у себя в комнате, с утра до вечера читал «Преображение» и чуть не ревел от радости, что Вы такой большой, насквозь русский, и от жалости к людям, коих Вы так чудесно изобразили»<sup>18</sup>.

Действие в романах «Валя» и «Обреченные на гибель» происходит в Крыму — Алуште, Симферополе, Феодосии, но в них больше психологического материала, нежели бытового. Герои произведений ощущают свою неполноценность и неприспособленность к действительности, они живут в предчувствии каких-то грядущих перемен, которые должны ворваться в душную атмосферу жизни как очистительная гроза.

Главная героиня романа Валя как физическое лицо не существует: она умерла, но все содержание романа наполнено ее незримым присутствием, благодаря ей движется действие, она определяет поступки размышляющего и действующего героя Алексея Ивановича Дивеева. Это был смелый, новаторский прием Сергеева-Ценского. В наши дни такой же прием использовал писатель А. Чаковский в романе «Свет далекой звезды».

Образ Вали создан из деталей и отдельных штрихов, разбросанных в романе, и тем не менее перед нами встает цельный образ гордой, независимой и глубоко несчастной женщины, которая разлюбила хорошего, доброго, но безвольного и пассивного мужа — архитектора Дивеева и, бросив его и сына, ушла к «краснощечкому» Илье Лепетову. Ее деятельной, творческой натуре Лепетов показался олицетворением энергии и целеустремленности. Когда же оказалось, что он эгоист, циник и пошляк, Валя отказалась вернуться к мужу и умерла вдали от семьи во время родов.

Алексей Иванович, у которого недавно умер сын Митя (его «взяла к себе» Валя, как говорит он), приехал в южный городок, чтобы отомстить Илье, живущему в соседнем городе. Несмотря на свою общительность и многочисленные знакомства, Дивеев очень одинок, он весь в переживаниях, воспоминаниях и размышлениях о прошлом. Даже та работа, которую он ведет в городе, — постройка шоссе — не занимает его мыслей. Сергеев-Ценский очень тонко изображает

больную психику героя, чувство его неумирающей любви к Вале, отсутствие твердой воли в осуществлении своих замыслов. Сцены объяснения Дивеева с Лепетовым являются в романе самыми сильными и психологически насыщенными, они полны внутреннего драматизма.

Сергеев-Ценский раскрывает в романе трагедию одиночества человека в мире собственников, представителем которых является Илья Лепетов. Он показывает также трагедию всей русской довоенной интеллигенции с ее гипертрофированными чувствами, оторванностью от широкой общественной деятельности, которая единственно и могла бы вывести интеллигенцию из тупика самоанализа и рафинированных чувств.

Такой же неудачницей в жизни является красивая, милая Наталья Львовна, испытавшая в юности какие-то неосознанные стремления. Она ушла из института благородных девиц вместе с богомолками, затем работала учительницей в глухом селе, была артисткой в провинциальном театре, пережила тяжелую личную драму (как оказалось, с тем же Ильей Лепетовым), после чего утратила интерес к жизни и деятельности. Она бесцельно проводит свои дни в доме отца, отставного полковника Добычина и, наконец, без любви выходит замуж за растущего дельца Федора Макухина. Духовно она гибнет. И только в будущем, порвав с этим окружением, Наталья Львовна найдет свою дорогу в жизни, но уже с новыми людьми и с новыми интересами.

Характер Натальи Львовны в некоторой степени схож с характером Вали, и не случайно Алексей Иванович тянется к ней. Это она укрепляет его, безвольного, в мысли отомстить за смерть Вали и тем самым утвердить себя в мире как личность. Однако Дивеев, случайно исполнив свой замысел и ранив Илью выстрелом из револьвера, лишается последней цели в жизни. Его мозг не выдерживает большой психологической нагрузки, и Дивеев попадает в пансион для душевнобольных.

В том же городе живет приехавший лечиться гимназист Павлик Каплин. В своем родном городе он бросился наперерез взбесившейся тройке лошадей, чтобы остановить ее. Павлика ударило в грудь дышлом, он повредил ногу, и ступню пришлось ампутировать. Теперь он лечится в Крыму от туберкулеза, пишет сочинение «Патология бога» и вместе с Натальей Львовной сочиняет сказку о несбывшейся в их жизни мечте.

По поводу этих образов Горький писал: «Сцена объяснения Алексея с Ильей — исключительная сцена, ничего подобного не знаю в литературе русской по глубине и простоте правды. «Краснощекий» Илья написан физически ощутимо. И Павлик незабвенно хорош, настоящий русский мальчик подвига, и Наташа — прекрасна, и от церкви до балагана — характернейшая траектория полета русской души»<sup>19</sup>.

Тонкий и глубокий психологизм Сергеева-Ценского в обрисовке персонажей, сочетающийся в романе с многочисленными пейзажными зарисовками, лирическими авторскими отступлениями, исключительно богатой описательной и прямой речью действующих лиц, а также все поэтическое содержание произведения позволили автору назвать этот роман поэмой. О нем Горький писал Пришвину: «На дудочке сыграно и — всею душой. Прекрасно!»

Содержанием романа и системой образов Сергеев-Ценский подводил читателя к мысли: так больше жить нельзя, нужно изменить и жизнь, и людей. Революция показала Ценскому, в каком направлении должно идти это изменение.

К 1923 году был написан новый роман. «В нем действуют, — говорил Ценский, — лица, перешедшие из романа «Валия», наряду с новыми. Но и эти новые лица такие же инертные, ущемленные, как герои «Вали». Им будет трудно преобразиться, становиться активными борцами революции. Вот почему они названы «Обреченные на гибель»<sup>20</sup>.

В этом романе писатель дал широкую картину жизни довоенного провинциального общества и главным образом провинциальной интеллигенции. Некоторых ее представителей Сергеев-Ценский поместил в пансион «святого доктора» Худолея для душевнобольных. Они подобраны автором по социальным категориям: здесь находится банковский служащий Синеоков, замороженный магией больших чисел; бывший горный инженер Дейнека, потрясенный катастрофой на шахте; агент охраны Иртышов; сын состоятельного торговца студент Хаджи, который изобрел какой-то новый язык и пишет модернистские стихи; чех Карасек — брат владельца пивного завода, — проповедующий идеи панславизма; священник отец Леонид. Все они оторваны от жизни, не занимаются общественной деятельностью, и у них нет будущего.

Не только жители «кунсткамеры» Худолея, но и другие персонажи романа, такие, как полковник Ревашов, коммер-

сант Лепетов, буржуазные дельцы Макухин и Полезнов, мешанки-стяжательницы Зинаида Ефимовна Худолей, Эмма Шитц и другие типичные представители буржуазного мира, обречены на гибель, как обречено и все буржуазное общество,— таков вывод писателя. И действительно, в последующих произведениях мы видим гибель почти всех этих персонажей. Алексей Иванович Дивеев пошел добровольно на фронт как прапорщик, но, не приспособленный к военной жизни, был убит в первой же штыковой атаке. Ревашов, ставший генералом, был поднят на штыки взбунтовавшимися солдатами. Илья Лепетов расстрелян партизанами во время гражданской войны (пьеса «Каменоломни»). Иван Полезнов убит в Петрограде в дни Февральской революции и т. д.

В противоположность лагерю обреченных Сергеев-Ценский показывает другую интеллигенцию, которая находит дорогу в будущее и активно участвует в его созидании вместе с народом. Это — прежде всего революционеры-большевики.

Из среды «обреченных» вышел Николай Иванович Худолей. Он еще семнадцатилетним гимназистом вступил в ряды большевистской партии, за что был арестован, административно выслан в Сибирь, но по дороге бежал. По заданию партии он вел революционную работу и агитацию среди трудящихся. В это время он встретился с инженером Матийцевым и помог ему разобраться в окружающем, показав роль и значение рабочего класса России и его революционной борьбы, разъяснив политические идеи большевистской партии. Благодаря Худолею Матийцев стал на путь борьбы с самодержавием. Перед Февральской революцией Худолей был в ссылке, затем совершал революцию, воевал на фронтах гражданской войны. Худолей оказал влияние и на художника Сыромолотова. «Хозяином на земле должен стать тот, кто на ней работает», — убежденно говорит Худолей в дни революции. После гражданской войны он заканчивает горный институт, становится инженером, а в 30-е годы занимает ответственную должность в управлении коксовой промышленности.

С молодых лет посвятил себя служению революции, связав свою судьбу с ленинской партией, горный инженер Матийцев, ставший профессиональным революционером под псевдонимом Даутов. Он прошел тюрьму, каторгу, фронт империалистической войны, гражданскую войну. Отдыхая

после каторги на берегу Черного моря, Даутов говорит о неиспользованных силах природы: «Погодите, придет сюда рабочий — он их развернет, эти горы, — они у него заговорят своими голосами!.. А здесь, на берегу, каких мы здесь дворцов понастроим со временем! И чтобы в них отдыхали шахтеры из какой-нибудь Юзовки, из Горловки, из Штеровки, потому что им отдыхать есть от чего!»

В годы первых пятилеток Даутов работал директором завода, а теперь возглавляет строительство новых жилых домов и Дворцов культуры для шахтеров, о чем мечтал еще в годы царизма.

Гораздо сложнее путь к народу и революции других представителей буржуазной интеллигенции — Николая Ивановича Ливенцева и Алексея Фомича Сыромолотова. Ливенцев является главным героем военно-исторических романов эпопеи, а Сыромолотов — ряда других произведений. Оба они выражают в эпопее мысли и взгляды автора, а Ливенцев, кроме того, наделен и некоторыми автобиографическими чертами.

Николай Иванович Ливенцев, бывший учитель математики в гимназии, как прапорщик запаса призван сначала в ополчение, а затем вместе с запасным полком направлен на фронт. Ему, выходцу из трудовой семьи, демократу по убеждениям, война раскрывает глаза на гнилость и обреченность самодержавного строя, несущего народу неисчислимые бедствия и страдания.

Еще в запасном полку он вступил в конфликт с реакционными офицерами, которые били солдат по лицу, обворовывали их, совершали и другие преступления.

Ливенцев понимает огромную роль рабочих в этой войне угля и железа: рабочие готовят для фронта снаряды и патроны, винтовки и орудия, они же добывают руду и уголь, изготавливают многое другое. Поэтому, обсуждая судьбы войны, он подчеркивает: «Говорите еще и об их терпении и выдержке. Они тоже могут вдруг не выдержать, и тогда войне будет конец, так как воевать будет нечем». Ливенцев еще не ставит здесь вопрос о революции, он лишь говорит о расстановке классовых сил. Как буржуазный пацифист, он надеется, что эта война будет на земле последней.

Ливенцев храбро воюет, но у него нет чувства ненависти к немецкому народу, он любит немецких поэтов и философов, художников, ученых. «Я уважаю, — говорит он, — Маркса и Энгельса — величайших социологов».

Под воздействием огромных и бессмысленных потерь в сражениях, многочисленных примеров бездарности и тупости командования, обрекающего солдат на гибель от морозов и метелей в открытых окопах, лишенных сна, горячей пищи и обогрева, демократизм Ливенцева начинает перерастать в крайний радикализм. Эту перемену в Ливенцеве почувствовал генерал Баснин, назвавший его красным. Сам Ливенцев в душе одобряет дезертиров, пытавшихся уйти из окопов в тыл. «Сидеть, замерзать, — и ради удовольствия каких же это мерзавцев, хотел бы я знать?» — говорит он другому офицеру.

Когда по приказу командира полка Ковалевского расстреливали пятерых солдат-самострелов, потрясенный этим Ливенцев крикнул ему в лицо:

«Вы палач!» — и упал тяжело раненный в грудь Ковалевским.

В госпитале у Ливенцева окончательно созрело убеждение в неизбежности и необходимости революции. «Тогда ведь я был всего только неисправимый математик в шинели, — говорит он любимой женщине, — а теперь я уже видел своими глазами эту войну, и проклял войну... и для меня теперь всякий, кто не будет стремиться положить конец этой войне, — подлец!.. Я не хотел бы, чтобы меня разоружили, потому что ...революцию способны сделать все-таки вооруженные люди, а не безоружные!»

Однако, после того как в 1916 году австро-немецкие войска заняли значительную часть России, Ливенцева начал мучить вопрос: почему стала незащитимой русская земля? И Ливенцев становится сторонником продолжения войны. «Как же вы хотите остаться жить на свете и считаться порядочным человеком, если не будет России, — говорит Ливенцев, — если вместо России будет... немецкая какая-нибудь Остланд или как-нибудь иначе, а?»

Эта двойственность в рассуждениях Ливенцева объясняется отчасти разным временем написания романов. Первое высказывание, направленное против войны, было в романе «Лютая зима», написанном Сергеевым-Ценским в 1935 году, второе — о защите России — из романа «Бурная весна», созданного в 1942 году, в период Великой Отечественной войны, когда перед всем народом остро стояла задача защиты родины от немецко-фашистских захватчиков.

Сам Сергеев-Ценский объясняет в романе двойственность Ливенцева следующим образом: он пишет, что Ливенцев,



припоминая разговор с Натальей Сергеевной в госпитале, вспомнил, что он «добавил еще тогда: «Чтобы сделать рагу из зайца, нужен заяц,— так говорят французы,— а чтобы сделать революцию в России, нужна прежде всего Россия!» Этим тогда он как бы присягал на ее защиту...»

И далее Сергеев-Ценский уточняет: «...теперь... он твердо знал, что война велась во имя преобразования России, но не оципанной, не обдерганной... а такой, какую создалась она в силу исторической необходимости».

После излечения тяжелой контузии Ливенцев участвовал в гражданской войне: еще раз с оружием в руках защищал родину, на этот раз от белогвардейцев и интервентов. Сходную судьбу честного, демократически настроенного интеллигента, переходящего на сторону восставшего народа, избрали и А. Толстой в образе Телегина («Хмурое утро»), и К. Федин в образе Дибича («Необыкновенное лето»).

Ливенцева мы снова встречаем на страницах эпопеи в 1934 году в Москве (эпюд «Свидание»), он — коммунист, профессор математики, крупный советский ученый. Но от чистой математики переходит к прикладной: к работе в области горного дела. «Мне нужно живое дело, а не абстракция!» — говорит он. Таков закономерный путь интеллигента, связавшего свою судьбу с судьбой народа.

Среди бесполезно существовавшей и обреченной буржуазной интеллигенции жил и главный герой эпопеи — художник Алексей Фомич Сыромолотов, бывший профессор Академии художеств, старый передвижник. Незадолго до первой мировой войны он порвал с Академией и скрылся от столичной суеты в небольшой южный городок, где ведет почти затворнический образ жизни. Но это бегство от жизни приводит его к творческой неудаче в умозрительной аллегорической картине, посвященной революции и будущему обществу. Когда же Сыромолотов снова заинтересовался окружающим, жизнью народа, он обрел творческую силу и ясность цели.

Под влиянием курсистки Нади Невредимовой Сыромолотов начинает интересоваться политикой. В его жизнь и замысел картины «Демонстрация» прочно входит образ Ленина, вождя революционных сил России. Образ Ленина по-новому осветил идею картины, приоткрыв завесу будущего, которое Ленину, по мысли Сыромолотова, представлялось вполне ясным.

Арест Ленина в Австрии в начале мировой войны очень беспокоил Сыромолотова. «Ему самому странно было себе в этом признаться, но судьба Ленина, о котором он до этого дня почти совершенно ничего не знал, вдруг начала его беспокоить...»

Сыромолотов постепенно, но неуклонно идет к признанию необходимости революции и отдает свой талант на служение делу освобождения народа. «Разве такая небывалая война может окончиться ничем? — спрашивает Сыромолотов. — Не-ет, не может, не-ет! Большие причины рождают и большие следствия... Угол падения равен углу отражения».

Если раньше Сыромолотова больше всего беспокоила личная свобода, то теперь он почувствовал большую ответственность перед народом за содержание своего творчества; в его картине должна была воплотиться мечта многих поколений русских людей о крушении царского режима.

«А теперь мне, художнику, видно: назревает взрыв! — с радостью восклицает Сыромолотов. — Не на «Марии» только, а всероссийский. И не матросы только, а и солдаты на фронте, и все... все будут кричать: «Долой войну!»... А «Долой войну!» — это значит долой и всех, кто эту войну затеял...»

20 февраля 1917 года картина Сыромолотова была закончена. Она совпала со свержением самодержавия. Но картину еще нельзя было выставлять. И только узнав, что Ленин возвратился из эмиграции, Сыромолотов радостно говорит: «Видите!.. Он уже в Петрограде. Значит, там и начнется... новая революция... Теперь я знаю — моя картина нужна. Там, в Питере. Я уже говорил — не опоздала. Слышишь, Надя! В Петроград ехать! Не-мед-лен-но!..»

Так Сыромолотов пришел к завершающему этапу своего развития, так искусство слилось с жизнью, с революцией.

Судьбами главных героев своей эпопеи Сергеев-Ценский подтверждает ту мысль, что интеллигенция, идущая с народом, неизбежно приходит в революцию и в ряды большевистской партии. Вечная для русской литературы проблема народа и интеллигенции была разрешена Сергеевым-Ценским в пролетарской революции, которая объединяла одной общей целью преобразования старого мира и народ и интеллигенцию.

На смену старой интеллигенции приходит новая, вышедшая из народа и выросшая за годы Советской власти. В еди-

ном строю идут Матийцев, Ливенцев, Николай и Елена Худoley, Лёня и Таня Слесаревы и многие другие.

\* \* \*

Третьей большой темой эпопеи «Преображение России» является тема искусства: искусство и народ, художник и война, художник и революция. Все эти проблемы освещаются в романах эпопеи также через образ Алексея Фомича Сыромолотова и связанные с ним сюжетные линии. Он является выразителем идей самого Сергеева-Ценского.

Художник-реалист Сыромолотов страстно борется за идейность искусства против различных формалистических течений, а также против академической школы живописи, оторванной от жизни. Он спрашивает своего сына, тоже живописца, побывавшего за границей и хвалящего модернистских художников:

«— Где картины их?.. С каким-нибудь смыслом?.. Со сложной композицией?.. Картины, которые остаются?..»

— Теперь — находки, а не картины... Открытия, а не картины.

— А что же такое была картина... и есть! Она тоже была... и осталась!.. Находкой!.. Открытием!.. И во всякой картине решались технические задачи... Но они были создания духа!.. Они были творчество!.. И они оставались... и жили столетиями... И живут! А теперь?»

В разговоре со старшим Невредимовым Сыромолотов уточняет: «Живопись — это мысль, мысль, воплощенная в краски...»

Уничтожающей критике подвергает Сыромолотов-старший модные течения в живописи: кубизм, лучизм и прочие «измы», которые пытаются «выдавать за портреты кучу обрезков водосточных труб».

Сергеев-Ценский развенчивает модернистские течения и в литературе. Он выводит поэта, студента Хаджи, который читает свою «Поэму конца» из тринадцати песен, каждая из которых состоит из одного или двух слов. В заключение «студент плавно провел рукою вправо, потом также плавно влево, потом сделал рукою тщательный кружок в воздухе и сел на свой стул...»

— Вы заметили, конечно, последнюю песнь — «Песнь конца» я оголосил одним ритмдвижением... Это — поэма ничего — нуль, как и изображается графически: нуль!»

Сергеев-Ценский почти дословно воспроизвел в романе действительное произведение поэта-эгофутуриста Василиска Гнедова, который перед первой мировой войной читал свою «поэму» в богемном кабачке «Бродячая собака». В газетке эгофутуристов «Петербургский глашатай» печатались и другие подобные произведения: «opus'ы» Ивана Игнатьева, графические «аэропланские поэмы» Константина Олимпова (Фофанова) и т. п. В одном из выпусков газеты, например, значилось: «Ввиду технической импотенции opus И. В. Игнатьева «Лазоревый логарифм» не может быть выполнен типо-литографским способом»<sup>21</sup>.

Критика Сергеева-Ценского актуальна и для сегодняшнего дня. В современном буржуазном модернистском искусстве почти буквально возрождается подобное творчество. Такова, например, «конкретная поэзия» западногерманского поэта Рейнгарда Дёля. Вот его стихотворение «Пришелец»: внутри контура яблока, составленного из многократно набранного слова «Apfel», в правой части внизу поставлено слово «Wurm» — червяк. Стихотворения американского конкретиста Арама Сарояна состоят всего из одной буквы. «Поэзия» английского авангардиста Эдвина Моргана заключается в графическом обыгрывании звуков и звукосочетаний без какого-либо их смысла. Другой авангардист Айан Хемилтон Финли отказался не только от смыслового, но и звукового письма: его стихотворения представляют всего лишь произвольный подбор и размещение на плоскости букв. Подобные примеры можно продолжать и дальше. Про эту «поэзию» можно также сказать, что она «нуль», ничто!

В противоположность модернистским опусам картины Сыромолотова всегда будили у зрителя не только чувства, но и мысль. Вот его жанровая зарисовка «Майское утро»: «Картина жила. Картина мыслила. Картина говорила языком, понятным для начинающих жить широкой жизнью».

Однако, утверждает Сергеев-Ценский, не всякие идеи способствуют успеху произведения. Тот же Сыромолотов потерпел творческую неудачу в триптихе «Золотой век», в котором он хотел показать в трех последовательных картинах подготовку где-то революции (предгрозы), революцию (грозу) и новую жизнь после нее (послегрозы). Но поскольку он здесь шел не от жизни, а чисто умозрительным путем, то средний триптих (гроза) «получился каким-то малоговорящим — частичка очень большого, волна вместо моря, — всего только несколько человек, вместо восставшего против

своих угнетателей народа». Еще более неудачной, абстрактной получилась третья картина: урбанистический пейзаж на фоне радуги, а по улицам города движутся людские потоки».

Размышляя позднее о причинах своей неудачи, Сыромолотов приходит к выводу: «Однако что же такое «Майское утро», как не пейзаж? И девичья фигура, введенная в картину, была не только неотъемлемой от пейзажа, — она углубляла его, она была человеческой мыслью в нем, — именно тем, чего не хватало его триптиху, хотя в основе его лежал тоже пейзаж. Этот пейзаж с радугой, стоившей ему много труда и исканий, был все же не продуман им до больших глубин.

Не те несколько фигур, какие были даны им в средней части триптиха, а массу их, ломающих старую жизнь, должен был он уместить на узком холсте; он упростил рисунки, и вышло не то...»

Сыромолотов потерпел в этой картине поражение, потому что шел не от обобщения жизни, а от отвлеченного творческого воображения, забыв истину, которую хорошо выразил М. Горький: «вымыслить — значит извлечь из суммы *реально* данного основной его смысл и воплотить в образ». Однако это можно было сделать лишь на основе передового мировоззрения, чего ни Сыромолотов, ни сам писатель в тот период не имели.

Высказывания Сергеева-Ценского о значении передовых идей для искусства соответствуют мысли Г. В. Плеханова, который писал: «Можно с уверенностью сказать, что всякий сколько-нибудь значительный художественный талант в очень большой степени увеличит свою силу, если проникнется великими освободительными идеями нашего времени. Нужно только, чтобы эти идеи вошли в его плоть и в его кровь, чтобы он выражал их именно как художник»<sup>22</sup>.

Сергеев-Ценский, показав, к чему приводит даже талантливых живописцев отрыв от жизни, от идей освободительной борьбы, в дальнейшем подробно изображает, как Сыромолотов идет от связи с жизнью, с народом к осознанию необхо-

---

\* Следует отметить, что в первой публикации (1927 года) романа «Обреченные на гибель» эта третья картина выглядела как карикатура на социализм, за что Ценский подвергся суровой критике в печати. Поэтому в дальнейших изданиях писатель вложил в нее другое содержание. приведенное выше.

димости революционного преобразования царской России. Руководствуясь революционными идеями, Сыромолотов создает произведение социалистического реализма — картину «Штурм Зимнего дворца».

Первоначально картина была задумана как «Рабочая демонстрация», во главе которой находилась со знаменем в руках «женщина-героиня, вышедшая завоевывать близкое грядущее счастье для масс». Это был еще абстрактный замысел — «гнет со стороны кого бы то ни было и освобождение от этого гнета». Начавшаяся мировая война прервала работу художника над картиной. Сыромолотову стало казаться, что искусство не требуется, когда варварство и вандализм награждаются крестами: «Нужно ли после этого то искусство, которому я отдал всю свою жизнь? Нет, не нужно!»

Эта тема — художник и война — подробно раскрывается Сергеевым-Ценским. Автор, а вместе с ним и Сыромолотов, приходит к выводу, что для развития искусства необходимо установить такое общество, в котором не будет войн. В этой мысли Сыромолотова укрепляет революционно настроенная девушка Надя Невредимова, с которой он рисует знаменосицу на своей картине: «И та война, которую вы изображаете на своей картине, тоже должна быть последняя, вот в чем идея вашей картины... Ведь вы так и сделаете, что всякому будет ясно: последняя... победоносная!..»

В конце 1914 года Сыромолотов едет в Петроград. На квартире у Нади он видит книгу Августа Бебеля «Будущее общество» и берет ее для изучения: «Раз я пишу «Демонстрацию», то должен же я знать, почему это и во имя чего желательно вам идти непременно с красным флагом, чтобы пристав Дерябин скомандовал по вас залп!»

Разговоры о надвигающейся в России революции заставляют Сыромолотова конкретизировать замысел: показать не демонстрацию вообще, а демонстрацию у Зимнего дворца, как бы связывая это с событиями 9 января 1905 года. Получают теперь в замысле Сыромолотова социально конкретное содержание и фигуры демонстрантов — они будут состоять из рабочих петроградских заводов. «На картине должна была воплотиться мечта очень многих поколений русских людей, и зритель при взгляде на гигантское полотно должен был почувствовать, что перед его глазами последний акт вековой борьбы, что заморозивший Россию царский режим рухнет у него на глазах».

Сыромолотов встречается с большевиком, рабочим Путиловского завода Иваном Семеновичем, который говорит ему о грядущей революции и советует пока прятать картину от полиции, а после того как произойдет революция, написать на картине «Штурм Зимнего дворца рабочими массами». Иван Семенович указывает, что эта картина будет нужна народу: «За ваш труд кто может вам уплатить? Только единственно весь народ, когда он Зимний дворец опрокинет!»

Захваченный новым замыслом, Сыромолотов, уединившись в Симферополе, пишет в 1915 и начале 1916 года картину «Демонстрация у Зимнего дворца». «Выдержанная в предгрозовом, тревожно воспринимаемом колорите, включающая в себя множество людей картина уже и теперь была полна порыва и с первого взгляда становилась понятной. «Давай свободу!» — явно для всякого зрителя кричала масса народа, подошедшая к Зимнему дворцу».

Но, увидев рост революционных настроений среди матросов в царском флоте и оказавшись очевидцем взрыва на крейсере «Мария», который, по некоторым версиям, хотел потопить сам командующий Черноморским флотом адмирал Колчак вместе со всеми революционно настроенными матросами, Сыромолотов вновь углубляет замысел картины: «Я — художник и мыслю только образами... только образами!.. Корабль государственности российской перевернулся килем кверху, — вот что мы видели с тобой в Севастополе!.. А я тут какую-то демонстрацию!.. Взрыв, а не демонстрация, вот что должно быть и будет!.. Не вымалывать идти, даже и не кричать: «Долой!», как это принято, а взорвать — вот что и просто и ясно!..»

И вот картина готова. Первым оценил ее глазами художника сын Сыромолотова Ваня: «Людей на полотне было много... На всех лицах чувствовалась ярко схваченная одна мысль, одна всех охватившая решимость вот именно теперь... добиться чего-то большого, способного в корне изменить всю жизнь». Так окончательно оформился замысел художника в картине «Штурм Зимнего дворца».

«Сообщить идейное содержание своим произведениям, — писал Плеханов, — не так легко, как это может показаться. Идея не есть нечто, существующее независимо от действительного мира. Идейный запас всякого данного человека определяется и обогащается его отношениями к этому миру. И тот, чьи отношения к этому миру сложились так, что он считает свое «я» «единственной реальностью», неизбежно

становится круглым бедняком по части идей. У него не только нет их, но, главное, нет возможности до них додуматься»<sup>23</sup>.

Художник Сыромолотов, живущий напряженной интеллектуальной жизнью, связанный с народом, рабочими, членами большевистской партии, воодушевляемый революционными идеями освобождения трудящихся от угнетения, добился в своей картине «Штурм Зимнего дворца» единства формы и содержания. Его картина звала вперед, к действию, к свержению власти эксплуататорских классов. И хотя она была создана до Октябрьской социалистической революции и низложения Временного правительства, «художник просто-напросто предвосхитил событие, которого не могло не быть».

Сергеев-Ценский уделяет в эпопее внимание и такому кардинальному вопросу, как искусство и народ. Он показывает, что победившему народу будет нужно высокоидейное реалистическое искусство. Большевик Иван Семенович, выражая заботу о содержании и сохранности картины Сыромолотова, считает ее «в то же время как бы и своей тоже». Народу нужно будет также и прикладное искусство, например муляжи внутренних органов животных, полезные игрушки для детей, плакаты и пр. Об этом заявляет в первые годы Советской власти другой художник, выведенный в эпопее, — Михаил Петрович Слесарев (роман «Искать, всегда искать!»).

Вопросам отношения искусства и революции уделяли внимание многие советские писатели (В. Каверин «Художник неизвестен», Б. Лавренев «Гравюра на дереве», М. Шагинян, И. Сельвинский, О. Форш и другие). Особенно подробно эта тема разрабатывалась К. Фединым. В романе «Братья» (1927) он на примере музыканта-композитора Никиты Карева показал, что отчужденность Карева от идеи революции и национальной почвы, уход в мир личных переживаний явились причиной его творческой неудачи. Никита, желая остаться беспристрастным наблюдателем, утратил в своих произведениях национальные черты. Позднее, в романе «Первые радости», К. Федин снова вернулся к этой теме. Писатель Пастухов не хочет вникать в интересы народа, изучать народную жизнь, и это приводит Пастухова в конечном счете к творческому бесплодию.

Во взглядах Сергеева-Ценского и К. Фебина на вопросы эстетики много общего, в своих произведениях они прово-



дили идею единства национального и революционного искусства, которое должно быть тесно связано с жизнью народа.

\* \* \*

Всю свою творческую жизнь Сергеев-Ценский настойчиво искал наилучшую художественную форму для более ярко воплощения содержания своих произведений.

В восемнадцать романов и повестей, входящих в «Преображение России», вместилось огромное идейное содержание. Взяв основной темой «Преображения России» изображение судьбы народа в решающий, поворотный момент исторического развития, Сергеев-Ценский, естественно, остановился на жанре эпопеи, но входящие в нее произведения отличаются друг от друга стилевым и жанровым своеобразием в зависимости от того содержания, той темы и идеи, которые вложил в них писатель.

В эпопее мы находим психологический роман «Валя»; социально-бытовые романы «Обреченные на гибель», «Преображение человека»; социально-производственный — «Искать, всегда искать!»; исторические — «Пушки выдвигают», «Зауряд-полк», «Весна в Крыму»; военно-исторические — «Пушки заговорили», «Лютая зима», «Бурная весна», «Горячее лето»; исторические повести — «Утренний взрыв», «Львы и солнце» и т. д.

Сергеев-Ценский показал себя мастером психологического романа. Писатель способен глубоко проникать во внутренний мир героев, последовательно прослеживать чувства и переживания персонажей в их движении и изменении. Автор знает все нюансы чувств и душевных эмоций героев и рассказывает о них в третьем лице. В таком плане ведется повествование в романах «Валя» и «Обреченные на гибель».

Вот отрывок из сцены объяснения Дивеева с Ильей Лепетовым. Алексей Иванович узнает, что Илья, отвергнув приехавшую к нему Валю, дал ей двадцать пять рублей на дорогу. Дивеев потрясен этим фактом: «Он сам это чувствовал (и Илья это видел), — у него стали совсем прозрачные, как слезы, глаза. В первый раз теперь это тронуло его до глубины, глубоко изумило, — так глубоко, что совершенно отчетливо он представил всего себя ею, Валей, и этих слез, которые набежали на глаза, не было даже стыдно: это ее слезы были, Вали, — и этого, чуть отшатнувшегося, укоря-

щего безмолвно, немужского совсем наклона тела тоже не было стыдно: это ее тогдашняя поза была, Вали...»

Этот прием повествования в третьем лице (от автора) был подробно разработан классиками русской литературы — Л. Толстым, Тургеневым, Гончаровым, и Сергеев-Ценский творчески воспринял их традиции.

Ценский изображает сложность и противоречивость поступков героев, что вызывается противоречивостью их психики, сложностью переживаний. Таковы противоречивые отношения Натальи Львовны к Лепетову, взаимоотношения Дивеева с Лепетовым, Ели Худoley с полковником Ревашовым. В этой особенности психологического анализа сказалось влияние на Ценского творчества Ф. М. Достоевского.

Много своеобразия внес Ценский в жанр исторического романа. «В успехах исторического романа тридцатых годов, — указывает С. М. Петров, — отразился и большой эпический размах таланта С. Н. Сергеева-Ценского, его способность строить громадные композиции, свободно вести повествование, естественно переходить от художественных образов и картин к публицистике и историческим комментариям»<sup>24</sup>.

Сергеев-Ценский является замечательным мастером батальных сцен, изображения различных сражений. Эти картины отличаются предельной правдивостью, они даны в динамике, соответствующей ходу сражения, общие картины сменяются описанием действий и поступков отдельных солдат и офицеров, их чувств и переживаний, — все это создает ту калейдоскопическую пестроту и быструю смену сцен, эпизодов, которая и воссоздает жизненную достоверность описываемых событий.

Ценский применяет широко разработанный им в «Севастопольской страде» прием описания сражений по впечатлениям очевидца, то наблюдающего за боем со стороны, то непосредственно находящегося на поле боя.

В военно-исторических романах эпопея «Преображение России» дано одиннадцать больших сражений. Первое, пограничное сражение Ценский описывает как бы с точки зрения художника Сыромолотова: «Если бы Сыромолотов неудержимо захотел увидеть знакомый ему полк под первым огнем со стороны противника и, преодолев все препятствия, был бы допущен для этого в штаб полка, он увидел бы очень мало, однако, как всякий художник, это малое он не мог

бы не счесть большим», и далее Ценский описывает, что увидел бы Сыромолотов в боевой обстановке.

Крупнейшее для первого года войны Гумбиненское сражение писатель вначале оценивает глазами историка, знающего тайные пружины движения огромных масс войск, а затем передает слово саперу Пете Невредимову, через впечатления которого и даются батальные картины. Большинство же боев за различные высоты и форсирование рек описывается с точки зрения прапорщика Ливенцева, непосредственного участника этих боев, или же одновременно по впечатлениям Ливенцева и генерала Гильчевского, но в разных масштабах.

В ткань своих исторических романов Ценский включает многочисленные исторические экскурсы и обзоры, философские размышления о войне, о пространстве и природе и т. п., вставные новеллы, лирические отступления, что позволяет ему обобщать факты, высказывать к ним свое отношение, создавать определенную настроенность читателя или заставлять его задумываться над смыслом изображаемого.

Богатое идейное содержание эпопеи Сергеев-Ценский выражает посредством системы многочисленных художественных образов, связанных между собою сюжетной тканью. В эпопее выведено более пятисот персонажей, из них более четырехсот восьмидесяти действующих и несколько десятков только упоминаемых. Главные герои проходят через все романы и повести эпопеи, являясь тем стержнем, на котором крепятся многоплановые сюжетные линии произведения; главных героев окружают многочисленные второстепенные персонажи и, наконец, эпизодические лица, что в целом и дает конкретную социально-историческую характеристику русского общества в период крушения старого строя и создания нового, социалистического.

Главные действующие лица эпопеи Сергеева-Ценского, говоря словами Энгельса, «являются действительно представителями определенных классов и направлений, а стало быть, и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет»<sup>25</sup>.

Несмотря на множество персонажей в эпопее, каждый из них, благодаря исключительному мастерству портретной характеристики, которым владеет Сергеев-Ценский, обладает своим запоминающимся лицом. Для каждого персонажа Ценский находит свои изобразительные средства.

При таком огромном числе героев Ценский не может подробно раскрывать внутренний мир всех персонажей через события и эпизоды, в которых они участвуют, поэтому он дает их психологическую характеристику через искусно выписанный портрет. Часто этот портрет получает социальную окрашенность. Через внешность персонажа писатель передает облик представителя определенного класса. В этом отношении показателен портрет «первого дворянина России» — царя Николая II: «Толстый и короткий нос-картошка, длинные рыжие брови над невыразительными свинцовыми глазами; еще более длинные и еще более рыжие толстые усы, которые он совсем по-унтерски утюжил пальцами левой руки; какая-то неопрятного вида, клочковатая, рано начавшая седеть рыжая борода,— все это, при его низком росте и каких-то опустившихся манерах, производило тягостное впечатление». Все в этом описании подчеркивает вырождение царской фамилии.

Сергеев-Ценский часто прибегает к приему так называемого портретного лейтмотива, когда постоянно подчеркивается наиболее характерная деталь портрета персонажа. Так, в отношении офицера Урфалова при каждом его появлении на страницах романа говорится: «восточного склада старым человеком», «старым поручиком турецкого обличья», Урфалов «поднял на него вопросительно восточные глаза», «Ливенцев был раздражен этим непонятливым старым поручиком восточного обличья», «как осунулось лицо этого старика турецкого облика». При каждом описании в романе жандармского полковника Черокова Ценский указывает на его «неподвижные аспидно-сине-молочные глаза» и т. д.

Сергеев-Ценский дает портреты главных героев по несколько раз, в различные моменты их деятельности, раскрывая тем самым внутренний, психологический подтекст, углубляя их характеристику.

В романах эпопеи ярко проявляется отношение автора к своим героям: об одних он пишет с любовью, о других саркастически, о третьих добродушно-насмешливо, и все это придает повествованию определенную эмоциональную окраску, которая способствует более яркому художественному впечатлению и определенному воздействию на читателя.

Общеизвестно мастерство Сергеева-Ценского-пейзажиста. Еще при выходе первого романа эпопеи «Валя» М. Горький писал в 1923 году Ценскому: «В этой книге, неконченной,

требующей пяти книг продолжения, но как будто на дудочке сыгранной, Вы встали передо мною, читателем, большущим русским художником, властелином словесных тайн, проницательным духовидцем и живописцем пейзажа, — живописцем, каких ныне нет у нас. Пейзаж Ваш — великолепнейшая новость в русской литературе»<sup>26</sup>.

Ценский очень остро чувствовал, что целостное изображение человека зависит от окружающей его обстановки. Через пейзаж и в пейзаже передает писатель настроения своих героев. Через гамму красок, через зрительно-цветовое впечатление Ценский ярко характеризует их внутреннее состояние. Кто не почувствует молодости, жизнерадостности и моральной чистоты прапорщика Кашнева в таком описании из повести «Пристав Дерябин»: «Чем дальше шел в утро, тем больше утро казалось своим. С кем можно разделить утро? Перед утром, молодостью, свежей силой — человек всегда один, — не одинок, а только целен, один, наедине с собою. Неистребимо длинной представлялась жизнь впереди и солнечной, — отчего? Оттого, может быть, что глубока была улица, ласково освещенная?.. Ложились уверенно полосы красные и полосы голубые, первые — ниже, голубые — выше: земля и небо. Небо слоилось сквозь розовую муть, пахнущую сырой землей. Дробилась земля на цветные кусочки, сильные, чистые, серые (днем выцветает земля). Желтые листья, точно невзначай, окапали встречные деревья. Кое-где трубы дымили синим... Выбежал из какой-то облупленной калитки густо обросший каштановый кобелек, зевнул глубоко и посмотрел на Кашнева добродушно, по-стариковски, так добродушно, что Кашнев улыбнулся ему».

В военно-исторических романах Ценского пейзаж занимает гораздо меньшее место. Яркая палитра красок заменяется здесь как бы двумя черно-белыми тонами. В ряде батальных картин Сергеев-Ценский хорошо показал враждебность человеку природы на войне и в то же время его жадный интерес к ней, быть может, последнее любование прелестью жизни, пусть и в не примечательных ничем пейзажах.

«Природа и человеческая речь, — отмечал П. Павленко, — два увлечения Ценского. Глаз и ухо художника ловят самые тончайшие оттенки цвета и самые нежные обороты слова и передают их с исключительной, ни у кого другого не повторяющейся остротой»<sup>27</sup>.

Исключительно богатое образное содержание эпопеи облечено Сергеевым-Ценским в соответствующую ему словесную форму. Богатство языка писателя поразительно. Каждому персонажу присуща своя особая речь, которая определяется не только его классовой принадлежностью или положением, но также и внутренним эмоциональным состоянием. Так, например, речь Дивеева и Сыромолотова построена на паузах, умолчаниях, неожиданных поворотах мысли. Но если у первого такая речь является следствием болезненности его сознания, раздвоения личности, нерешительности, то у Сыромолотова мы видим экспрессивность, напористость, бурю мыслей и чувств, которым не хватает времени для соответствующего словесного оформления.

Сергеев-Ценский использует язык персонажа как средство для его характеристики, для создания индивидуально неповторимого образа. Командир дружины, выживающий из ума путаник полковник Полетика становится понятным каждому в следующей сцене, где обсуждается покупка лошадей:

«— Красавцы, черт вас возьми! Ведь это — вопрос... как его называют... ну?

— Восточный? — подсказал было Ливенцев.

— Да не восточный, а ...какой там, к черту, восточный!.. Одним словом, серьезный вопрос. И лучше, кажется, я уж поеду сам, да...

— А лошадей кто будет выбирать?.. Разве для этого фельдфебеля нестроевой роты Ашлу взять?

— Ашла-шашла... гм!!! Шашла... что это такое? — спросил Полетика.

— Виноград есть такой десертный...

— Шашла — шашлык... Будто из этой... как ее?.. из шашлы шашлык делается? Гм... шашлык, ведь он из баранины?.. — взял за пуговицу капитана Урфалова Полетика...

— Первая, изволите видеть, закуска под водку, господин полковник!

— Надо бы здесь когда-нибудь заказать, а?.. А за шашлой... гм... зачем же за шашлой нам ехать в этот... как его?.. в Мариуполь?

— Насколько я понял, за лошадьми будто бы в Мариуполь, — не удержался... прапорщик Ливенцев, и Полетика, помигав несколько секунд мечтательными голубыми глазами, счел нужным рассердиться вдруг:

— А конечно, за лошадьми! За коим же еще чертом мы в эту Ашлу? И вы никуда не поедете, вы останетесь здесь, в дружине!

— Да я и не собираюсь никуда — ни в Ашлу, ни в Ош, ни в Оршу!»

Сергеев-Ценский большой мастер диалога, который он ведет в соответствии с внутренним состоянием героев, реже применяет писательский внутренний монолог. Использование ярких эпитетов, часто усложненных, применение своеобразного синтаксиса для индивидуализации речи персонажей и многих других языковых средств создают ту неповторимую образную и языковую структуру произведений Сергеева-Ценского, которая производит очень сильное впечатление и служит для раскрытия идейного содержания эпопеи.

«По моему мнению, «Преображение» Ценского, — писал М. Горький после ознакомления с первыми произведениями, — есть величайшая книга из всех вышедших в России за последние 24 года. Написана она прекрасным, самобытным, живым языком. Она гармонична, как симфония, проникнутая мудрой любовью и жалостью к людям. Написав эту книгу, Ценский встал рядом с великими художниками старой русской литературы»<sup>28</sup>.

#### Сноски

<sup>1</sup> Неопубликованная статья «Роман и эпопея». ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 213, л. 35.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Неопубликованная статья «Рассказ и роман». ЦГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, ед. хр. 213, л. 28.

<sup>4</sup> См. письмо Л. Красногладовой от 6 апреля 1954 г. ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 7, ед. хр. 414, л. 159.

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.

<sup>6</sup> Серафимович А. Собр. соч. в 7-ми томах, т. 7. М., 1960, 332.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 287.

<sup>8</sup> Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг., т. 1—2. М., 1938, с. 49.

<sup>9</sup> ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 1, ед. хр. 364.

<sup>10</sup> «Литература и жизнь». 10 февраля 1960 г.

<sup>11</sup> Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V. М.—Л., 1953, с. 19.

<sup>12</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Валя, ч. I. М.—Л., 1926, с. 3.

<sup>13</sup> Горький М. Собр. соч., т. 30, с. 168.

<sup>14</sup> «Сергеев-Ценский в жизни и творчестве», Тамбов, 1963, с. 124—125.

<sup>15</sup> Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 411—412.

<sup>16</sup> Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч., т. 3, с. 575.

<sup>17</sup> Приведено в кн.: «М. Горький и советская печать», кн. 2. М., 1965, с. 21.

<sup>18</sup> Горький М. Собр. соч., т. 30, с. 13—14.

<sup>19</sup> Там же, т. 29, с. 412—413.

<sup>20</sup> Степанов Г. А. С. Новиков-Прибой. С. Н. Сергеев-Ценский. (Письма и встречи). Краснодар, 1963, с. 121—122.

<sup>21</sup> «Развороченные черепа», «Петербургский глашатай», сб. IX, [1913], с. 12.

<sup>22</sup> Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь.— В его кн.: Литература и эстетика, т. I. М., 1958, с. 191.

<sup>23</sup> Там же, с. 182—183.

<sup>24</sup> Петров С. М. Советский исторический роман. М., 1958, с. 94.

<sup>25</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 29, с. 492.

<sup>26</sup> Горький М. Собр. соч., т. 29, с. 412.

<sup>27</sup> Павленко П. А. Писатель и жизнь. М., 1955, с. 119.

<sup>28</sup> Цит. по кн.: Сергеев-Ценский С. Н. Соч., т. 3, с. 575.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский прошел долгий и трудный путь. Из восьмидесяти трех лет своей жизни шестьдесят он отдал напряженному литературному труду, причем начиная с 1905 года полностью посвятил себя художественному творчеству, не имея в жизни других интересов, кроме интересов русской литературы. Он с полным основанием мог сказать:

Ни из кого и никогда  
Не создавал себе кумира,  
Спины не гнул пред сильным мира  
И дня не прожил без труда.

Творческое наследие С. Н. Сергеева-Ценского поистине огромно и еще полностью не опубликовано. Он писал стихи, басни, стихотворения в прозе, рассказы, новеллы, повести, романы, романы-эпопеи (среди них и неоконченная эпопея в стихах об Отечественной войне 1812 года), пьесы, художественно-исторические очерки, литературно-критические и публицистические статьи, воспоминания, литературоведческие исследования и многое другое. Его творческий потенциал не слабел до последних дней жизни. И после 80-ти лет он оставался тем же великолепным художником слова, что и в молодости, о чем свидетельствуют написанные позднее, через пятьдесят лет, продолжения повестей «Наклонная Елена» и «Пристав Дерябин», и вряд ли кто заметил какое-либо различие в образном строе или языке этих произведений в целом.

Сам С. Н. Сергеев-Ценский считал, что охватить все его творчество одному исследователю трудно вследствие того, что оно велико по общему объему, слишком раз-

нообразно по жанрам и тематике, а также слишком оригинально по приемам письма и богатству языка.

Не претендуя на всеобъемлющий анализ всего творческого наследия С. Н. Сергеева-Ценского, настоящей книгой мы стремились внести свой посильный вклад в общее дело, отмечая основные, ведущие темы и мотивы творчества Ценского.

Следуя за классиками великой русской литературы, Сергеев-Ценский стремился проникнуть в глубь русской действительности и обобщить ее на страницах своих произведений. Еще до первой мировой войны у него возник грандиозный замысел создания широкой картины русской жизни на протяжении нескольких десятилетий. Так подошел он к основной и, можно сказать, единственной творческой теме своей жизни — теме «Преображения России», в чем также сказалось своеобразие этого замечательного мастера художественного слова.

«Чтобы написать «Преображение России», — говорил Сергеев-Ценский, — я должен был сам преобразиться. Я и преобразался вместе со своими героями. Вместе с народом переносил я и горе его и радости».

Творчество С. Н. Сергеева-Ценского — гуманистическое, жизнеутверждающее, яркокрасочное в своей основе. В творческой практике он следовал словам одного из героев ранних произведений: «...выбрать из земли и неба все краски, все звуки, все запахи... и из этого создать чудо!»



*Памятник С. Н. Сергееву-Ценскому в Алуште (работа скульптора Н. В. Томского, 1966).*

А. М. Горький называл Сергеева-Ценского «властелином словесных тайн, пронзительным духовидцем и живописцем пейзажа». «Замашистое русское слово» Сергеева-Ценского отмечал Шолохов, называя его «богатырем нашей русской литературы». «Могучий, светлый талант» Ценского приветствовал Фадеев. В этих высоких оценках подчеркивается выдающееся художественное мастерство классика русской и советской литературы.

С. Н. Сергеев-Ценский отдал все творческие силы народу, родине, он ставил их превыше всего. «Надо относиться к своему таланту как к достоянию народа, вверенному на срок личной жизни тому или другому... — писал Сергей Николаевич и подчеркивал: — Беречь талант... это значит — всегда осознавать, всегда чувствовать ответственность перед народом, к которому принадлежишь».

Это высокое чувство ответственности перед народом позволило С. Н. Сергееву-Ценскому создать много высокохудожественных произведений, и среди них такие монументальные, многоплановые произведения, как эпопеи «Севастопольская страда» и «Преображение России», которые являются значительным вкладом не только в советскую, но и в мировую литературу. Перед читателями всего мира С. Н. Сергеев-Ценский встает как народный писатель, как могучий русский талант. Его произведения являются национальным достоянием советского народа.

# СОДЕРЖАНИЕ

5	ВВЕДЕНИЕ
8	В НАЧАЛЕ ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ
38	1905 ГОД И ПЕРИОД БЕЗВРЕМЬЯ
94	ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА
144	«СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА»
173	ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ...
192	ЭПОПЕЯ «ПРЕОБРАЖЕНИЕ РОССИИ»
234	ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Петр Иванович Плуки*

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ  
ПИСАТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Редактор В. Ягуни  
Художники Б. Мокин, Б. Шляпугин  
Художественный редактор В. Вагин  
Технический редактор Л. Дунаева  
Корректоры О. Голева, М. Стрига

Сдано в набор 20/III-1975 г. Формат изд. 60×84<sup>1/16</sup>.  
Подписано к печати 10/IX-1975 г. А12436. Бумага  
для глуб. печ. Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 13,95.  
Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 40 000 экз. Заказ № 158.  
Цена 89 коп.

Издательство «Современник» Государственного  
комитета Совета Министров РСФСР по делам  
издательств, полиграфии и книжной торговли и  
Союза писателей РСФСР  
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Го-  
сударственного комитета Совета Министров РСФСР  
по делам издательств, полиграфии и книжной тор-  
говли, г. Электросталь Московской области,  
ул. им. Тевосяна, 25

*ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!*

**Просим Вас отзывы о книге — ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:**

**121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4  
Издательство «Современник»**